

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права

Современные новеллы Конституции Республики Беларусь как фактор
устойчивого развития государства и общества

Материалы круглого стола

Минск, 23 марта 2022 года

Минск
2022

УДК 342(476)(06)

С 568

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
31 октября 2022 г., протокол № 2

Под редакцией А. В. Шавцовой

Рецензенты:

Ладутько В.К., зам. начальника центра системного анализа
Белорусского государственного экономического университета, кандидат
юридических наук, доцент;

Кафедра государственно правовых дисциплин Белорусского
государственного экономического университета (заведующий кафедры,
к.ю.н., доцент О. А. Антонова)

Современные новеллы Конституции Республики Беларусь как
фактор устойчивого развития государства и общества : материалы
круглого стола, Минск, 23 марта 2022 года / БГУ, Юридический фак., Каф.
конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2022.
– 162 с. – Библиогр. в тексте.

В сборник вошли материалы круглого стола
«Современные новеллы Конституции Республики Беларусь как фактор
устойчивого развития государства и общества», организованного
Белорусским государственным университетом. Адресуется научным и
практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам
юридических учреждений высшего образования.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М. С. Абламейко

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
m.ablameyko@mail.ru

Н. В. Шакель

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
nshakel@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регулирования цифровых прав в условиях постоянного развития информационного общества. Проводится анализ законодательства ряда стран в области регулирования цифровых прав граждан. Рассматривается белорусское законодательство в данной сфере и даются рекомендации по его развитию.

Ключевые слова: цифровые права; информационное общество; цифровизация; информационное законодательство

В настоящее время все развитые страны мира идут по пути развития электронного государства (создание электронного правительства, совершенствование предоставления электронных услуг, переход на безбумажные технологии и документооборот), что влечет формирование в этой связи концепции цифрового гражданина. Как следствие, актуальным становится вопрос защиты его цифровых прав. Особенно актуальным вопрос реализации прав и свобод гражданина при использовании информационных технологий стал в период пандемии. Реальностью стало значительное ограничение возможностей лиц по перемещению (карты здоровья, красные и зеленые коды, программы отслеживания контактов и т.п.). Именно в этот период перед государством стал вопрос широкого применения ИКТ в связи с возрастающим спросом на электронные услуги со стороны населения.

Все это существенно изменило и подходы к тому, как реализуются программы развития умных городов. Одним из отражений указанных процессов стали Рекомендации для глав городов, городских менеджеров и других заинтересованных лиц по использованию технологий в период таких кризисов, как пандемия COVID-19, подготовленные Коалицией городов за цифровые права (создана по инициативе Амстердама, Барселоны и Нью-Йорка, насчитывает более 50 городов со всего мира). Данные Рекомендации представляют собой программу, в основе которой лежат права человека, и касаются таких вопросов, как согласие и доверие, открытость и прозрачность, справедливость и вовлеченность, социальные инновации. При их внедрении предполагается сотрудничество с научными кругами и прочими заинтересованными лицами [1].

В целом, в настоящее время все большее внимание уделяется проблематике цифровых прав. В последние годы ведутся широкие

научные дискуссии по поводу включения данных прав, как прав человека, в законодательство. При этом к настоящему времени еще пока не сложилось четкое определение и рамки понятия «цифровые права». Можно считать, что это сфера информационного права, которая регулирует права человека, связанные с применением информационных технологий. Сюда можно отнести регулирование отношений в сфере обработки персональных данных, публикации информации в сети, больших данных, искусственного интеллекта и других сферах.

Следует отметить специфику российского регулирования. В ст. 141.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ «цифровые права» определены как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Эти права могут реализовываться только в рамках соответствующей информационной системы. По сути это права на определенные «активы» в цифровой форме. Как отмечает Рожкова М., сущность данного «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 ст.141.1 ГК), и такое цифровое право может удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права» [2].

Введенное в российское законодательство определение нельзя признать в полной мере удачным, так как под цифровыми правами обычно понимают более широкую категорию прав, а именно, права человека в условиях цифровизации и развития современных информационно-коммуникационных технологий. Данные новые права в русскоязычной юридической литературе обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate), свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (freedom to connect — to anyone, anytime, anywhere, for anything). Иногда эти термины используют как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав [3].

Ряд российских ученых придерживаются именно такой точки зрения. Как отмечает Зорькин В.Д., «цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»[4].

В исследовании Бурьянова М.С. введен термин «глобальные цифровые права человека», к которым отнесены следующие права: право на доступ к информации; право на доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в глобальный Интернет; право на защиту частной жизни и личных данных (персональных и биометрических); право на уважение персональных данных; права, связанные с защитой генетической информации; имущественные права в цифровом имущественном обороте; возможности реализации личных, социальных, экономических, политических и культурных прав на базе технологических платформ; возможности приоритета сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта [5, с. 61].

Отечественный исследователь Сафонова Т.В. предлагала иной подход, выделяя следующие цифровые права, закрепленные в законодательстве Республики Беларусь, но не имеющие конституционных оснований:

право на электронную цифровую подпись (Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»);

право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей (Закон Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации);

право на защиту персональных данных (Закон Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации, Закон Республики Беларусь «О регистре населения») [6].

По мнению Сафоновой Т.В., также к цифровым правам можно отнести право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ к сети Интернет, право на цифровую связь и др. [6].

На наш взгляд, при формировании подхода к «цифровым правам» в Республике Беларусь, в связи с приоритетными направлениями развития государства, целесообразно выделить следующие:

1. Право на доступ к информации. Рассматривать вопрос о доступе к информации можно с разных сторон: как право на доступ к информации в широком смысле, т.е. ко всей информации доступ к которой не запрещен, как право на доступ к определенному виду информации (общедоступной и информации ограниченного доступа), как право на доступ к средствам массовой информации, как вида общедоступной информации и др. В настоящее время все более распространенным становится вопрос открытых данных. Развитие информационных технологий предполагает все более широкое применение именно открытых данных не только в жизни отдельного человека, но и в деятельности государства.

В настоящее время в законодательстве отсутствует определение открытых данных. В Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» предусмотрен в целом доступ к

информации, возможность получения информации и пользования ею (ст.1). Отдельно регулируются вопросы предоставления доступа к общедоступной информации и к информации распространение и (или) предоставление которой ограничено. Анализируя перечень общедоступной информации можно прийти к выводу, что большинство информации собирается и накапливается государственными органами, соответственно и предоставление данной информации относится к их компетенции.

Открытые данные можно отнести к информации общедоступной, однако эти данные собираются, обрабатываются и предоставляются негосударственными структурами. В Республике Беларусь функционирует портал opendata.by, созданный людьми из ИТ, науки, бизнеса и образования. Размещенные на портале данные касаются различных сфер жизнедеятельности общества, которые предоставляют возможность ознакомиться с информацией в таких сферах как городские данные, транспорт, экология и климат, картографические данные и др.

В современном мире именно открытые данные являются важным источником информации, способствуя развитию цифрового общества, а также в определенной степени снижая нагрузку на государственные органы с точки зрения альтернативы получения информации из других источников. Поскольку данная сфера в большинстве случаев базируется на общественной инициативе считаем, что правовое регулирование должно быть достаточно мягким. Вместе с тем, на законодательном уровне необходимо закрепить как само понятие открытых данных, так и то, какие данные могут быть к ним отнесены.

2. Право на доступ в Интернет. Данное право может рассматриваться в том числе как возможность реализации прав «цифрового гражданина», а именно получение электронных услуг, доступа к электронной медицинской карте, информационным ресурсам «умного города», участия в политической жизни, посредством электронного обсуждения нормативных правовых актов и электронного голосования и др.

На международном уровне уже с 2011 г. выделяется право на доступ в Интернет, в рамках которого отключение от всемирной сети считается нарушением прав человека [7].

Выделение данного права считаем обоснованным, так как сегодня доступ к цифровым услугам и ресурсам посредством сети Интернет в целом является неотъемлемой составляющей полноценной жизни гражданина в электронном государстве.

3. Право на защиту частной жизни и персональных данных. Принимая во внимание расширившиеся возможности сбора и обработки данных о физических лицах в рамках цифровой среды особенно актуальным становится вопрос защиты персональных данных, включая генетические, биометрические и др. Неотъемлемой частью развития «умных городов» является обеспечение общественной безопасности путем

оснащения городов камерами видеонаблюдения, датчиками и т.д., что ставит вопросы защиты частной жизни на новый уровень.

На данный момент, в ст. 28 Конституции Республики Беларусь указано, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании.

Необходимо на законодательном уровне определить понятие «частной жизни в цифровом пространстве», а также его границы. Особенно актуальным данный вопрос становится в связи с возникновением дипфейков, т.е. подменой фото-, аудио- и видеоматериалов, созданной с помощью нейронных сетей.

Таким образом, считаем целесообразным, обоснованным и своевременным выделение «цифровых прав» человека, относимых к информационному праву. Законодательное урегулирование вопросов доступа к открытым данным, права на Интернет и совершенствование норм защиты «частной жизни в цифровом пространстве» позволит более быстрыми темпами двигаться к поставленным целям в части построения ИТ-страны.

Список использованных источников

1. CC4DR Recommendations: safeguard digital rights when using COVID-19 related technologies [Electronic resource] / Cities for digital rights. – Mode of access: https://citiesfordigitalrights.org/sites/default/files/CC4DR_Recommendations%20BPosition%20Statement_Covid19tech%20final.pdf. – Date of access: 12.03.2022

2. Рожкова, М. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] / М. Рожкова. – Закон. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/8/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse. – Дата доступа: 12.03.2022

3. Варламова, Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? [Электронный ресурс] / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 4. – С. 9–46. – Режим доступа: <http://igpran.ru/prepare/a.persons/alieva/Varlamova.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2022.

4. Зорькин, В.Д. Право в цифровом мире. Выступление на ПМЮФ [Электронный ресурс] / Ассоциация юристов России. – 2018. – Режим доступа: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-ptuuf/>. – Дата доступа: 12.03.2022.

5. Бурьянов, М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации [Электронный ресурс] / М. С. Бурьянов // Век глобализации. – 2020. – №3(35). – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2765600/>. – Дата доступа: 11.03.2022.

6. Сафонова, Т.В. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] / Т.В. Сафонова. – ВГУ. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/27062/1/456-458.pdf>. – Дата доступа: 11.03.2022.

7. ООН признала доступ в интернет базовым правом человека [Электронный ресурс]. – Лента.ру. – 2011. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/06/07/basicright/>. – Дата доступа: 11.03.2022.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Э. Ю. Анциферова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, аспирант, магистр
юридических наук
edita.antsiferova@yandex.ru

Аннотация. Важнейшим инструментом теоретического анализа является понятийный аппарат. Кроме классического определения информационного суверенитета в научной литературе наблюдается огромное множество использования тождественных терминологических единиц, таких как сетевой, электронный, технический, цифровой, виртуальный, киберсуверенитет. Такая неопределенность обусловлена смешением данных понятий как в правовой науке, так и в законодательстве. Анализ научных трудов ученых-конституционалистов в области информационного суверенитета показал, что юридическая наука нуждается в разграничении упомянутых понятий.

Ключевые слова: суверенитет, информатизация, цифровизация, информация, информационное пространство.

Модернизация современного общества вызвала необходимость поиска новых подходов к пониманию различных аспектов цифровизации, в целом переосмыслению правовых подходов государства к цифровизации и информатизации. Отношения, связанные с функционированием сети Интернет, вопреки их растущей роли остаются одной из наиболее уязвимых сфер нашей жизни. В эпоху цифровизации и стремительного развития информационных технологий новые средства трансляции информации изменили устои человеческого взаимодействия, обмена и получения информации не только в рамках государства, но и на международной арене. Расширение границ этого права или необоснованное правовое суждение может привести к хаосу и серьезным последствиям. Наблюдается процесс стирания границ между государством, его суверенным функционалом и цифровой реальностью.

Один из фундаментальных вопросов для юриспруденции в этой связи – это вопрос о поиске необходимой меры правовой урегулированности таких отношений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что переход от индустриального общества к цифровому, сопровождающийся активным внедрением информационных технологий, доступностью различных видов информации, создал новые уникальные возможности для развития личности и общества в целом. В то же время наблюдается необходимость правильной реализации и эффективной защиты данных правоотношений, повышение взаимного доверия в информационной среде, оперативного законодательного реагирования на весь спектр геополитических изменений, многочисленных угроз и вызовов.

С дальнейших времен наблюдается процесс изучения основополагающих категорий, свидетельствующих об уровне развития того или иного общества, степени его зрелости. Истоки понятия «суверенитет» можно проследить в различных учениях, начиная от глубокой древности. Этимологически понятие «суверенитет» происходит от французского слова «*soveranité*» к латинскому «*suprematis*», что означает «высшая власть». Исторический опыт показывает, что одни и те же явления, поступки в различные исторические эпохи оценивались по-разному, при этом влияя на развитие рассматриваемой категории. Вместе с тем смена одной эпохи другой не приводила к полной замене, отрицанию существовавшего ранее понятия суверенитета в его бытовом, повседневном толковании. В целом они сохраняли предшествующие представления и дополнялись новыми. Так, Б. Мендельсон указывал на высшую значимость суверенитета, определяя его как «основополагающий принцип международного общества, источник порядка, а отрицание принципа государственного суверенитета равнозначно отрицанию международного общества как такового» [1, с. 62]. Однако, стремительное развитие международных отношений и международного права обуславливает изменение содержательного аспекта основных политико-правовых понятий и требует их корреляции согласно современным тенденциям [2, с. 4].

Нельзя не согласиться с В. М. Гессеном, который утверждал, что учение о суверенитете «до тех пор будет представлять из себя непроходимый лабиринт бесчисленных контроверз и недоразумений, пока терминология в этой области не будет установлена на прочных и непоколебимых основах» [3, с. 55]. По мнению В. П. Кириленко и Г. В. Алексеева, необходимо «формирование демократических механизмов по реализации виртуального (информационного) суверенитета страны, определяющего состояние медиасферы и виртуальной реальности современного мирового сообщества, обеспечивающего защиту тайны частной жизни и личную неприкосновенность» [4, с. 20]. Так, вопрос баланса между правами и интересами человека и компетенцией и

интересами государственной власти может быть установлен лишь с помощью правовых норм.

Информационный суверенитет подробно исследует С. В. Жигжитов, который анализирует различные составляющие понятия информационный суверенитет государства, позволяющие выявлять наиболее тесную взаимосвязь между ними на основе указанных авторами материально-правовых признаков и коллизионных особенностей.

В результате можно свести мнение автора к трем основным компонентам [5]:

1. Способность государства контролировать внутреннее информационное пространство. Следует отметить, что важным направлением для установления информационного суверенитета является проведение информационной политики внутри страны, а именно обеспечение стабильности и безопасности национальных информационных инфраструктур, технологическая и законодательная независимость государства в информационном пространстве от внешних угроз, формирование глобального информационного пространства.

2. Способность государства отражать информационные атаки извне (щит). Тесно связанной с информационной политикой характеристикой является осуществление устойчивости государства к информационным угрозам, а именно формирование состояния защищенности информационного пространства и инфраструктуры, обеспечивающее сохранность интересов личности, общества и государства.

3. Способность государства влиять на информационное пространство других государств (меч). Данный пункт указывает на информационную политику меча, а именно информационное воздействие с целью нанесения ущерба важным структурам иного государства, подрыва его политической и социальной систем, дестабилизации общества и государства противника для достижения выгодных для агрессора целей при одновременной защите от аналогичных действий своего информационного пространства.

Однако, помимо определения информационного суверенитета в научной литературе наблюдается огромное множество использования тождественных терминологических единиц, таких как сетевой, электронный, технический, цифровой, виртуальный, информационный суверенитет, киберсуверенитет. Такая неопределенность обусловлена смешением данных понятий как в правовой науке, так и в законодательстве. На наш взгляд, информационный суверенитет является более широким понятием по отношению к вышеупомянутым в связи с тем, что информационные технологии включают в себя не только цифровые технологии обмена информацией, но и аналоговые. Стоит отметить, что конечной целью каждого устройства является создание, обработка и хранение информации. При этом, цифровой суверенитет трактуют как

суверенитет конечного пользователя цифровых технологий и услуг. В данной трактовке авторы часто уходят в защиту персональных данных, кибергигиену и киберкультуру, а также кибербезопасность. В результате указывают на характеристики киберсуверенитета. Огромное количество терминологических единиц приводит к размыванию границ исследуемых понятий и необходимости в выработке единого подхода к пониманию данной характеристики. Общесвязующим звеном между вышеупомянутыми понятиями является информация, которая представляется в универсальном цифровом виде. Исследуемые характеристики трактуются по-разному теми, кто берет их на вооружение, поскольку, огромное влияние оказывают конкретно-исторические обстоятельства, интересы социальных групп, зависящие от реального отношения к ценностям жизни.

В контексте сказанного актуальным является вопрос о соотношении исследуемых понятий, поскольку ученые и законодатель иногда противопоставляют их, а иногда используют как синонимичные понятия.

Список использованных источников

1. Mendelson, B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network / B. Mendelson // Cambridge University Press : Review of International Studies.– 2005.– №1. – P. 61–67.
2. Шавцова-Варфоломеева, А. В. Теоретические основы государственного суверенитета Республики Беларусь, его правовое обеспечение / А. В. Шавцова-Варфоломеева. – Минск : БГУ, 2016. – 183 с.
3. Гессен, В. М. Общее учение о государстве / В. М. Гессен. – СПб. : Типолит. И. Трофимова, 1912. – 190 с.
4. Кириленко, В. П., Алексеев, Г. В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях управленческое консультирование / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев. М : № 3. – 2016. – С. 14–23.
5. Жигжитов, С. В. Государственный суверенитет – особенности теоретического и прикладного исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=11>. – Дата доступа: 08.03.2022.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Астапова

Белорусский государственный университет, магистрант юридического факультета

Аннотация. Полноценная реализация экономических интересов субъектов экономической деятельности в условиях рынка возможна только в условиях экономической свободы. Важной частью экономической свободы является поддержание государством конкуренции и противодействие чрезмерному монополизму. Настоящая статья посвящена анализу конституционных основ, представляющих фундамент государственной поддержки добросовестной конкуренции и антимонопольного законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституция, Республика Беларусь, принципы, конкуренция, антимонопольная политика.

Сегодня изучение конституционно-правового регулирования вопросов противодействия монополистической деятельности и поддержки конкуренции приобретает чрезвычайную актуальность.

В практическом плане изучение проблемы конституционной обоснованности государственной поддержки конкуренции и ограничения монополистической деятельности представляется значимым в целях недопущения чрезмерной концентрации капитала и производства у одного субъекта. Монополизм закономерно порождает спад экономического роста в масштабах страны, соответственно, необходимо всестороннее изучение конституционно-правового регулирования конкуренции как своеобразного правового явления.

Как справедливо отмечает А. Н. Арушаньянц, законодательством Республики Беларусь понятие правовых принципов, включая принцип свободы конкуренции, прямо не предусмотрены и не раскрыты [1, с. 229].

Конкуренция является признанным мощным стимулом экономического роста в рамках страны. Она является фактором, позитивно влияющим на развитие научно-технического прогресса, рост эффективности производства, а также соотношение спроса и предложения. Современная концепция свободного рынка означает сочетание частной собственности и свободной конкуренции участников рыночного товарооборота. Данное сочетание обеспечивает организацию товарооборота с участием субъектов рыночной экономики, которые осуществляют основанную на риске экономически значимую деятельность с основной целью извлечения неограниченной прибыли.

Сказанное означает возможность разнообразия в экономическом поведении субъектов хозяйствования, которые вправе выбирать самостоятельно форму собственности и сферу использования располагаемых ресурсов [3, с. 215].

Переход к свободному рынку стран постсоветского пространства в период после 1989 года следует оценивать с точки зрения приверженности этих стран, включая Республику Беларусь, к либеральной демократии применительно их отношения к двум аспектам: приоритету гражданских ценностей и экономической свободе. В рамках настоящего

исследования рассмотрим конституционно-правовые основы обеспечения экономической свободы в Республике Беларусь.

Следует отметить, что в настоящее время существует международный инструмент оценки уровня экономической свободы разных стран. Это Индекс экономической свободы Heritage Foundation [4], при вычислении которого используется набор различных критериев, основными из которых Институт Heritage Foundation (США) определил свободу индивидуального выбора, добровольный обмен товарами, свободную конкуренцию и соблюдение прав частной собственности.

Изучая результаты проведенной оценки уровня экономической свободы в Р. Беларусь, следует отметить, что положение страны в рассматриваемом направлении находится в динамике и улучшается. Так, за два года с 2018 по 2020 год страна улучшила позицию в рейтинге по Индексу экономической свободы Heritage Foundation на 20 позиций: с 108 места в мире в 2018 году до 99 места в 2019 году, и до 88 места в 2020 году. Всего в рейтинге участвовало 162 страны мира (для сравнения отметим, что Российская Федерация находится в данном рейтинге на 92 месте) [4].

Как представляется, данная рейтинговая позиция Республики Беларусь не случайна, она обусловлена практическим использованием принципа свободной конкуренции, который вместе с тем законодательно не закреплён.

Из анализа национальной конституционно-правовой доктрины следует, что правовыми принципами являются «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание (основы) и закреплённые в нем закономерности общественной жизни» [2, с. 116–117].

Проведенный анализ текста статьи 13 Конституции Республики Беларусь (принята 15.03.1994, применяется с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 04.03.2022) позволяет сделать вывод, что конституционный подход нашей страны предусматривает признание частной собственности, свободу экономической деятельности и поддержку конкуренции.

То есть фактически имеет место закрепление принципа экономической свободы и поддержки конкурентности. Так, в анализируемой конституционной статье прямо предусмотрено предоставление всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, за исключением запрещённой законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности.

Сказанное означает конституционное закрепление принципа свободы конкуренции в Республике Беларусь в совокупности с

конституционными принципами экономической свободы, включая свободу предпринимательства, равенства возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности. Комплекс обозначенных конституционных подходов позволяет в законотворчестве и правоприменении активизировать экономически значимую деятельность и способствует присутствию на рынке Республики Беларусь большего количества хозяйствующих субъектов.

Государством гарантируются равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В то же время конституционно подчеркнута активная экономическая роль государства: оно осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях.

Данные подходы стали основой правового регулирования, осуществляемого в сфере реализации антимонопольной политики в рамках Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», в статье 2 которого прямо установлено, что антимонопольное законодательство основано на нормах Конституции Республики Беларусь.

Значимость конкуренции состоит в том, что свобода рыночного состязания производителей различных видов продукции в настоящее время является общепризнанным неотъемлемым условием развития предпринимательства в стране. Борьба рыночных субъектов за внимание потребителя, за возможность занять определенный сегмент рынка, удовлетворяя имеющийся спрос, позволяет оперативно направлять ресурсы

в развитие производства именно тех товаров и услуг, в которых в определенный период времени потребители нуждаются больше всего.

Государством, как следует из рассматриваемой статьи 13 Конституции Республики Беларусь, гарантируется всем участникам рыночных отношений равенство возможностей по свободному использованию своих способностей и имеющегося имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Использованная в основном законе формулировка указывает на то, что государство данную гарантию возлагает непосредственно на себя, то есть буквально данная формулировка должна быть интерпретирована следующим образом: государство обязуется осуществлять целенаправленное нормативное и административное воздействие в экономической сфере, которое обеспечит равные возможности всех

рыночных товаропроизводителей. Оно принимает на себя обеспечение равенство субъектов при входе на национальный рынок и пресечение монополизма.

В силу сказанного можно заключить, что в Республике Беларусь наряду с поддержкой государством равенства прав субъектов на рынке, закреплена

и обязанность государства осуществлять нормативное «регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества» (в силу статьи 13 Конституции Республики Беларусь).

Конкурентные отношения способствуют активизации экономически значимой деятельности товаропроизводителей в отсутствие административного принуждения, поскольку предприниматели в силу особенностей предпринимательской деятельности, направленной на извлечение неограниченных доходов, движимы стремлением к неограниченному росту получаемой прибыли.

При изучении принципов национальной антимонопольной политики Республики Беларусь целесообразно обратить внимание на понимание термина «конкуренция». Конкуренция как феномен должна рассматриваться, по крайней мере, в двух важнейших аспектах: как ситуация, которая складывается на определенном рынке, и как поведение субъектов экономически значимой деятельности.

С точки зрения рыночной ситуации свобода конкуренции определяется, прежде всего, как свобода входа товаропроизводителей на рынок. Как указывает А. Н. Арушьянц, на основе концепции состязательных рынков, как благоприятный фактор следует оценивать отсутствие входных барьеров на рынок. Автор отмечает, что свобода конкуренции позитивно влияет на уровень общественного благосостояния в том числе и в случае высококонцентрированных рынков [1, с. 231]. В то же время при всей значимости обеспечения равных условий входа на рынок, государству целесообразно также обеспечить и свободу выхода с рынка.

Свобода входа и выхода с рынка как проявления свободы конкуренции должны быть обеспечены снижением излишних административных барьеров, которые ранее были созданы на уровне нормативного регулирования, а также ликвидацией барьеров, создаваемых крупными игроками на рынке, закономерно стремящихся к доминированию.

Именно в силу сказанного в вышеупомянутом Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», закреплён запрет злоупотребления монопольным положением посредством создания препятствий доступу на товарный рынок другим хозяйствующим субъектам или путем содействия их уходу с товарного рынка.

В том случае, когда понятие конкуренции рассматривается с точки зрения поведения хозяйствующих субъектов, свобода конкуренции проявляется как наличие возможностей по своему усмотрению совершать любые конкурентные действия в рамках, закрепленных нормативно.

Обеспечение свободы конкуренции предполагает наличие государственного регулирования хозяйственных отношений, которое состоит в установлении пределов деятельности субъектов рыночных отношений.

Следует отметить, что право государства оказывать регулирующее влияние на экономику, не исключается и многими зарубежными специалистами. К примеру, по мнению Р. Штобера «ни одно государство не отказывается от управления экономикой, так как государство ответственно за развитие экономики и либеральные государства также вырабатывают общие правовые условия, предоставляя возможности для экономической деятельности» [5, с. 25].

Это означает, что свободу конкуренции не следует понимать, как свободу абсолютную. Ей присущ ограниченный характер, государство должно установить определенные меры противодействия монополизму, который является крайним проявлением свободы на рынке, чтобы защитить конкуренцию от самой себя, «от присущих ей саморазрушительных сил» [5, с. 25].

Таким образом, следует отметить, что конституционный принцип свободы рыночной конкурентности не противоречит активной и значимой роли государства, которое создавая нормативные рамки для рыночных субъектов, не должно полностью самоустраняться их экономической реальности, в том числе ввиду того, что имеется значительное количество товаров и услуг, которые должны производиться в каждой стране в любом случае, даже тогда, когда их производство изначально нерентабельно и планомерно убыточно.

Это означает, в частности, что государство, будучи субъектом, наделенным значительной властью, принципиально не должно осуществлять непосредственную экономическую деятельность в тех рыночных субъектах, где создано и участвует в конкуренции значительное количество частных производителей продукции, однако, должно принимать меры к насыщению национального рынка товарами, которые частным субъектам экономически производить заведомо невыгодно.

Подытоживая проведенный анализ конституционного подхода к закреплению принципа свободы конкуренции можно сделать вывод, что Конституция Республики Беларусь, не выделяя прямо данный принцип, предусматривает два уровня экономической свободы, во-первых, рыночным субъектам гарантирована свобода осуществления конкурентных действий, во-вторых, государство приняло на себя функцию по принятию мер, направленных на нормативное и организационное

обеспечение свободы входа на рынок и выхода с рынка Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Арушаньянц А. Н. Теоретико-прикладные основы принципа свободы конкуренции // А. Н. Арушаньянц // Государство и право во времени и пространстве [Электронный ресурс]: сборник тезисов докладов участников Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов / сост. И.П. Манкевич [и др.]; УО «Белорусский государственный экономический университет». – Мн.: БГЭУ, 2020. – С. 229-232.
2. Бондаренко Н. Л. Отграничение правовых принципов от иных правовых категорий (на примере гражданского права) // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. – Гродно: ГрГУ. – 2017. – С. 18–25.
3. Мустаев Р. В. Основы понятий стратегии и конкуренции /Р.В. Мустаев// Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2016. – № 26. С. 212-216.
4. The Heritage Foundation [Электронный ресурс] Режим доступа: [https:// https://www.heritage.org](https://www.heritage.org)
5. Штобер Р. Хозяйственно-административное право. Основы и проблемы. Мировая экономика и внутренний рынок: перевод с нем. / Р.Штобер. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 370 с.

О ПРОБЛЕМАХ УКРЕПЛЕНИЯ ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

О.Ю.Буйко

Белорусский государственный университет, студент1 курса

bujko@bk.ru

Научный руководитель: Василевич Г. А. доктор юрид. наук, профессор

В Республике Беларусь процесс становления местного самоуправления сдерживается, прежде всего, причинами экономического характера, отсутствием необходимых финансовых средств для ответственного осуществления всего комплекса местных задач, неурегулированностью взаимоотношений органов местной власти с субъектами хозяйствования и налогоплательщиками. Экономическая основа является гарантией права населения на самоуправление. Материально-финансовые средства выступают главным фактором функционирования коммунального хозяйства, социально-культурного,

жилищно-бытового, медицинского и иного обслуживания населения административно-территориальной единицы. Представительным и исполнительным органам власти на местном уровне сложно проявлять активность и инициативу, так как часто для этого нет соответствующих финансовых ресурсов.

Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» одной из составляющих экономической основы местного самоуправления определяет коммунальную собственность. В коммунальной собственности могут находиться имущество государственных органов соответствующей административно-территориальной единицы, средства местного бюджета, жилищный фонд и жилищно-коммунальное хозяйство подведомственной территории, а также промышленные, строительные, сельскохозяйственные предприятия, организации, учреждения здравоохранения, образования, культуры. В Беларуси в состав коммунальной собственности не входят такие важнейшие элементы как земля и другие природные ресурсы. Статья 13 Конституции определяет исключительную собственность государства на недра, воды, леса. Земли сельскохозяйственного назначения также находятся в собственности государства. Кодекс Республики Беларусь о земле определяет, что собственность на землю может выступать в государственной или частной формах. Исходя из этого, административно-территориальная единица не может выступать в качестве собственника земельных участков. Здесь важно отметить, что Конституция Республики Беларусь не содержит понятия коммунальной собственности, которая считается разновидностью государственной. Поэтому вполне обоснованным видится выделение коммунальной (а скорее муниципальной) собственности как отдельного ее вида и закрепление такого положения в Конституции страны. Это позволит не только более точно определить ее политико-правовую сущность, но и повысить экономическую эффективность. Правовой статус коммунальной (муниципальной) собственности является ядром экономической основы местной власти. Это обуславливается, прежде всего, задачами местного самоуправления, поскольку собственность предназначена для обеспечения их надлежащего решения.

Следует в целом говорить о законодательном закреплении значительно более широких, чем имеются в настоящее время, основ самоуправления. В данном случае имеются основания для принятия закона о коммунальной (муниципальной) собственности, в котором следовало бы: дать развернутое понятие права коммунальной собственности, зафиксировать ее существенные черты и целевую направленность, закрепить особый порядок передачи объектов коммунальной собственности в оперативное управление и хозяйственное ведение, подробно регламентировать права и обязанности субъектов по передаче, контролю и использованию коммунального имущества. В таком контексте

стоит упомянуть и о принципе судебной защиты коммунальной собственности, который в данный момент законом не установлен. В законодательстве не закрепляется и обязанность местных органов власти отчуждать неиспользуемые объекты. Между тем, такое требование может быть выведено из принципов экономного и рационального хозяйствования. Считаем, что субъект самоуправления не должен иметь предприятий, которые не были бы нацелены непосредственно или опосредованно на удовлетворение потребностей жителей. Законодательно следует закрепить субсидиарный характер коммунального хозяйства, чтобы местные власти произвольно не могли без удовлетворения общественных потребностей участвовать в хозяйственном обороте. Деятельность коммунальных предприятий должна вестись таким образом, чтобы поставленная задача выполнялась как можно более полно.

Коммунальные предприятия часто решают потенциально бесприбыльные социальные задачи, снижающие экономические показатели, в подобных случаях предпочтительной будет сдача коммунальной собственности в долгосрочную аренду. Это позволит развивать малый бизнес, формировать благоприятную экономическую среду, а арендная плата сможет стать стабильным источником доходов. Негативно на хозяйственной деятельности отражается работа некоторых казенных предприятий, очевидным недостатком которых является бюрократическая неповоротливость, вытекающая из тесной связи с администрацией. Приватизация в подобных случаях должна проводиться таким образом, чтобы она не препятствовала становлению муниципальной собственности.

В сфере местных финансов складывается определенное противоречие, когда административно-территориальные единицы несут основное бремя расходов, связанных с жизнеобеспечением, хотя располагают ограниченной финансовой основой. Основная причина такого противоречия заключается в отсутствии четкого регулирования межбюджетных отношений на общегосударственном и региональном уровнях. Отсюда вытекает и крайне ограниченный масштаб участия субъектов местной власти в общих налоговых доходах, что не позволяет обеспечить самостоятельное выполнение их задач. Здесь необходимо поставить вопрос об устранении недостатков коммунальной финансовой системы, путем установления более высокого налогового обеспечения местных органов власти повышением доли отчислений от уже существующих налогов. Важно в таком случае заметить, что будет оправданным передать на места налоги, имеющие достаточное финансовое наполнение и максимально широкое распространение, не подверженные кризисным и конъюнктурным воздействиям. К местным налогам правомерно отнести налог на имущество предприятий, налог на недвижимость, налог на землю. Предлагаться могут и другие базовые варианты регулирования налогов и нормативов их закрепления за

местными бюджетами (к примеру, 100% подоходного налога, 50% налога на имущество, 5% налога на недвижимость и т.д.). По нашему мнению, значительную часть бюджета должны занимать налоговые поступления от предприятий, работающих на территории данного района. Описанными методами может решаться и важнейшая проблема местных бюджетов — их дефицит. В качестве возможного совершенствования структуры расходов можно рассматривать поэтапную передачу средств, направляемых на содержание бюджетных организаций, в качестве адресной социальной помощи гражданам.

На наш взгляд, важной проблемой является отсутствие в законодательстве каких-либо норм об источниках и порядке финансирования деятельности органов территориального общественного самоуправления. В Законе «О местном управлении и самоуправлении» содержится лишь положение, позволяющее исполкомам поощрять органы территориального общественного самоуправления за активное участие в решении вопросов местного значения. Потенциально возможными источниками финансирования деятельности данных органов (в особенности коллегиальных органов территориального общественного самоуправления с образованием юридического лица) могут стать пожертвования граждан, финансирование из местных бюджетов, доходы от предпринимательской деятельности (касательно органов территориального общественного самоуправления со статусом юридического лица), спонсорская помощь, а также самообложение граждан.

Еще одной очень актуальной проблемой для Республики Беларусь является подготовка кадров в сфере местного самоуправления. В силу многих причин, у белорусских специалистов нет достаточной аналитической информации о содержании, сути, принципах и нормах Европейской Хартии и об иных международных документах в сфере местного самоуправления, а также о соответствующем законодательстве зарубежных стран. Поэтому актуальность подготовки и повышения квалификации кадров в сфере местного самоуправления на основе современных знаний крайне высока и требует особого внимания, а также внесения соответствующих коррективов.

Напоследок стоит сказать, что для разрешения вопросов финансового обеспечения местного самоуправления важно следовать нормам таких правовых документов, как Европейская Хартия местного самоуправления, а также Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи СНГ «Об общих принципах организации местного самоуправления». Определение и урегулирование проблем местного самоуправления должны стать стратегическими направлениями развития белорусской государственности. Считаем, что в связи с конституционными преобразованиями основную деятельность по проработке данной проблемы следует осуществлять Всебелорусскому народному собранию.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АКТОВ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

А. С. Валеvко

Полоцкий государственный университет, старший преподаватель
a.nuzhdina@pdu.by

Аннотация. В статье рассматривается вопрос отнесения предостережения, выдаваемого антимонопольным органом за сведения о намерении совершить административное правонарушение по ст.13.33 Кодекса об административных правонарушениях «Недобросовестная конкуренция» к административно-предупредительным мерам. Автор приходит к выводу, что предостережение как административно-предупредительный механизм антимонопольного органа в дальнейшем можно включить в Главу 5 Кодекса об административных правонарушениях «Профилактические меры воздействия».

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, административно-предупредительные меры, Кодекс об административных правонарушениях, предостережение, предупреждение.

Отнесение административно-предупредительных мер к мерам административного принуждения является достаточно спорным вопросом в науке административного права. Данная проблема обусловлена различными подходами к классификации мер административного принуждения. Как отмечает М.З. Ильясов: «одна из причин заключается в использовании различных критериев классификации мер административного принуждения: способов обеспечения правопорядка; цели применения; оснований и порядка применения и др.» [1].

Рассматривая вопрос об определении административно-предупредительных мер, стоит заметить, что их не выделяют такие авторитетные ученые как Д.Н. Бахрах [2, с.34] и М.С. Студеникина, которая, в свою очередь, полагает, что административно-предупредительные меры представляют собой обязанности, исполняемые большинством граждан добровольно, без принуждения. По ее мнению, «возникновение обязанности помимо воли обязанного лица не означает еще принуждения» [3, с.7].

Белорусские ученые В.А. Абрамович, С.Г. Василевич, В.К. Ладутько, В.Е. Петухова определяют административно-предупредительные меры как меры непосредственно не связанные с совершением правонарушений, а направленные на их предотвращение, предшествуют применению других мер административного принуждения, реализуемых в случаях совершения административных правонарушений, достаточно многообразны и

применяются различными субъектами системы исполнительной власти во многих сферах государственного управления [4, с.31].

Регулирование конкуренции осуществляется белорусским антимонопольным органом – Министерством антимонопольного регулирования (далее – МАРТ).

В п 5.2. Положения о МАРТ закреплено принятие мер по противодействию монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, по выявлению и пресечению нарушений законодательства в области противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции, содействию развитию добросовестной конкуренции.

Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» 8 января 2018 г. № 98-З (далее – Закон о конкуренции) был введен новый институт – предостережение, ранее не использовавшейся в практике антимонопольного органа.

В соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о конкуренции в целях предупреждения нарушения антимонопольного законодательства антимонопольный орган вправе направить должностному лицу юридического лица, в том числе государственного органа, предостережение в письменной форме о недопустимости совершения действий (бездействия), которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства.

Основанием для направления предостережения в соответствии с п. 2 ст. 16 Закона о конкуренции являются публичное заявление должностного лица юридического лица, в том числе государственного органа, о планируемом поведении на товарном рынке, если такое поведение может привести к нарушению антимонопольного законодательства; иная информация о планируемых таким лицом действиях (бездействии), которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства.

Специалисты МАРТ перед выдачей предостережения оценивает наличие в планируемых действиях возможности нарушения антимонопольного законодательства. Выдача предостережения не влечет административной ответственности, а является своего рода сигналом для недопущения нарушения.

Предостережение как мера, направленная на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства (в т.ч. и недобросовестной конкуренции), не имеет четко определенных правовых последствий своего неисполнения. Это означает, что отказ должностного лица, которому направлено предостережение, воздержаться от совершения планируемых действий (бездействия) не может являться основанием для ужесточения административной ответственности за совершенное правонарушение (такое отягчающее административную ответственность

обстоятельство не предусмотрено КоАП). Поэтому должностное лицо юридического лица, в том числе государственного органа, совершившее нарушение антимонопольного законодательства, от которого предостерегал антимонопольный орган, будет отвечать за такое правонарушение на общих основаниях.

Наличие в законодательстве меры как предостережение обуславливает выполнения ею двух функций:

1)предупреждающая. Закрепление в законодательстве нормы о предостережении указывает хозяйствующим субъектам на то, что законодательство предусматривает меры реагирования без привлечения хозяйствующих субъектов к административной ответственности;

2)пресекательная. Позволяет не допустить совершение актов недобросовестной конкуренции хозяйствующим субъект при наличии сведения о таких намерениях и достаточном основании полагать, что такие действия могут повлечь административную ответственность по ст.13.33 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП).

В контексте изменения редакции КоАП в 2019-2021 гг. в Общую часть административно-деликтного закона была включена Глава 5 КоАП «Профилактические меры воздействия». Учитывая особенности правовых норм указанной главы, можно констатировать факт, что Республика Беларусь явилась первой страной на евразийском пространстве, закрепившей на законодательном уровне административно-предупредительные меры в КоАП.

На наш взгляд Глава 5 КоАП имеет перспективы дальнейшего совершенствования: ее можно расширить путем включения отдельной статьи, содержащей условия и основания выдачи предостережений и предупреждений МАРТ хозяйствующим субъектам в целях систематизации законодательства.

Список использованных источников

1.Ильясов М.З. Система мер административного принуждения: теоретические подходы к классификации М; Вестник Академии МВД России, 2010.С 58-63.

2. Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 34.

3.Студеникина М.С. Законодательство об административной ответственности и проблемы ее кодификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М; 1968. 16 с.

4.Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право: электронный учебно-методический комплекс для специальности: 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; сост.: В. А. Абрамович [и др.].Минск : 2021.137 с.

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА: АБОРТЫ, СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. Д. Дятко

Белорусский государственный университет, студентка 1 курса
datkomasa@gmail.com

М. М. Соловей

Белорусский государственный университет, студентка 1 курса
soloweymaria@gmail.com

Научный руководитель - Шавцова А.В., канд. юрид. наук, доц.

Аннотация. Данная работа посвящена выделению в юриспруденции такой группы прав человека, как соматические. При этом представляется неоднозначным вопрос их правового закрепления потому, что в научном мире нет единства по поводу перечня прав, входящих в данную группу. За последние десятилетия право становится все более антропологизированным. Поэтому сегодня мы можем говорить о расширении восприятия свобод и объемов прав каждого человека. Проводится анализ соматических прав (абортов и суррогатного материнства) по законодательству Республики Беларусь. Высказываются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: человек; права человека; соматические права; репродуктивное здоровье; суррогатное материнство; право на аборт; Конституция Республики Беларусь.

Развитие биомедицины, трансплантации, репродуктивных технологий, появление возможностей по изменению генома позволяют проводить самые разнообразные манипуляции с человеческим телом. Конечно, эти новации помогают улучшить качество и продолжительность жизни. И человек может реализовывать права по распоряжению своим телом на более высоком уровне. Вместе с тем возрастают риски и угрозы, связанные с их соблюдением.

Одной из наиболее личностных видов прав человека являются репродуктивные права, в том числе права женщин на здоровье, закрепленные с учетом особенностей женского организма и связанные с репродуктивной ролью женщин в обществе. Согласно Конституции и Закону Республики Беларусь «О здравоохранении», гражданам гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Охрана репродуктивного здоровья и репродуктивных прав распространяется не только на репродуктивный период, но и детство, подростковый возраст и старость. Это связано с тем, что здоровье в детском и подростковом возрасте создает основу для воспроизводства здорового потомства в будущем и обеспечения здоровья по прошествии репродуктивных лет жизни человека. Как отмечалось в Национальном отчете о выполнении Республикой Беларусь Пекинской платформы действий, состояние здоровья женщин существенно влияет на благосостояние семьи и детей [3, с. 30].

Репродуктивные права и здоровье не являются в законодательстве новыми понятиями. На Международной конференции по правам человека (Тегеран, 1969 г.) репродуктивные права и здоровье признаны неотъемлемым компонентом прав человека [2, с. 76]. Впервые на международном уровне понятие «репродуктивные права» было определено на Каирской конференции (1994 г.) как «состояние полного физического, умственного и социального благополучия» [2, с. 76].

Вопрос об отношении общества и государства к репродуктивным правам женщин и аборту был и остается в центре внимания. Нравственная оценка аборта изменялась на протяжении существования человеческого общества и представляет собой многовековую историю его морально-религиозного осуждения аборта. Несмотря на принципиальные изменения нравственной оценки искусственного прерывания беременности, белорусским законодательством аборты разрешены. Согласно ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» искусственное прерывание беременности производится по желанию женщины в медицинских учреждениях, когда беременность не превышает 12 недель. До этого срока плод всецело является частью матери, и только она вправе решать вопрос о прекращении беременности. На сроке от 12 до 22 недель искусственное прерывание беременности возможно при наличии социальных показаний (женщинам, забеременевшим в результате изнасилования, и тем, кто решением суда были лишены родительских прав), а по истечении этого срока аборт возможен только по медицинским показаниям. Прерывание беременности по медицинским показаниям производится независимо от срока беременности.

Стоит обратить внимание на то, что в данной статье именно женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Как подчеркивает Василевич Д.Г. в одной из работ: «Сохраняя за ней такое право, все же было бы правильно, чтобы выяснялось мнение мужа замужней женщины» [1]. Если стать на позицию формального равенства, забыв об объективно существующих физиологических различиях, то в решении этого вопроса женщины наделены преимущественным правом, что может быть расценено как ущемление прав мужчин. Вместе с тем вынашивание и рождение детей является приоритетной функцией женщины. Следует признать, что эмбрион – часть тела женщины, поэтому при решении вопроса об аборте личность мужчины в правовом отношении оказывается неучтенной. Мы предлагаем изменение в данную статью: «женщина, состоящая в зарегистрированном браке, при отсутствии социальных и медицинских показаний имеет право на искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях здравоохранения только *с письменного уведомления мужа*», сохранив нормы, закрепляющие проведение аборта по медицинским основаниям;

Определим термин «суррогатное материнство». В Республике Беларусь понятие данного термина звучит так: «суррогатное материнство – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка» (статья 1 Закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях»).

Первое, на что следует обратить внимание, это договорной характер отношений суррогатного материнства. Суррогатное материнство основывается на договоре, а не на устном соглашении с мало знакомым вам человеком, так как только договор даёт генетическим родителям правовую защиту, является доказательством того, что ребёнок произошёл от них. Установлены императивные требования к форме данного договора. Так договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и генетической матерью в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Несоблюдение установленной законодательством формы договора влечет негативные последствия для его сторон, а именно недействительность сделки. Сторонами рассматриваемого договора являются только матери, - генетическая и суррогатная. Однако если стороны договора суррогатного материнства состоят в браке, для заключения договора необходимо согласие их супругов.

Сразу поясним, что воспользоваться услугами суррогатной матери, в соответствии с законодательством Республики Беларусь, может не любая женщина, семья. Данный путь появления ребёнка на свет предусмотрен только по медицинским показаниям. В свою очередь не каждая женщина может быть суррогатной матерью, даже если у неё будет желание помочь какой-либо семье безвозмездно. Министерством здравоохранения Республики Беларусь от 14.09.2006 года № 71 утверждён Перечень медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству.

В Конституции Республики Беларусь нет прямой нормы, регламентирующей суррогатное материнство. Однако это не означает, что рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий не имеет конституционных основ. Проведенное исследование позволяет отнести к таковым право на личную жизнь (к сфере которой относится деторождение); право на охрану здоровья (репродуктивное здоровье — часть общего здоровья); право на материнство и отцовство (в контексте права на защиту государством брака, семьи, материнства, отцовства и детства). Правовое регулирование суррогатного материнства осуществляется в отраслевых актах законодательства.

На наш взгляд, необходимо понимать, что уже сейчас существуют носители соматических прав, а потому они, являясь членами общества, не

могут быть дискриминированы. Необходимо внимательное изучение всех аспектов проблемы применения соматических прав, поскольку есть те люди, которые нуждаются в трансплантации органов и тканей, есть люди, которые нуждаются в репродуктивных технологиях, будь то аборт или, наоборот, искусственное оплодотворение, есть люди, которые хотят самостоятельно определять свою сексуальную ориентацию или пол, а есть те, кто не может превозмочь страдания и хочет добровольно и самостоятельно пойти на совершение эвтаназии. Ограниченное и категорически настроенное отношение к проблемам этих людей невозможно, тем более со стороны научного сообщества. Появление, развитие и правовое закрепление соматических прав — это закономерный результат развития общества. Дальнейшее всестороннее фундаментальное исследование данной темы необходимо для выработки научного и нормативного решения множества современных проблем, которые вызваны требованиями времени и имеют место быть уже сейчас [4].

Список использованных источников

1. Василевич, Д. Г. Соматические права человека и гражданина / Д. Г. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 2017. — № 1. — С. 106–112.
2. ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. — Нью-Йорк : UNICEF, 2001. — 240 с.
3. Национальный отчет о выполнении Республикой Беларусь Пекинской платформы действий – Минск : UNICEF, 2000. — 39 с.
4. Шадрин, В. В. Проблемы определения правовой природы соматических прав / В. В. Шадрин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 19 (99). — С. 525-528.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАНЦЕВ ВО ФРАНЦИИ

В. В. Илюкевич

Белорусский государственный университет, студентка 3 курса

veronika3455597@gmail.com

Научный руководитель: Шавцова А.В., к.ю.н., доцент

Аннотация. В статье рассматривается развитие правового статуса иностранцев во Французской Республике, становление законодательства, а также различия в содержании прав различных категорий иностранцев.

Ключевые слова: иностранные лица; миграционная политика; французское законодательство; иностранцы-члены Европейского Союза; правовое положение иностранцев.

Миграционная политика во Франции имеет многолетнюю историю. Только за последние 150 лет она приняла у себя иммигрантов больше, чем любая другая страна Европы.

С середины XIX вв. наблюдалось усиление притока иммигрантов. Они вливались в экономически активное население и способствовали восстановлению хозяйства страны после войн, а также помогали в решении демографической проблемы [4]. Так, Франция была положительно настроена на большое число прибывающих иммигрантов, которые помогали решить ряд социально-экономических задач.

Однако с прибытием большого количества иностранцев росли и другие политические, экономические и социальные проблемы. Одни из таких были связаны с упорядочением прав иностранцев и их должным регулированием. Таким образом, законодательство решило утвердить Ордонанс №45-2658 от 2 ноября 1945 года «Об условиях въезда и пребывания иностранцев во Франции», который еще долгое время оставался основополагающим текстом, регламентирующий права и обязанности иностранных граждан во Франции [2].

Правительство не останавливалось исключительно на Ордонансе и в целях усиленного контроля над миграцией оно ужесточило миграционную политику, а также приняло пакет законов, которые смогли бы более детально и досконально регулировать все процессы. При таких обстоятельствах, из-за нарастающего количества иммигрантов принималось все больше новых документов, которые дополняли предыдущие, что повлекло за собой переизбыток правовых текстов. Эта также привело к тому, что положение иностранных граждан не улучшалось, а наоборот, ухудшалось. В результате этого, правовые акты противоречили друг другу, затрудняли понимание законодательной базы и ставили иностранцев в опасное положение [2].

В дальнейшем, в целях улучшения правового положения была проведена реформа, где был принят «Кодекс о въезде и пребывании иностранцев и о праве на убежище» (1 Le Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile (CESEDA)) от 25 ноября 2004 г. № 274 и который отменял некоторые предыдущие законы, в том числе и Ордонанс. Так, принятие нового Кодекса положило начало новому этапу в сфере развития и закрепления прав иностранных граждан.

Можно согласиться с такой идеей, что право является политическим инструментом, а иностранцы – политический вопрос. Следовательно, необходимо более подробно изучить аспекты правового закрепления понятия иностранного лица, а также изучить их правовое положение для выявления их особенностей и проблем. Так что же все-таки понимается под «иностранцем»? В частности, статья L 110-3 Кодекса о въезде и пребывании иностранцев закрепляет, что: «Иностранцами по смыслу настоящего Кодекса считаются лица, не имеющие французского гражданства, независимо от того, имеют ли они иностранное гражданство

или не имеют гражданства» [1]. Это означает, что критерий принадлежности к иностранному лицу определяется наличием у него французского гражданства, а вернее, его отсутствием.

Однако определенное данным Кодексом понятие «иностранец» все же неоднозначное, поскольку устанавливает разное положение для разных категорий иностранцев. Например, раздел «Общие положения» закрепляет разные права и обязанности для граждан-членов ЕС и для всех остальных.

Так, первую категорию иностранцев составляют иностранцы-члены Европейского союза, чей правовой статус по объему прав и свобод максимально приближен к статусу граждан.

Эта особенность, которая является прямым следствием европейского строительства и внедрения общих правил, постепенно принятых с начала 1990-х годов в Европейском Союзе, позволяет юридически закрепить принцип свободного передвижения граждан стран-членов Союза на территории Европы. Удалив свои внутренние границы, государства-члены ЕС фактически решили способствовать перемещению своих граждан в пределах общей географической зоны и разработали для этого особый правовой режим, характерный для европейских граждан. Такая специфика правового статуса возникает из принадлежности к гражданству одного из государств-членов [3].

Кроме свободного передвижения по территории, гражданам ЕС предоставляются определенные гражданские, социально-экономические и политические права, при этом проводится политика недопущения дискриминации по признаку национального гражданства. Так, например, для граждан-членов ЕС действует специальное положение, которое гарантирует равные права в получении медицинских услуг, страховое положение для работников и их семей, а также инструкция, которая определяет порядок компенсаций, выплат, и др.

Оставшаяся категория иностранцев – остальные лица, которые не являются гражданами ЕС. В основном, их правовое положение зависит от ряда условий, например, режима пребывания (временное пребывание, постоянное проживание), целей, сроков пребывания и т.д.

Продолжая вопрос о неравном положении иностранных лиц, следует отметить также изменения, которые установились в Кодексе. Реформа, которая произошла 24 июля 2006 года еще больше закрепила права иностранных лиц во Франции. Новый Кодекс переходил от «субъективной политики» к «избранной иммиграции».

Таким образом, исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что правовой статус граждан и неграждан отличается, что вполне естественно. Однако следует отметить и то, что права и свободы распределены неравномерно не только среди граждан страны и иностранцами, но и между самими иностранцами. Это хорошо прослеживается в Кодексе, который определяет права и свободы различных категорий иностранцев.

Существование данных правовых особенностей приводит к тому, что понятие «иностранец» создает иерархию в зависимости от различных иностранных граждан, которые разграничиваются гражданством той или иной страны, а также заключенными Францией договорами и соглашениями.

Список использованных источников

1. Le Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile (CESEDA). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070158/2021-05-01/
2. Lionel Galliano, "La situation juridique de l'étranger en France ou l'insécurité juridique comme moyen de régulation de l'immigration ", REVUE Asylon(s), N°4, mai 2008, Institutionnalisation de la xénophobie en France. – Режим доступа: <http://www.reseau-terra.eu/article761.html>
3. Marie-Sophie Vachet, «Le droit des étrangers en France : particularités et finalités d'un droit en constante évolution», REVUE L'Homme & la Société 2018/1 (n° 206), pages 265 à 287.
4. Стрельцова, Я. «Чужие» // Вестник Европы [электронный ресурс] – 2005. - № 15. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/15/chuzhie.html>

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: ТРУДНЫЙ ПОИСК КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

А. В. Карамышев

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук
karamyshev-1963@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты правового обеспечения территориального общественного самоуправления в Республике Беларусь с точки зрения содержания основных этапов и проблематики реализуемых организационных и функциональных подходов к построению эффективной национальной модели.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление; самоорганизация; делегирование; координация; программа развития.

Как базовая категория (системная правовая дефиниция) территориальное общественное самоуправление (далее - ТОС) впервые получило закрепление в Законе Республики Беларусь от 10.01.2000 N 362-З "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». До этого

на протяжении десяти лет закон оперировал лишь понятием «органы территориального общественного самоуправления». Тем не менее, говорить о наличии в тот период концептуального, программного дефицита, все же, не было полных оснований, принимая во внимание и положения Закона Республики Беларусь от 20 февраля 1991 г. № 617-Х-П «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Республике Беларусь» (далее – закон о местном самоуправлении и местном хозяйстве), и инициативную практику местных органов власти. Например, Минский городской Совет народных депутатов, реализуя возложенную законом координационную функцию, решением от 02.12.1992 г. N 249 утвердил «Прыкладнае палажэнне аб органах тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання у г. Мінску».

Закон о местном самоуправлении и местном хозяйстве в статье об основных полномочиях органов ТОС закрепил положение о том, что эти органы несут ответственность за состояние социально-экономического развития своей территории в пределах прав и обязанностей, установленных для них законом, а также добровольно принятых обязательств, делегированных им местными Советами народных депутатов. Понятно, что данное положение по своей сути не могло ориентировать на то, чтобы приравнять общественные органы по месту жительства к местным органам власти, реально ответственным за комплексное социально-экономическое развитие подведомственных территорий. Тем не менее, норма нацеливала на то, что органы ТОС по мере их развития будут располагать достаточно весомым объемом социальных функций и полномочий, в том числе (или преимущественно) за счет делегирования со стороны Советов.

Закон наряду с инициативными задачами социального спектра прямо закреплял за органами ТОС некоторый объем управленческо-хозяйственных функций:

- кооперирование заработанных средств, добровольных взносов и пожертвований для развития социальной инфраструктуры территорий;
- принятие от Советов, предприятий, организаций и учреждений на общественную сохранность жилых домов и помещений, игровых и спортивных площадок, клубов, объектов благоустройства, памятников истории и культуры и другие объектов;
- осуществление общественного контроля за работой местных социально-культурных учреждений и предприятий сферы обслуживания населения.

В принятом Минским городским Советом депутатов решении от 25 июня 1997 г. № 78 «О развитии территориального общественного самоуправления в г.Минске» комитетам территориального общественного самоуправления (далее - КТОС) рекомендовалось «в целях дальнейшего развития системы территориального общественного самоуправления в г. Минске» заключать договоры с районными администрациями о делегировании полномочий и о совместной компетенции в решении

хозяйственных, социально-бытовых и иных вопросов. КТОСам делегировалось право предварительного согласования решений местной исполнительной власти по всем объектам строительства и выделения земли, перепрофилирования объектов, сдачи в аренду коммунальных помещений, установке киосков и временных торговых точек в микрорайонах.

Отметим, что согласно закону о местном самоуправлении и местном хозяйстве (до выделения в 1994 г. систем местного управления и местного самоуправления) Советы депутатов включали и формируемые ими исполнительные и распорядительные органы (через которые, как и другие свои органы, Советы действовали) – исполнительные комитеты, которые реализовывали не собственную компетенцию, а компетенцию Советов (прежде всего, в части текущего администрирования). Таким образом, система (подсистема) органов местного самоуправления фактически структурировалась так: «Советы - исполнительные комитеты - органы территориального общественного самоуправления». Как следствие, расчет делался на «системную (динамичную) связку» всех элементов. Советы призваны были осуществлять координационную функцию по отношению к органам ТОС, обеспечивать их согласованную деятельность. Закон предоставил Советам право передавать органам ТОС «часть» или «отдельные полномочия» (Совета и исполкома).

После законодательного выделения в октябре 1994 г. из системы местного самоуправления исполнительно-распорядительных органов и консолидации их в систему местного управления все более укреплялся иной подход. Статья о назначении и полномочиях органов ТОС сохранилась в прежней редакции, в том числе в аспекте делегирования, теперь как Советами, так и исполкомами, местными администрациями. В целом потенциальный объем возможных к делегированию прав (функций) максимально сместился в сторону исполнительных и распорядительных органов (их дискреционного усмотрения). Утратив статус органов Советов, они не несли ответственность за выполнение координационных задач в отношении ТОС. На практике местные исполнительные и распорядительные органы не проявляли заинтересованности в вопросе развития функционального взаимодействия с органами ТОС.

На этом фоне весьма показательной выглядела позиция того же Минского городского Совета депутатов. Вновь рассмотрев в феврале 1999 г. некоторые организационные вопросы «дальнейшего развития системы территориального общественного самоуправления», Мингорсовет свое решение от 25 июня 1997 г. № 78 признал утратившим силу. В решении Минского городского Совета депутатов от 24.02.1999 N 227 "О развитии территориального общественного самоуправления в г.Минске" не подтверждались ранее предоставленные КТОСам рекомендации и делегирования, поскольку обозначенные в них вопросы полностью либо в преобладающей части стали прерогативной городского исполкома.

Как уже отмечалось, закон о местном управлении и самоуправлении в редакции от 10 января 2000 г. закрепил правовое понятие территориального общественного самоуправления. ТОС стало определяться как самоорганизация граждан на добровольной основе по месту их жительства для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или через создаваемые им органы территориального общественного самоуправления.

Такое определение ТОС с использованием понятий «самоорганизация», «самостоятельное», «под свою ответственность» соответствовало формулировке статьи 30 принятого 6 декабря 1997 года Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств N 10-17 модельного закона «Об общих принципах организации местного самоуправления». В новой редакции данного модельного закона от 27.11.2015 эта позиция ТОС сохранена.

Отметим, что такая формула территориального общественного самоуправления укоренилась в законодательстве Российской Федерации. И она стимулирует не обособление, а обоюдно направленное активное взаимодействие представительных и исполнительных органов местного самоуправления и органов общественного территориального самоуправления. ТОС как локализованное сообщество жителей, непосредственно реализующее свою субъектность, формирующее свои органы и определяющее свои коллективные задачи, действует на основании принимаемого собранием (конференцией) жителей устава. В то же время, порядок организации и осуществления всей сформировавшейся структуры ТОС, условия и порядок выделения необходимых средств из местного бюджета определяются уставом муниципального образования и нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. На практике органы местного самоуправления заключают договоры с ТОС на осуществление совместных действий, осуществляют финансовые расчеты в интересах ТОС, если те не являются юридическими лицами.

Закон Республики Беларусь о местном управлении и самоуправлении реализовал иной, по сути противоположный подход. Закрепив существенные признаки ТОС как самоорганизации, он не только не расширил его публично-правовой инструментарий, но напротив, свел его к минимуму. Закон исключил (надо признать, вполне оправданно) положение об ответственности органов ТОС за социально-экономическое развитие территорий. Однако, наряду с этим закон исключил (чего нельзя было делать) позицию о делегировании исполнительными органами своих полномочий органам ТОС. Исчезла и норма об осуществлении ими общественного контроля за работой местных социально-культурных учреждений и предприятий сферы обслуживания населения.

Эта позиция «на сжатие» перешла и на уровень местного нормотворчества – в утверждаемые местными Советами (иногда – совместно с исполкомами) примерные положения (уставы) органов ТОС, просто повторившие нормы закона и не более того.

В результате внесенных в 2010 г. изменений в закон о местном управлении и самоуправлении претерпела радикальные изменения и сама статья-дефиниция о территориальном общественном самоуправлении. В статье 25 ТОС определяется как «деятельность граждан на добровольной основе по месту их жительства в целях решения вопросов местного значения..». Основной целью ТОС являются развитие и осуществление на соответствующей части административно-территориальной единицы инициатив граждан по вопросам местного значения.

Как видим, из определения ТОС исключены критерии «самоорганизация», «самостоятельное», «под свою ответственность». В результате «композиция» территориального общественного самоуправления звучала формально, приглушенно, утратила, в том числе, побудительно-стимулирующую тональность, в итоге стала консервативно-сдерживающей. В таком виде она вряд ли соответствует сути ТОС как одного из реальных драйверов развития территорий.

С точки зрения юридической логики и техники противоречие также налицо. В соответствии с законом местное самоуправление – форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для *самостоятельного решения* (курсив мой – А.К.) непосредственно или через избираемые органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения. Местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления. Система органов местного самоуправления включает Советы и органы территориального общественного самоуправления.

Таким образом, с одной стороны, закон говорит о системном подходе к функционированию, сотрудничеству государственных и общественных органов, с другой стороны, закон фактически ослабляет дезавуирует эту позицию, определяя само местное самоуправление как самостоятельное решение вопросов, а его элемент – общественное территориальное самоуправление – лишая (пусть и формально) этого функционального и правового признака.

Противоречивость в подходах проявляется и в следующем. По прошествии десяти лет в закон была возвращена норма о возможности для исполнительных и распорядительных органов, аналогично с Советами депутатов, делегировать полномочия органам ТОС. Чем характерен этот двухсегментный механизм делегирования полномочий, которые определенным «разграничены» между местными представительным и исполнительным государственными органами?

Делегирование Советами. Закон содержит общую норму о том, что Советы вправе делегировать свои полномочия исполкомам, их председателям, органам территориального общественного самоуправления по просьбе или с согласия этих органов, за исключением полномочий, осуществляемых исключительно на сессиях Советов. Применительно к органам ТОС это положение о делегировании не имеет реального юридического содержания.

Если идти от обратного методом исключения, буквально придерживаясь линии закона, то органам ТОС не могут быть переданы полномочия, относящиеся к исключительной компетенции Совета депутатов, и вдобавок к ним полномочия, которые могут осуществляться исключительно на сессии. Этим общим количеством и определяется реальный объем исключительных полномочий Совета, которые не подлежат передаче другим субъектам (исполкому, другому Совету, ОТОС). Сюда входят полномочия, указанные в подпунктах 1.2, 1.3, 1.4, 1.5, 1.7, 1.8-1.11, 1.16-1.30 пункта 1 статьи 17 закона.

Кроме этого прямо исключенных позиций реально не могут переданы органам ТОС еще ряд полномочий, не вошедших в перечень, например, представление интересов соответствующей административно-территориальной единицы во взаимоотношениях с другими государственными органами, иными организациями и гражданами (1.1); распоряжение природными ресурсами (земля, недра, леса, водные ресурсы и др.) в случаях, предусмотренных законодательством об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, осуществление контроля за их использованием (1.6); координация деятельности органов территориального общественного самоуправления (1.12); содействие развитию промышленного и сельскохозяйственного производства, сферы услуг, малого и среднего предпринимательства, личных подсобных хозяйств (1.13); участие в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, выполнении мероприятий по гражданской обороне, обеспечении пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1.15).

Остается позиция – участие в осуществлении мероприятий по сохранению и возрождению историко-культурных ценностей (1.14).

Закон еще делает отсылку к иным полномочиям Совета, предусмотренным актами законодательства, которые регулируют отношения в той или иной публичной сфере (образование, здравоохранение, культура, занятость, охрана природы, профилактика правонарушений и др.) Однако вычленив из них вопросы, которые реально могут быть переданы на разрешение органов ТОС, будет проблематичным, в первую очередь, потому, что компетенция Советов в этих сферах либо сводится только к утверждению разрабатываемых

исполнительными органами территориальных программ, что органам ТОС, разумеется, не делегируешь, либо вообще не обозначена.

Делегирование исполкомами и местными администрациями. Объем компетенции, реализуемой местными исполнительными и распорядительными органами, многократно превышает объем полномочий Советов. И по своему содержанию она более разнообразна, более привязана к практическим вопросам жизнеобеспечения территориальных сообществ и потому в той или иной части вполне может выступать предметом «совместного ведения» с ТОС и его органами. Закон в статье 61 закрепляет возможность делегирования исполнительными и распорядительными органами (исполкомами и местными администрациями) своих полномочий в адрес структурных подразделений, должностных лиц, государственных органов, а также «иных организаций», в том числе органов ТОС. Относительно характера передаваемых полномочий закон содержит прямой запрет на передачу государственно-властных полномочий (регулирующих, распорядительных, контрольных, юрисдикционных (например, право от имени сельского, поселкового исполкома составить протокол об административном правонарушении) организациям, созданным исполнительными и распорядительными органами. Органы ТОС не являются такими организациями, но этот запрет закон распространяет и на них.

Это означает, что органы ТОС, как и собрания жителей не могут совершать какие-либо юридически обязывающие действия на своей территории, устанавливать общеобязательный порядок (правила), ограничивать, запрещать или разрешать что-либо. В этом плане закрепленный в законе принцип обязательности исполнения на соответствующей территории решений Советов, исполнительных и распорядительных органов, принятых в пределах их компетенции, строго ограничен по субъектам.

Тогда о каких полномочиях (если придерживаться этого юридического термина), кроме «государственно-властных», сегодня можно вести речь? Как представляется, эти вопросы могут рассматриваться исключительно в плоскости гражданско-правовых отношений коммунальной собственности с точки зрения передачи общественным органам определенного объема «полномочий собственника» по управлению и распоряжению имуществом.

Анализ правовых, организационных и практических аспектов функционирования ТОС показывает, что в той или иной мере они действуют, но, все же, не обеспечивают реализацию общественного потенциала. До внесения соответствующих поправок в закон актуальным организующим и практически выполнимым шагом является разработка и принятие территориальных программ развития ТОС, включая бюджетно-финансовый блок. В порядке общественной инициативы на основании статьи 35 закона о местном управлении и самоуправлении проект такой

программы может быть разработан и внесен на рассмотрение соответствующего Совета депутатов с обязательным участием инициаторов и широким общественным обсуждением.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА КОНСТИТУЦИОННОМ УРОВНЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. М. Киселёва

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
KisialTM@bsu.by

Аннотация. Гендерное равенства является одним из основополагающих принципов, определяющих правовое положение личности в современном государстве и обществе. Закрепление принципа гендерного равенства на конституционном уровне демонстрирует признание государством ее важность. На территории Беларуси принцип гендерного равенства в разные периоды получал прямое и косвенное закрепление, что оказывало влияние на воплощение соответствующих ценностей в жизнь.

Ключевые слова: принцип гендерного равенства, гендерное неравенство, Конституция, равенство возможностей, статус женщин.

Признание и обеспечение равенства всех граждан вне зависимости от их принадлежности к каким-либо социальным, экономическим или политическим группам является важнейшим условием воплощения в жизнь концепции демократического правового государства. Особое внимание при этом всегда уделяется обеспечению равенства мужчин и женщин, так как данный вопрос затрагивает каждого жителя планеты. Распространенным является закрепление на конституционном уровне помимо общего принципа равенства специальных норм, гарантирующих равные права и возможности женщинам и мужчинам. Не исключением является Республика Беларусь, в Основном Законе которой в разные периоды получили отражение различные формулировки, имеющие целью закрепить принцип гендерного равенства.

При этом следует отметить, что признание принципа равенства в целом и гендерного равенства в частности произошло не сразу. Конституция ССРБ 1919 г. и Конституция БССР 1927 г. закрепляли принцип равенства только по признаку расовой и национальной принадлежности (ст. 15 и ст. 14 соответственно), внимание проблеме гендерного неравенства на тот момент практически не уделялось (исключением можно считать норму ст. 70 Конституции БССР 1927 г., согласно которой в выборах участвуют граждане обоего пола). Для правовой системы того периода была характерна допустимость ограничения прав и свобод граждан в связи с их принадлежностью к определенным социальным группам (к примеру, частные торговцы,

монахи, агенты бывшей полиции и некоторые иные категории лишались избирательных прав). Поэтому провозглашение принципа равенства не было возможным по идеологическим причинам.

Но уже в Конституции БССР 1937 г. принцип гендерного равенства получил свое прямое отражение в ст. 97, согласно которой женщине в БССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Такая формулировка свидетельствует о признании государством существования неравенства между положением мужчин и женщин, необходимости уравнивать их статус. Также важно, что в ч. 2 ст. 97 были определены реальные меры, призванные обеспечить фактическое гендерное равенство. В частности закреплялось, что возможность осуществления прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов. Помимо этого, в ст. 112 Конституции закреплялось, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами, что являлось дополнительной гарантией участия женщин в политических отношениях.

Отметим, что используемая в Конституции БССР 1937 г. формулировка о предоставлении женщинам равных прав с мужчинами является вполне допустимой, учитывая, что принцип гендерного равенства провозглашался впервые. Тем самым подчеркивалось предоставление женщинам новых, ранее на них не распространяющихся, гарантий.

В Конституции 1978 г. соответствующая формулировка была изменена, и в ст. 33 устанавливалось, что женщина и мужчина имеют в Белорусской ССР равные права. Мужчина уже не выступал эталоном правового статуса личности, что может свидетельствовать о желании продемонстрировать определенные достижения государства в обеспечении гендерного равенства. Также в тексте Конституции сохранилось указание на меры по обеспечению реализации закрепляемого положения. Было установлено, что осуществление прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин; созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Пропала необходимость в уточнении о равенстве прав женщин и мужчин в

избирательных отношениях, что является на момент принятия Конституции 1978 г. очевидным.

В первой редакции Конституции Республики Беларусь 1994 г. принципу гендерного равенства должное внимание не было уделено. В ст. 22 устанавливался принцип равенства (все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов), а в ст. 42 определялось, что женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние имеют право на равное вознаграждение за труд равной ценности.

После внесения изменений, принятых на республиканском референдуме 1996 г., в Конституции Республики Беларусь принцип гендерного равенства был закреплен в качестве самостоятельной нормы, однако его формулировка была близка к тексту Конституции БССР 1937 г. Как отмечается в литературе, «в наследство от СССР страна получила принцип гендерного равенства, перенесенный из советского законодательства в белорусскую Конституцию» [1, с. 18]. Однако при этом была избранная не самая удачная формулировка.

В частности, ч. 5 ст. 32 определяла, что женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья. Т.е. мужчины снова стали неким образцом правового статуса, который следует стремиться обеспечить и женщинам.

В действующей редакции Конституции (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 2022 г.) предложено новое закрепление принципа гендерного равенства. Согласно ч. 6 ст. 32 женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья. Новый подход подчеркивает изначальное равенство женщин и мужчин, признание государством этого равенства, и стремление обеспечить всем гражданам вне зависимости от их пола реализацию их прав, свобод и законных интересов.

Безусловно, и сам факт закрепления принципа гендерного равенства в Конституции, и формулировка такого закрепления имеют важное значение для его реализации на практике. До той поры, пока не изменится восприятие проблемы гендерного равенства в обществе, а необходимость обеспечения равенства возможностей всех независимо от пола не будет признаваться всеми без исключения в качестве важнейших ценностей государства и общества, сохранение в нормах Основного Закона указания на соответствующую проблему является обязательным.

В то же время важно понимать, что одного провозглашения принципа гендерного равенства недостаточно. Государству, негосударственным институтам, конкретным гражданам необходимо принимать комплексные меры, чтобы равенство женщин и мужчин стало реальностью. Несмотря на высокие достижения в отдельных сферах (уровень образования женщин, продолжительность жизни женщин, уровень смертности при родах и т.д.), проблема гендерного неравенства в Республике Беларусь на настоящий момент не решена. К примеру, не обеспечивается гендерное равенство в сфере управления государством. По данным Национального статистического комитета на 2021 г. доля женщин среди послов составляла 0% (в 2020 г. 3,4%), доля женщин среди правления Национального банка Республики Беларусь – 22,2%, среди руководителей государственных органов, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь – 3,2%, среди членов Национальном собрании Республики Беларусь – 35,1%. При этом следует отметить, что общая доля женщин среди государственных служащих на 2021 г. составляла 70,1% [2]. Т.е. женщины реже занимают высшие государственные должности.

Таким образом, закрепление принципа гендерного равенства в тексте Конституции является важным условием предоставления в реальности равных возможностей для всех лиц, вне зависимости от их пола. Однако без принятия конкретных мер данный принцип будет иметь формальный характер и не оказывать какого-либо влияния на существующее положение женщин и мужчин в конкретном государстве и обществе.

Список использованных источников

1. Титаренко Л.Г. Гендерный дисбаланс или рост гендерного равенства? / Женщина в российском обществе. – № 1. 2020. – С. 17–28.
2. Гендерная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gender.belstat.gov.by/social>. – Дата доступа: 25.03.2022.

К ВОПРОСУ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. М. Кондратович

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
kondratovichn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные направления избирательного законодательства в зарубежных странах. Поднимаются вопросы гендерного равенства, о равном представительстве мужчин и женщин в органах власти, о конституционном закреплении и практической реализации в зарубежных странах.

Ключевые слова: избирательное законодательство; гендерное равенство; квоты.

За последние десятилетия в ряде государств в рамках проведения конституционных реформ внесены изменения и дополнения в действующие конституции либо приняты новые конституции, в которых нашли свое закрепление наряду с другими вопросами вопросы парламентаризма, избирательного права, гендерного равенства и иных демократических институтов. Конституционное законодательство и избирательное законодательство неразрывно связано с современными международными избирательными стандартами и интенсивно развиваются на основе взаимообогащения и гармонизации. Наблюдается расширение элементов демократии, укрепление и совершенствование национальных избирательных процессов с учетом достижений международной избирательной практики, ее изучение и использование в соответствии с интересами и закономерностями развития национальных избирательных процедур.

За последние годы ряд государств на основе конституционно-правового регулирования осуществили переход от одной разновидности избирательной системы при выборах депутатов к другой разновидности, однако такой переход не носит массового характера. Развитие и динамизм многопартийности приводит к более интенсивному применению смешанной или пропорциональной избирательной системы, поскольку политические партии и политические коалиции становятся основными или единственными субъектами права выдвижения кандидатов (спискам кандидатов), при этом избирательные системы, в том числе мажоритарные, нацеливаются – в условиях конкурентной многопартийности – на обеспечение устойчивой и динамичной работы парламента.

Избирательное право базируется на ряде универсальных принципов. Одним из основополагающих принципов является принцип равенства избирательного права. При всех иных условиях реализации данного принципа, особое внимание уделяется гендерному равенству как в законодательстве, так и его практическом воплощении в отдельных странах мира. «Гендерное равенство» означает равенство прав и возможностей женщин и мужчин, закрепленное в законодательстве и проводимой политике, а также равный доступ к ресурсам и услугам в рамках семьи, местной общины и общества в целом.

Страны Северной и Южной Америки добились наибольшего прогресса в плане представленности женщин в парламентах. За ними следуют Европа, страны Африки к югу от Сахары, Ближний Восток с Северной Африкой и Азия. В 2020 году впервые в истории женщины заняли 25,5 процента всех депутатских кресел [1].

Французские законы о равном представительстве послужили конституционной основой политического паритета. Конституционным законом N 99-569 от 8 июля 1999 г. в статью 1 Конституции Франции включено положение: "Закон содействует равному доступу женщин и мужчин к выборным мандатам и должностям, а также к ответственным

профессиональным и общественным постам.". Закон № 2000-493 от 6 июня 2000 г. благоприятствовал равному доступу мужчин и женщин в выборах, обязывая политические партии во время выборов, когда голосование идет по партийным спискам, включать в эти списки равное количество кандидатов мужчин и женщин. Здесь речь идет о выборах в муниципальные и региональные советы (в коммунах с числом жителей 3500 и более), о выборах в Сенат (при пропорциональном голосовании) и в Европейский парламент. Что касается парламентских выборов, которые проходят по мажоритарной системе, то при несоблюдении принципа равного представительства мужчин и женщин среди кандидатов какой-либо партии указанные законы предполагают применение финансовых санкций к этим политическим партиям. Таким образом, Франция, где еще в 2000 г. парламент на 90 % состоял из мужчин, становится первой страной, принявшей законодательство об обязательном политическом паритете мужчин и женщин [2, с.8].

В Межпарламентском союзе рекомендуют вводить квоты на число «женских мандатов». Для того, чтобы приблизиться к гендерному равенству, в политической жизни используются разные системы квот. Они могут быть добровольными и закрепленными законодательством. Жесткие законодательные квоты (в том числе на уровне конституции) резервируют места за женщинами в партийных списках либо места в парламенте. Так, в 2004 г. были внесены конституционные изменения и дополнения в Конституцию Бангладеш 1972 г. в части увеличения численности депутатского корпуса парламента этой страны (с 300 до 345 депутатских мандатов), из которых 45 мандатов было зарезервировано для депутатов-женщин, избираемых путем проведения косвенных выборов на основе квотного представительства женщин от политических партий пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждой политической партией (ч.2 ст.65).

В статье 70 Избирательного кодекса Республики Узбекистан от 26.06.2019 г. определено, что количество женщин от общего числа кандидатов в депутаты, выдвинутых политическими партиями, должно составлять не менее 30% [3].

В Республике Корея еще в 1995 г. был принят Закон об укреплении роли женщин в политике, а в 2000 г. положение о гендерной квоте (30%) для женщин-кандидатов при выборах в Национальное собрание по системе пропорционального представительства включена в Закон о политических партиях. Однако, она не была обязательной, а также отсутствовал контроль за ее исполнением, что привело к неэффективности ее действия. Поэтому в 2002 г. в Закон о политических партиях были внесены нормы стимулирующие выдвижение женщин (в частности, если партия исполняла требования 30% гендерной квоты, то имела право на увеличение государственной субсидии), а также включила новую норму (устанавливалась 50% квота кандидатов-женщин в списке политических

партий на местных выборах). Гендерная квота впоследствии закрепляется и в Законе о выборах публичных должностных лиц 2005 г. Таким образом, систему гендерных квот в Республике Корея пришлось узаконить на само высоком уровне, поскольку попытки провести эту политику путем добровольного участия политических партий не увенчалась успехом [4, с.404].

На данный момент около 100 стран в мире имеют гендерную квоту в законодательстве о выборах.

Помимо законов о квотах и введения квот на представительство женщин в политических партиях (преимущественно в скандинавских странах), Бельгия и Испания приняли законы о паритете в 2003 и 2007 гг. Конституционный закон «О реальном количественном равенстве мужчин и женщин в политике», принятый в Испании 22 марта 2007 г., применяется во всех сферах государственной политики: от образования до собственно политической деятельности.

Наблюдаются изменения в отношении участия женщин в политике в странах арабского мира. В ОАЭ семь женщин стали депутатами Федерального национального совета ОАЭ (консультативного органа при главе государства) по результатам выборов, состоявшихся в октябре 2019 г., еще 13 женщин назначены в парламент правителями эмиратов в соответствии с указом президента страны о равном мужском и женском представительстве в законодательном собрании, где из 40 депутатов 20 назначаются главами эмиратов.

Изменения, внесенные в избирательный закон Султаната Оман в 2002г. предоставили возможность всем гражданам, мужчинам и женщинам, достигшим 21 года, участвовать в выборах в Совет шуры (выборная палата совещательного парламента). Две женщины, получили места в Совете шуры на период с 2020 по 2023 год, по результатам прошедших выборов. Члены другой палаты - Государственного совета, созданного десять лет назад в составе 41 человека, назначаются султаном Кабусом сроком на три года из числа видных деятелей султаната. Увеличено число женщин, входящих в состав этого органа до 15 [5, с.229]. Совет шуры и Государственный совет составляют Совет Омана – совещательный орган монархии.

С другой стороны, в Тихоокеанском регионе, который замыкает рейтинг, есть парламенты, где женщин нет вообще (Микронезия, Йемен).

Как отмечает Р. Сенак-Славински возможность сделать разделение власти между полами реалистичным ведет к пересмотру ролей мужчин и женщин в общественной и частной сферах. Такое разделение позволяет увидеть демократическое общество, где все граждане равны, невзирая на какие-либо личные характеристики [6, с.14].

В целом, на сегодняшний день сформировано национальное законодательство, направленное на обеспечение прав и интересов женщин, их участия в общественно-политической, экономической и культурной

жизни зарубежных страны, налажено взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества в данной сфере.

Список использованных источников

1. Новости ООН. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398102> – Дата доступа: 06.04.2022.
2. Сенак-Славински, Р. Равенство мужчин и женщин: является ли Франция исключением? // Ценностное измерение современного общества [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8599/1/pages%20from%20ph%26ss_2011-2.%208-15pdf.pdf – Дата доступа: 06.04.2022.
3. Законе «О выборах в Олий Мажлис Республики Узбекистан» от 28 декабря 1993 года № 990-ХП (с изменениями и дополнениями от 18.02.2019 г. №ЗРУ-522).
4. Современные избирательные системы. Вып.8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея /А.Г. Орлов, М.А. Мещерякова, С.Я. Павлов, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. – м.: РЦОИТ, 2013. – 488 с.
5. Мелкумян, Е.С. История арабских стран. Государства Залива в XX-начале XXI века: учеб. пособие для академического бакалавриата /Е.С.Мелкумян. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 240 с.
6. Сенак-Славински, Р. Равенство мужчин и женщин: является ли Франция исключением? // Ценностное измерение современного общества [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8599/1/pages%20from%20ph%26ss_2011-2.%208-15pdf.pdf – Дата доступа: 06.04.2022.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ, ПРОХОДЯЩИМИ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

С. В. Кудрявцев

Войсковая часть 1463

s.kud2011@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации права на образование военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, анализируется определенное ограничение и направления совершенствования реализации данного права военнослужащими.

Ключевые слова: право на образование; военнослужащие, проходящие военную службу по контракту.

Согласно части первой статьи 1 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, учитывая данный факт, социальные функции государства отражаются в том числе в праве на образование, доступности среднего специального и высшего образования для всех в соответствии со способностями каждого, что определено в статье 49 Конституции.

Часть первая статьи 59 Конституции возлагает обязанность государства принимать необходимые меры по созданию гарантий и надлежащих условий реализации конституционного права каждого на образование.

Совершенно, справедливо изложено в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 4 января 2022 г. № Р-1301/2022 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании», что реализация конституционного права граждан на образование создает условия для свободного и достойного развития личности путем приобретения знаний, умений, навыков, компетенций определенного объема и сложности и служит основой для использования образования на благо общества и государства.

Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех закреплены Организацией Объединенных Наций в четвертой цели устойчивого развития повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [1].

Исследуя правовой статус военнослужащих, в который в качестве одного из структурного элемента включаются права, то право на образование у этой категории законодательно определено иначе, что требует на наш взгляд определенных изменений с целью повышения правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и совершенствования специального законодательства.

Согласно части первой статьи 17 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» (далее – Закон «О статусе военнослужащих»), военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут получать образование в учреждениях профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, учреждениях образования и организациях, реализующих образовательные программы послевузовского образования, за исключением военных учебных заведений, только в заочной форме получения образования и с разрешения командира (начальника) воинской части.

Анализируя изложенную часть статьи 17 Закона «О статусе военнослужащих», имеет место ограничение права реализации

военнослужащих на образование командиром (начальником) воинской части.

Данное ограничение закреплено было в статьях 4, 5, 8 Положения об обучении офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы Советской Армии и Военно-Морского Флота в вечерних и заочных гражданских высших и средних специальных учебных заведениях, введенное в действие приказом Министра обороны СССР от 23 февраля 1983 г. № 55 и измененное приказом Министра обороны СССР от 5 июля 1989 г. № 242, согласно которым военнослужащие могли поступать в гражданские учебные заведения лишь с согласия прямых начальников и не более трех раз. Военнослужащие, изъявившие желание обучаться в гражданских учебных заведениях, должны были подать рапорт не позднее 1 декабря года, предшествующего году поступления. Командиры (начальники), давшие военнослужащему разрешение обучаться в гражданских учебных заведениях, имели право запретить им обучение в этих заведениях [2].

С момента становления белорусской государственности проведена значительная нормотворческая деятельность, регулирующая воинскую службу, основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, однако очевидно последующее совершенствование реализации права на образование военнослужащими Республики Беларусь.

В качестве позитивного опыта разрешения данной проблемы можно использовать НПА и опыт Российской Федерации.

Так, Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2000 г. № ВКПИ00-68 указанное Положение в части ограничения реализации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, своего права на образование признано незаконным и недействующим со дня вступления в силу 2 июня 1998 г. Федерального Закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ.

В частности, в пункте 2 статьи 19 данного Федерального Закона определено, что офицеры, проходящие военную службу по контракту, имеют право в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, на обучение в гражданских профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (за исключением офицеров), если непрерывная продолжительность военной службы по контракту составляет не менее трех лет, имеют право в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, на обучение по имеющим государственную аккредитацию образовательным

программам среднего профессионального образования и высшего образования, а также на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения».

Порядок реализации права офицеров, проходящих военную службу по контракту, на обучение в гражданских профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения определен в одноименном постановлении Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1156.

Таким образом, ограничение права реализации военнослужащих на образование командиром (начальником) воинской части на наш взгляд стоит исключить, поскольку приобретение знаний, умений, навыков, компетенций определенного объема и сложности и служит основой для использования образования на благо общества и государства, а также повышение правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

В целях же соблюдения принципа социальной справедливости и особенностей военной службы среди военнослужащих данной категории, например, в качестве условия реализации права на образования может выступать определенный срок непрерывной военной службы.

Список использованных источников

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Декларация Генеральной Ассамблеи ООН, 25 сен. 2015 г. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. – Дата доступа: 27.04.2022.

2. Положения об обучении офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы Советской Армии и Военно - Морского Флота в вечерних и заочных гражданских высших и средних специальных учебных заведениях [Электронный ресурс] : приказ Министра обороны СССР от 23 фев. 1983 г. № 55 – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=204000393&page=1&rdk=0&link_id=9&ysclid=1211w2mcf1#I0. – Дата доступа: 27.04.2022.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Т. Н. Кузьменкова

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, старший
преподаватель
kuzmenkova@msu.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения информационной безопасности при реализации права на образование, при этом сделан акцент на последних изменениях и дополнениях Основного Закона. Проанализированы виды информационных вызовов, критерии оценки допустимости подаваемой информации, сферы защиты личности, изложены предложения по совершенствованию законодательства. Разработка заявленной темы проводится сквозь призму как национального, так и зарубежного опыта.

Ключевые слова: информационная безопасность; право на образование; право на защиту от вредоносной информации; информационная угроза; гарантии прав и свобод.

Образовательный процесс неразрывно связан с информацией. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З с изменениями и дополнениями, принятыми Законом от 14 января 2022 г. №154-З (далее Кодекс об образовании) включает в определение образования не только целенаправленный процесс организации и стимулирования учебной деятельности обучающихся по овладению ими знаниями, умениями и навыками, развитию их творческих способностей (обучение), но и целенаправленный процесс формирования духовно-нравственной и эмоционально ценностной сферы личности обучающегося (воспитание). Тем самым подаваемая информация относиться к различным сферам: отрасли науки, этические нормы, нормы морали, идеологические и мировоззренческие основы и др.

Информационная безопасность выступает гарантией защиты обучающегося от дестабилизирующего воздействия внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Данные угрозы могут преследовать различные цели: «воздействие на сознание личности, на ее психологическое состояние; оказание деструктивного, наносящего вред влияния на здоровье личности; овладение личной информацией, в том числе – с целью использования ее в противоправных целях; распространение идеологии терроризма и радикальных идей; воздействие на половую неприкосновенность и половую свободу личности; развитие антиобщественных стереотипов поведения» и т.д. [2, с. 225].

Проблемное поле заявленной темы заключается, во-первых, в сложности установления единых стандартов при определении конкретного содержания угроз, особенно если ориентироваться на общемировой уровень. То, что для одного общества является нормой, составляет непосредственную угрозу для нормального развития другого. Суть вопроса упирается в проблему конкуренции мировоззрений, которая в свою очередь накладывает отпечаток на процесс закрепления и реализации

конкретных прав и свобод, в том числе права на образование. Наглядным примером в свете сказанного является тема полового воспитания школьников. Государства постсоветского пространства часто критикуются, включая ООН, за пассивное отношение к теме сексуального просвещения детей. Если обратиться к опыту большинства государств Западной Европы, США, Канады, где образование школьников, в том числе направлено на выяснение их сексуальной и гендерной идентичности, то на специальных уроках даже начальной школы, детям объясняют особенности сексуального поведения, затрагивают вопросы контрацепции, прививают ЛГБТ ценности. В отдельных государствах посещение подобных уроков является обязательным (например, уроки «культуры взаимоотношений» для учеников начальных классов британских школ [2]), пропуск влечет административную ответственность для родителей. В качестве примера можно привести и гендерно-нейтральные детские сады, где детей учат нестереотипным ролям и переодевают в одежду противоположного пола [3]. Данные тенденции могут быть неприемлемыми в иных государствах, как в силу национальных духовных, религиозных, культурных традиций, так и ввиду иных факторов, непосредственно оказывающих влияние на развитие государства и общества (например, уровень рождаемости).

Половое воспитание в описанном выше контексте (направленное на пропаганду ЛГБТ ценностей) несет непосредственную информационную угрозу и применительно к белорусскому обществу, особенно в свете последних изменений Конституции Республики Беларусь (определение брака как союз женщины и мужчины). Кроме того, в законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» с изменениями и дополнениями от 11 мая 2016 г. № 362-3 (статья 37¹) к информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, относится информация, способная оказать негативное влияние на здоровье, физическое, нравственное и духовное развитие детей определенной возрастной категории, в том числе информация, дискредитирующая институт семьи и брачно-семейные отношения.

Спорным на сегодняшний день, остается и вопрос о допустимости проведения в учреждениях образования мероприятий, не соответствующих национальным духовным традициям. В первую очередь, это касается Хэллоуина. В Российской Федерации были попытки запрета проведения подобных мероприятий в учреждениях образования. Еще в 2003 году данная проблема вышла на уровень Департамента образования Москвы, руководством которого на места было направлено соответствующее письмо. Решение обосновано тем, что в празднике «присутствуют элементы религиозного содержания (культ смерти, глумление над

смертью, олицетворение смерти и духов зла)», что разрушительно для психического и духовно-нравственного здоровья учащихся, а также «...противоречит светскому характеру образования государственных образовательных учреждений». Документ был принят в соответствии с рекомендациями ученых-психиатров [4].

На наш взгляд, проведение подобных мероприятий в системе образования напрямую оказывает влияние на одну из составляющих образовательного процесса – воспитание. Допустимость контента проводимых в учреждениях образования мероприятий, в определенной степени является оценочной категорией. Тем самым совершенствование критериев оценки информации на предмет ее допустимости с точки зрения формирования духовно-нравственной и эмоционально-ценностной сферы обучающихся на сегодняшний день достаточно актуально.

Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. содержит потенциал для установления более четких критериев при оценке контента угроз, в том числе в рамках образовательного процесса. Прежде всего следует обратить внимание на отраженный в Преамбуле мировоззренческий вектор с учетом включенных формулировок о сохранении национальной самобытности, реализации культурных и духовных традиций. Кроме того, следует ориентироваться на статью 32¹: государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества

В контексте правильной интерпретации отдельных исторических событий, в частности в рамках образовательного процесса, можно расценивать ч. 2 статьи 15 (государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны).

В рамках заявленной темы достаточно актуальной на сегодняшний день видится сфера совершенствования контроля за содержанием информационной продукции на предмет обеспечения его соответствия информационной безопасности обучающихся. К примеру, в Российской Федерации Лига безопасного интернета [обнаружила](#) в одном из школьных учебников английского языка для шестого класса ссылку на сайт для взрослых, причем ранее данный учебник уже проходил госэкспертизу и экспертизы негосударственных организаций [5]. Отдельное внимание необходимо уделить и совершенствованию механизма обеспечения информационной безопасности при организации дополнительного образования. Так, общественный резонанс вызвала образовательная

деятельность ООО "Польская школа" в Бресте, где 28 февраля 2021 г. на несанкционированном мероприятии с участием несовершеннолетних под видом оказания информационных и культурно-образовательных услуг «прославлялись военные преступники...», на базе «школы» действовали курсы польского языка для соискателей карты поляка и харцерские дружины, «основная деятельность которых строилась на обесценивании исторической памяти белорусского народа» [6].

Снятию описанных выше проблемных аспектов, на наш взгляд, будет способствовать закрепление права обучающихся на защиту от вредоносной (деструктивной) информации в перечне основных прав обучающихся в статье 31 Кодекса об образовании. При совершенствовании сферы обеспечения информационной безопасности детей и молодежи следует рассмотреть и целесообразность принятия отдельного документа (концепции), который бы служил основой для нормотворческой и правоприменительной деятельности. Здесь можно обратиться к опыту Российской Федерации, где в настоящий момент ведется работа над Концепцией информационной безопасности детей (предыдущий документ был принят в 2015 году на пять лет, признан малоэффективным). Со слов экспертов, обеспечение информационной безопасности в обновленном документе направлено не только на Интернет, но и другие медиа-средства, СМИ, а также всю информационную продукцию, которая окружает детей, в том числе художественную литературу и учебники, и будет осуществляться на основе сочетания национальных традиций и современных вызовов [7].

Таким образом, необходимость комплексного подхода к вопросам обеспечения информационной безопасности в процессе реализации права на образование, по мнению автора, очевидна. Совершенствование сферы обеспечения информационной безопасности обучающихся может осуществляться как в рамках уже существующего законодательства, так и посредством принятия отдельного документа. Определение допустимости информационного контента в системе образования, в первую очередь целесообразно вести исходя из национальных ценностных ориентиров, мировоззренческих основ белорусского народа, недопустимости искажения истории, ключевые позиции по которым отражены в обновлённом тексте Основного Закона.

Список использованных источников

1. Чеботарева, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.13/ А.А. Чеботарева. – М, 2018. – 473 с.

2. Британским младшеклассникам расскажут про ЛГБТ, и это обязательно [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2019-02-28/Times-britanskim-mladsheklassnikam-rasskazhut-pro>. – Дата доступа: 10.09.2021.
3. Новосёлова, Е.Н. Однополый «брак» - тупиковая ветвь эволюции семьи и общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnopolyu-brak-tupikovaya-vev-evolyutsii-semi-i-obschestva/viewer>. – Дата доступа: 10.02.2022.
4. Школьникам Москвы запретили отмечать Хэллоуин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=21129>. – Дата доступа: 10.11.2021.
5. Общественная экспертиза отвергла "Концепцию информационной безопасности детей" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/15/obshchestvennaia-ekspertiza-otvergla-koncepciiu-informacionnoj-bezopasnosti-detej.html> – Дата доступа: 12.11.2021.
6. Суд постановил ликвидировать «Польскую школу» в Бресте [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://reform.by/218245-sud-postanovil-likvidirovat-polskuju-shkolu-v-breste> . – Дата доступа: 10.11.2021.
7. В Концепцию информационной безопасности детей включат художественную литературу и учебники [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-koncepciyu-informacionnoy-bezopasnosti-detej-vklyuchat-khudozhestvennyu-literaturu-i-uchebniki.html>. – Дата доступа: 18.11.2021.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

В. В. Кухарчик

Белорусского государственного университета, студентка 1 курса
valerialuce@gmail.com

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Василевич Г.А.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы цифровизации права, в частности: влияние на содержание компетенции публичных органов, внедрения современных цифровых технологий в отрасли права и законодательства, изменение типологии управленческих решений в современных электронных режимах, основания их принятия, и их виды, роль права как востребованного регулятора с высоким регулятивным потенциалом.

Ключевые слова: цифровизация права; компетенции публичных органов; цифровые технологии; типология управленческих решений в современных электронных режимах; право как важный регулятор процесса цифровизации; естественный и искусственный интеллект.

Вторая половина ушедшего столетия и наступивший XXI век были ознаменованы подлинным прорывом в области высоких технологий. Многие из тех вещей, которые еще полвека назад казались несбыточной мечтой, на сегодняшний день прочно вошли в обычную жизнь граждан. Сейчас информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества.

Вместе с тем в современном контексте отношений права и научно-технического развития возникает много новых и интересных проблем. Первая проблема, требующая пояснения, связана с совпадением сфер правового регулирования и цифровизации. Цифровизация стремительно «врывается» в разные сферы, где-то сокрушая, где-то существенно облегчая жизнь человеческих личностей и деятельность организаций.

В области государственного управления цифровизация существенно влияет на содержание компетенции публичных органов таким образом, что одни функции отпадают, а другие замещаются. В частности, вместо громадного потока отчетности и проверок используются аналитические и прогнозные разработки. Вводится новый оборот данных, который позволяет расширить информационную базу управленческих решений и действий, что существенно облегчает государственное управление.

Вторая проблема заключается в переменах, которые происходят в праве в условиях повсеместного внедрения современных цифровых технологий. Предмет правового регулирования преобразуется, но социальная роль права в упорядочении общественных отношений не меняется. При этом его функциональное воздействие наполняется новым содержанием, что находит отражение прежде всего в динамично развивающемся отраслевом законодательстве: гражданском, трудовом, экологическом, административном, образовательном, медицинском и др. В целом отраслевое законодательство несмотря на довольно высокий уровень развития, нуждается в модернизации, чтобы граждане и юридические лица легко взаимодействовали с помощью электронных технологий.

Происходят изменения в отношениях между человеком и новыми техническими устройствами, отражающиеся в статусах и государственных органов, и отдельных работников. Если раньше каждый отвечал за свой участок, самостоятельно, наблюдал, корректировал, использовал информацию, принимал решение, то теперь появился своеобразный партнер, робот, который выполняет одни операции самостоятельно, другие под контролем человека либо наоборот. Вследствие этого актуализируется вопрос о том, какие виды решений теперь целесообразно постепенно переводить в режим использования электронных технологий, а какие традиционно останутся предметом деятельности государственных органов и всех институтов публичной власти.

Типология управленческих решений является одной из насущных академических и практических проблем, поскольку в современных электронных режимах меняются и основания их принятия, и их виды. В логической связке с проблематикой управленческих решений выступает вопрос ответственности за ошибки или правонарушения. На этот случай можно предложить модель разделенной ответственности, когда за ошибки робота или даже ущерб, причиненный им, ответственность несут: программист, разрабатывающий программы деятельности устройства, оператор, обеспечивающий его использование и эксплуатацию, и наконец, то должностное лицо, служащий, работник, отвечающий за этот участок работы. Это своеобразный юридический феномен, где каждый несет долю бремени.

Перевод правовой материи в алгоритмы поведения машин осуществляют не юристы, поэтому итоговый функционал программной оболочки будет существенно отличаться от первоначального «духа закона», причем в сторону упрощения и обеднения вариантов. На программу нельзя пожаловаться, высказать претензии. Это лишает человека свободы воли и выбора, человек остается в рамках выборов, заложенных волей создателей оболочки.

Ключевой вопрос — готов ли человек пользоваться информационно-правовым пространством, осваивать значительное многообразие и большие объемы информации, которые позволяют расширить спектр деятельности и лучше взвешивать возможные варианты активности. В этом же контексте проявляется потребность в диагностике рисков, сопровождающих любую человеческую деятельность.

Правы те, кто говорит, что не надо регулировать прогресс. В правовом регулировании нуждаются не технологии, а отношения с использованием технологий. А что касается страхов про ИИ и тотальную цифровизацию, то большая часть проблем лежит в сфере естественного интеллекта, а не искусственного. В том смысле, что регулировать надо действия носителей естественного интеллекта при проектировании интеллекта искусственного. А при таком взгляде на вопрос право остается востребованным регулятором с высоким регулятивным потенциалом, а необходимость неких принципиально иных регуляторов поведения оказывается спорной.

РАЗДЕЛЫ I И II КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОДЕРЖАНИЕ И СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ

А. А. Лукашов

Белорусский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук

Lukashov@tut.by

Аннотация. В работе анализируется сущность и значимость изменений и дополнений, внесённых в 2022 г. в разделы I и II Конституции Республики Беларусь (путём сравнения с аналогичными статьями Конституции БССР 1978 г. и Всеобщей декларации прав человека). Автор пришёл к выводу о возможности и целесообразности радикального сокращения данных двух разделов.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; Конституции БССР; Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; права человека; развитие конституционного права.

Представляется, что внесённые 27 февраля 2022 г. изменения и дополнения в текст Конституции Республики Беларусь не являются последними. Данные новеллы можно охарактеризовать как самые объёмные (по объёму текста) единовременные изменения в Конституцию Беларуси. В этом своём выступлении на круглом столе я использую, в частности, те материалы, которые отправлял в Национальный центр правовой информации в качестве предложений в рамках обсуждения Проекта изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, а также готовил для проведения соответствующей диалоговой площадки по месту своей работы. Эти предложения в значительной степени состояли из критического разбора некоторых из предлагаемых изменений.

Как преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин БГПУ я обратил внимание, что спикеры диалоговых площадок чаще всего говорили о статье 32 рассматриваемого проекта Конституции Республики Беларусь. Эта статья была предложена в следующей редакции: «Брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги имеют равные права в браке и семье. Родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию. Дети обязаны заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь. Государство оказывает поддержку семьям с детьми, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если родители или другие лица, их заменяющие, не выполняют своих обязанностей. Женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности,

а также создание условий для охраны их труда и здоровья». Для того, чтобы понять ценность этой статьи я решил проанализировать Конституции БССР. Результатом стал вывод, что Конституции БССР 1919, 1927 и 1937 г. не содержали положений относящихся к семье и браку. Такой пункт появился только в Конституции БССР 1978 г. где была соответствующая статья 51: «Семья находится под защитой государства. Брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины; супруги полностью равноправны в семейных отношениях. Государство проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье». Эта статья гораздо более лаконичная (62 слова против 195 слов в рассматриваемом Проекте) и, одновременно, более содержательная – не только декларировалась забота государства о семье, но и назывались пути проявления этой заботы.

По вопросу семьи и брака высказались и представители **Белорусской Православной Церкви**. Они предлагали закрепить в Конституции следующие положения (**защищающие традиционные для нашего общества христианские семейные ценности**) [1]:

- **гарантирующие право на жизнь с момента зачатия;**
- **утверждающие институт брака, как союза мужчины и женщины по рождению с целью создания семьи;**
- **устанавливающие приоритет семейного воспитания и позволяющие родителям воспитывать детей на основании своих религиозных убеждений;**
- **закрепляющие право каждого человека на духовно-нравственное развитие;**
- **гарантирующие каждому возможность реализации его прав и свобод независимо от развития и использования цифровых, нано-, био-, медицинских, электронных и иных технологий;**
- **препятствующие деструктивным проявлениям информационных технологий, распространению негативных явлений «псевдокультурного» характера.**

Эти предложения я бы охарактеризовал как довольно лаконичные (81 слово) и, в целом, конкретные, хотя некоторые фразы – как стилистически неудачные или непонятые (пункт 5, а также 4 и 6). Но эти предложения не учитывают светский характер белорусского государства и большую долю неверующих среди граждан нашей страны.

Вопросам семьи брака посвящена статья 16 Всеобщей декларации прав человека: «1. Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью. Они пользуются

одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения. 2. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон. 3. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (всего 77 слов). Некоторые формулировки данной статьи, на мой взгляд, похожи на те, что мы видели в статье 51 Конституции БССР 1978 г. Также я нахожу, что статья 16 Всеобщей декларации прав человека всё же более конкретная и содержательная, чем в предложенном Проекте. Тем не менее, считаю, что статья 32 Проекта Конституции лучше той, что имелась в редакции 1994 г., так как из неё убраны слова, не совсем подходящие для этой статьи по смыслу и, к тому же, малосодержательные (перемещены в другую статью Проекта Конституции): «Молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии». Отмечу, что в статье 25 Всеобщей декларации прав человека присутствует более лаконичная и убедительная фраза на похожую тему: «Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь».

В статью 21 ныне действующей Конституции: «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства», - было добавлено одно предложение: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства». Если это добавление является полезным, то чем объясняется её отсутствие в предыдущей редакции Конституции? Считаю, что в статье 29 Всеобщей декларации прав человека аналогичная мысль сформулирована лучше: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

На мой взгляд, Конституция должна быть максимально лаконичной. Поэтому надо семь раз подумать прежде, чем добавлять в её текст хотя бы одно слово. Ранее в Беларуси никому не приходило в голову, что память о событиях Великой Отечественной войны необходимо охранять текстом Основного Закона, так как представляется очевидным, что каждый житель Беларуси хранит память о событиях Великой Отечественной войны в своём сердце.

Считаю лишними дополнения статьи 46 Конституции, касающиеся атомной энергетики, поскольку данный вид энергетики у нас и так давно развивается, ещё со времён БССР. Само собой разумеется, что любое

производство должно быть безопасным. Рекомендую, при разработке текста Конституции, избегать любых фраз, которые можно интерпретировать как популистские.

С гораздо большим вниманием я бы относился к предложению дополнить текст Конституции словами о том, что правоприменительная практика не должна идти вразрез с сложившейся за всё время существования Республики Беларусь. Хотя и это представляется вполне само собой разумеющимся.

Многие из предложенных правок, в том числе и внесённые в первые два раздела Конституции, носили, скорее, стилистический характер и не влияли на содержание. Отсутствие опубликованных объяснений необходимости внесения всех этих изменений натолкнуло меня на мысль о том, что эти изменения являются скорее игрой слов. Поэтому, считаю целесообразным вообще отказаться от разделов I и II Конституции (это 63 статьи), заменив их ссылкой на Всеобщую декларацию прав человека, с возможной формулировкой: «Республика Беларусь стремится к реализации прав и свобод, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека, а также разработанных на её основе Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (принятых Генеральной Ассамблеей ООН 1966 г.). Из первых двух разделов ныне действующей Конституции я бы оставил только начальные предложения первых трёх статей: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство»; «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства»; «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Каким образом, в плане структуры документа, это оформить, я пока не готов сказать.

Советские конституции, начиная с самых первых, «провозглашали невиданный до тех пор набор социально-экономических прав» [2]. И каждая новая конституция была по объёму больше предыдущей, добавляя всё новые и новые права. Новые права и гарантии у нас появились и согласно принятым в 2022 г. дополнениям и изменениям в Конституцию (правда также и новые обязанности, например, заботиться о сохранении собственного здоровья). Думаю, что давно пора сосредоточиться над наполнением этих деклараций реальным содержанием, а не над продуцированием нового юридического текста. Уверен, что в Основном Законе должно быть как можно меньше необоснованной декларативности. Лучше избегать фраз, которые можно интерпретировать как попытку подменить статьями Основного Закона реальную заботу о наших людях. Конституция не должна быть собранием банальностей. Конституция должна быть книгой, которую хочется прочитать.

1. Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Белорусский экзархат. – Минск, 2022. – Режим доступа : <http://church.by>. – Дата доступа : 23.03.2022.

2. Российская юридическая энциклопедия / А.Я. Сухарев [и др.] ; Издательский Дом ИНФРА-М ; под общ. ред. А.Я. Сухарева. – М., 1999. – 1110 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. В. Мамчиц

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, аспирант
mamchits.tatsiana@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые подходы по ограничению реорганизации и ликвидации юридических лиц с целью защиты прав кредиторов, а также корреляция таких ограничений с конституционным принципом свободы хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: свобода хозяйственной деятельности; реорганизация юридического лица; ликвидация юридического лица; злоупотребление правом; ограничение конституционных прав.

Конституция Республики Беларусь содержит ряд основополагающих принципов, формирующих экономическую основу конституционного строя и имеющих непосредственное влияние на становление и развитие законодательства Республики Беларусь в целом. Статья 13 Конституции Республики Беларусь раскрывает некоторые из указанных принципов: принцип свободы хозяйственной деятельности, принцип равной защиты и равных условий для всех форм собственности, принцип государственного регулирования экономики в социальных целях, принцип участия трудящихся в управлении организациями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни.

В условиях развития белорусской экономики и либерализации хозяйственной деятельности наибольший интерес представляет принцип свободы хозяйственной деятельности. Указанный принцип необходимо отличать от принципа свободы предпринимательской деятельности, который, по мнению Козыревой Л. Г., представляет собой «универсальный (интегрированный) принцип конституционного права, объединяющий

несколько самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принцип свободы договора, общедозволительный принцип, принцип свободы конкуренции и др.)» [1].

Как справедливо отмечает Бондаренко Н. Л., «принцип свободы прадпрымальніцкай дзейнасці з'яўляецца прынцыпам прадпрымальніцкага права як падгаліны гаспадарчага права і суадносіцца з прынцыпам свабоды гаспадарчай дзейнасці ў рамках галіны «гаспадарчае права» як прыватнае з агульным» [2, с. 193].

Конституционный принцип свободы хозяйственной деятельности предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, а также равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 13 Конституции Республики Беларусь). Указанный конституционный принцип, главным образом, реализован в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) и других нормативных правовых актах, регламентирующих осуществление хозяйственной деятельности.

Принцип свободы хозяйственной деятельности позволяет лицам, изъявившим желание заниматься такой деятельностью, самостоятельно определять форму, способ, срок, цель осуществления хозяйственной деятельности с учетом требований законодательства, а также в любой момент принять решение о реструктуризации своей деятельности или ее завершении. Среди субъектного состава лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, особый интерес вызывают юридические лица как наиболее сложные участники правоотношений.

В деятельности юридических лиц конституционный принцип свободы хозяйственной деятельности проявляется в широком многообразии, при этом правоприменительная и судебная практики в большей степени акцентируют внимание на проблематику реализации указанного принципа при проведении реорганизации и ликвидации юридических лиц.

Реорганизация юридических лиц является самостоятельным институтом гражданского права, призванным обеспечивать «право субъектов гражданско-правовых отношений на свободу предпринимательства, объединение лиц и имущества для совместной экономической деятельности, диверсификации активов» [3, с. 9]. В условиях мирового экономического кризиса, оказывающего негативное влияние на производственную и инвестиционную активность субъектов хозяйствования, институт реорганизации предоставляет дополнительные правовые возможности перераспределения финансовых ресурсов и реструктуризации юридических лиц, а также «нацелен на значительное

сокращение временных и материальных затрат, направленных на перемену лиц в имущественных и иных правоотношениях» [4, с. 224].

Белорусский законодатель предоставляет возможность, в частности, проведения реорганизации юридического лица по решению собственника его имущества (учредителей, участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами (пункт 1 статьи 53 ГК Республики Беларусь).

Реорганизация юридического лица может быть проведена в любой период его деятельности при соблюдении минимальных требований законодательства к данному процессу. При этом законодатель не определяет цели реорганизации юридического лица, оставляя решение данного вопроса на усмотрение компетентного органа, уполномоченного на принятие решения о реорганизации.

Судебная практика свидетельствует о наличии значительного количества споров, обусловленных проведением реорганизации юридического лица-должника в добровольном порядке с целью уклонения от расчетов по своим долговым обязательствам, затягивания процедуры взыскания долга в принудительном порядке, что нарушает права и законные интересы кредиторов такого юридического лица-должника.

Цель реорганизации, а также экономические последствия реорганизации имеют существенное значение не только для кредиторов реорганизованного юридического лица, чьи права и законные интересы были нарушены в результате осуществленной реорганизации, но и для контролирующих (надзорных) органов, сталкивающихся с ситуациями отсутствия перспективы взыскания задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджет с правопреемников по итогам недобросовестной реорганизации.

В последнее время участились случаи умышленного ухода нанимателей от уплаты обязательных страховых взносов с начисленными суммами пеней и административных штрафов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь (далее – бюджет фонда) в рамках процедуры недобросовестной реорганизации.

Вместе с тем обязательные страховые взносы в бюджет фонда являются единственным источником финансирования пенсий и пособий из средств государственного социального страхования. Задолженность по уплате обязательных страховых взносов, в случае ее непогашения до начала наступления пенсионного возраста, лишает законных прав граждан на формирование их страхового стажа, необходимого для назначения пенсии. Размер пенсии зависит от продолжительности стажа работы и величины заработка, из которого уплачены обязательные страховые взносы.

Неуплата нанимателями обязательных страховых взносов за отдельные периоды работы приводит к уменьшению размеров, а в отдельных случаях, – к лишению работников права на трудовую пенсию.

С целью исключения случаев умышленного ухода от погашения задолженности по платежам в бюджет фонда, а также в целях соблюдения законодательства о государственном социальном страховании высказывались предложения (при обсуждении законопроекта «Об изменении кодексов» на заседании шестой сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва) об установлении на законодательном уровне запрета на осуществление реорганизации юридических лиц, имеющих задолженность по платежам в бюджет фонда. Аналогичные предложения поступали относительно задолженности перед бюджетом по взываемым налоговыми и таможенными органами платежам.

Необходимо отметить, что установление на законодательном уровне такого запрета в определенной мере ограничивает конституционный принцип свободы хозяйственной деятельности, закрепленный в статье 13 Конституции Республики Беларусь.

Вместе с тем обозначенная проблематика однозначно требует решения. Представляется целесообразным рассмотреть возможность установления солидарной ответственности реорганизованного юридического лица и его аффилированных лиц, а также юридических лиц, созданных в результате реорганизации, перед соответствующими кредиторами по возникшей до реорганизации и непогашенной после реорганизации задолженности перед бюджетом по взываемым налоговыми и таможенными органами платежам, а также задолженности по обязательным страховым взносам в бюджет фонда.

Указанный подход, с учетом правовой природы института солидарной ответственности, представляет собой более действенный способ защиты прав кредиторов реорганизуемого должника.

Конституционный принцип свободы хозяйственной деятельности находит свое воплощение, в частности, и в праве собственника имущества (учредителей, участников) либо органа юридического лица уполномоченного на то учредительными документами, ликвидировать юридическое лицо в добровольном порядке по своему решению (подпункт 1 пункта 2 статьи 57 ГК Республики Беларусь).

Реализация данного права может быть обусловлена наступлением конкретных обстоятельств (истечение срока, на который создано юридическое лицо, достижение цели, ради которой создано юридическое лицо и др.), а также связана с самостоятельным волеизъявлением лица, уполномоченного на принятие такого решения, ввиду отсутствия дальнейшего желания заниматься хозяйственной деятельностью.

Правовой анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в последние годы остро стоит вопрос о злоупотреблении правом

уполномоченного лица на принятие решения о ликвидации юридического лица с последующей отменой такого решения. В большинстве случаев такие решения принимаются с целью уклонения от погашения кредиторской задолженности. На практике возникают ситуации многочисленных входов в ликвидацию и выходов из нее в процессе рассмотрения дел в судебном порядке, в ходе принудительного исполнения, что препятствует защите прав и интересов кредиторов, а также обесценивает проведенную работу по взысканию задолженности.

С целью пресечения вышеописанных случаев высказывались предложения (при обсуждении законопроекта «Об изменении кодексов» на заседании шестой сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва) об установлении запрета на принятие собственниками имущества (учредителями, участниками) решения о ликвидации юридического лица на основании подпункта 1 пункта 2 статьи 57 ГК Республики Беларусь более двух раз.

Полагаем, что такой подход также в значительной мере ограничивает реализацию конституционного принципа свободы хозяйственной деятельности. Вместе с тем находим обоснованным обусловить право на отмену решения о ликвидации юридического лица отсутствием кредиторской задолженности на момент принятия такого решения, что позволит исключить злоупотребление правом со стороны уполномоченных лиц юридического лица и обеспечить защиту прав кредиторов.

По мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, свобода предпринимательской деятельности может быть ограничена законом в той мере, в какой это отвечает принципу пропорциональности ограничения прав и свобод. Ограничения конституционных прав должны отвечать требованиям справедливости и являться соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей [5].

С учетом вышеизложенного целесообразно сделать вывод о том, что совершенствование гражданского законодательства невозможно без соблюдения конституционных принципов. Установление каких-либо ограничений прав, предоставленных законодателем собственникам имущества (учредителям, участникам) и иным уполномоченным лицам юридического лица при его реорганизации или ликвидации, должно одновременно обеспечивать сбалансированность прав и интересов указанных лиц и кредиторов реорганизуемого или ликвидируемого лица.

Список использованных источников

1. Козырева, Л. Г. Конституционные основы предпринимательской деятельности и правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Г. Козырева // Profmedia.by : РегистрМедиа. – Режим доступа: <https://profmedia.by/pub/bnp/art/88394/>. – Дата доступа: 20.03.2022.

2. Бандарэнка, Н. Л. Канстытуцыйная прырода прынцыпаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь, рэгулюючага ажыццяўленне гаспадарчай дзейнасці / Н. Л. Бандарэнка // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2021. – № 1. С. 191–202.

3. Галазова, З. В. Реорганизация юридического лица: теоретико-правовое обоснование : монография / З. В. Галазова. – М. : Юстицинформ, 2017. – 188 с.

4. Войтович, Г. И. Понятие реорганизации юридических лиц как комплексного института права / Г. И. Войтович // Государственное управление. Право. Философия. Филология. Психология : сб. науч. трудов / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь : под общ. ред. А. Н. Морозевич. – Вып. 15. – Ч. II. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – С. 225–236.

5. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 6 июля 2010 г., № Р-483-2010 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОСЛЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РЕФЕРЕНДУМА 2022 Г.

И. Э. Мартыненко,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,

доктор юридических наук, профессор

i.martinenko@grsu.by

Аннотация. Рассматриваются особенности конституционно-правового регулирования доступности культурных ценностей, ответственности государства за сохранения историко-культурного наследия, сохранения исторической памяти. Автор анализирует конституционные новеллы, введённые по результатам Республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в целях обеспечения сохранности культурного, исторического и духовного наследия Беларуси. Предлагается дальнейшее развитие законодательства, основывающегося на этих новых положениях Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституция; сохранение исторической памяти; республиканский референдум; сохранность историко-культурного наследия

Конституционное закрепление вопросы охраны и использования памятников истории и культуры впервые получили в ст. 68 Конституции

СССР 1977 г., которая провозгласила обязанность граждан заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей. В предыдущих советских конституциях аналогичная норма отсутствовала. В дальнейшем эта правовая норма была развита в Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», абсолютное большинство положений которого нашли свое отражение в белорусском законодательстве.

Уже после провозглашения независимости Конституция Республики 1994 г. Беларусь закрепила право граждан на участие в культурной жизни (ст. 51). Конституцией установлено, что государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия (ст. 15); каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности (ст. 54). В настоящее время в Государственном списке историко-культурных ценностей Беларуси зарегистрировано 5587 историко-культурных ценностей, которые расположены во всех регионах страны [1].

27 февраля 2022 г. на Республиканском референдуме приняты изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь [2], согласно которым Основной закон дополнен такими важными положениями, относящимися к теме нашего исследования, как: государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ч.3 ст.15 Конституции); сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ч.2 ст.54 Конституции) [3].

В рамках реализации *принципа ответственности государства за сохранение историко-культурного и духовного наследия* (ст. 15 Конституции) приняты государственные программы, реализация которых направлена на сохранение, возрождение и использование объектов историко-культурного наследия, их реставрацию и популяризацию, а именно:

Государственная программа «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 53;

Государственная программа «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 117;

Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг., утверждённая постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773.

Полагаем, что в данном вопросе можно пойти дальше. Как представляется, в настоящее время *назрела необходимость в разработке государственной программы возвращения в Республику Беларусь культурных ценностей, вывезенных за пределы страны в различные исторические периоды*. Полагаем, что в решении данной задачи (возвращение культурных ценностей) должны быть задействованы все заинтересованные организации и должностные лица: Национальная академия наук, другие учреждения науки и образования; Министерство культуры и Министерство иностранных дел, общественные объединения.

Данная норма по результатам Республиканского референдума 2022 г. дополнена важным положением: государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В этом плане норма белорусской Конституции несколько отличается от аналогичного положения Конституции РФ (ст. 67.2 Конституции РФ гласит, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды), так как впервые указывает также на защиту памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Содержательно деятельность по сохранению исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в Великой Отечественной войне включает наполнение общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны, и информационного интернет-портала «Партизаны Беларуси»; торжественное открытие форм увековечения (после реставрации, модернизации) и мемориальных досок в память о погибших в годы Великой Отечественной войны; проведение исторических реконструкций, посвященных знаменательным датам в истории Беларуси; разработка информационного портала по оцифровке памятных мест с последующим присвоением QR-кодов и формированием интерактивной карты памятников Беларуси; увековечение памяти жертв геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, включая разъяснение ответственности за реабилитацию нацизма, пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения.

Мы уже упоминали, что в согласно 51 Конституции Каждый имеет право на участие в культурной жизни. Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитием сети культурно-просветительных учреждений. В системе конституционных

прав право на участие в культурной жизни относится к разряду общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [4, с.156-158].

В целях обеспечения реализации данного принципа в Беларуси создана разветвленная системы музейных и библиотечных фондов, в которых хранятся культурные ценности, доступ к которым обеспечен нормами актов законодательства, что следует из анализа документов обоснования Государственной программы «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг.

Указанное право реализуется путем осуществления культурной деятельности, доступа (приобщения) к культурным ценностям и пользования ими. Доступ к культурным ценностям и пользование ими предусматривает: возможность ознакомления с культурными ценностями, их изучения путем непосредственного восприятия; возможность посещения организаций культуры, объектов культурной инфраструктуры в целях ознакомления с культурными ценностями и их изучения, в том числе в установленных законом случаях на льготных условиях или бесплатно; возможность приобщения к культурным ценностям с помощью информации, которая зафиксирована на материальных носителях или распространяется средствами массовой информации;; создание условий инвалидам и другим физически ослабленным лицам для обеспечения доступа (приобщения) к культурным ценностям и пользования ими. Так, в целях расширения возможностей обеспечения доступа к культурным ценностям Законом от 11 мая 2016 г. № 362-З внесены изменения в Закон Республики Беларусь «О правах ребенка»: согласно новой редакции ст. 22 этого Закона государство обеспечивает детям возможность приобщения к истории, традициям и духовным ценностям народа Республики Беларусь и достижениям мировой культуры.

Однако обеспечение доступа (приобщения) к культурным ценностям может быть ограничено в соответствии с Кодексом о культуре, исходя из специфики культурных ценностей, и (или) при создании угрозы их дальнейшему существованию или сохранению. В то же время препятствование доступу к культурным ценностям может быть обжаловано путем обращения в суд с соответствующим иском. Хотя в Республике Беларусь такие иски не заявлялись, тем не менее, считаем, что предпосылки (теоретико-методологические, нормативные) для этого существуют: каждый может требовать устранения препятствий для гарантированного Основным Законом права доступа к ценностям отечественной и мировой культуры. Дело остается за практической реализацией данного положения.

В статье 54 Конституции предусмотрена *обязанность каждого гражданина беречь историко-культурное, духовное наследие и другие*

национальные ценности. Следует отметить, что сама идея конституционного закрепления обязанности по бережному отношению к памятникам истории и культуры, их сохранению возникла еще в советский период. В Конституции СССР 1977 г. в качестве долга и обязанности граждан СССР была определена забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей (ст. 68). Именно с этого момента обязанность защиты историко-культурного наследия можно считать конституционной [5, с. 355–356].

Закреплением конституционной обязанности обусловлено установление юридической ответственности за ее невыполнение или ненадлежащее соблюдение. В целях обеспечения конституционной обязанности в отношении сохранения историко-культурного и духовного наследия (ст. 54 Конституции) меры юридической ответственности закреплены в гражданском (ст. 241 «Выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей» Гражданского кодекса), административном (ст. 20.1–20.7 КоАП) и уголовном (ст. 230, 344–346 Уголовного кодекса) законодательстве Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы. В Год исторической памяти, объявленный Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2022 г. №1, особо важное значение представляет собой забота сохранности памятников истории и культуры (историко-культурных ценностей), в которых воплощены итоги исторического и духовного развития народа Беларуси. В этом контексте полагаем целесообразным введение уголовной ответственности (в качестве нового самостоятельного состава преступления) за нарушение требований сохранения или использования историко-культурных ценностей, повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение (чего в настоящее время нет), что потребует дополнения Уголовного кодекса Республики Беларусь новой нормой.

Список использованных источников

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Официальный сайт Министерства культуры республики Беларусь. – Режим доступа: [http://gosspisok.gov.by/\(X\(1\)S\(2qsjqo0sv2v3zq03fay44r1u\)\)/?AspxAutoDetectCookieSupport=1](http://gosspisok.gov.by/(X(1)S(2qsjqo0sv2v3zq03fay44r1u))/?AspxAutoDetectCookieSupport=1) – Дата доступа: 12.03.2022.
2. Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, выносимыми на референдум. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 60 с.

3. Решение Республиканского референдума 27 февраля 2022 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 04.03.2022, 1/20213.

4. Рубанова, М. Е. Конституционные принципы государственной политики России в области культуры / М.Е.Рубанова // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2015. – № 4. – С. 156–161.

5. Липчанская М. А. Конституционные основы государственной политики Российской Федерации в отношении культурного наследия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16, вып. 3. – С. 354–359.

ВЛИЯНИЕ НОВЕЛЛ КОНСТИТУЦИИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА КАК КАТЕГОРИЮ, ОПРЕДЕЛЯЮЩУЮ СОДЕРЖАНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

К. В. Маслова

Белорусский государственный университет, магистрант

Kmaslova2017@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная редакция Конституции Республики Беларусь в интересах развития внешней политики государства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, гарантии, внутренняя и внешняя политика.

Конституция Республики Беларусь является высшим законом государства, в котором закреплены основные права и свободы человека и гражданина.

Белорусские конституции всех времен в целом заложили основы белорусской государственности, закрепили основные права и свободы личности, позволили сохранить этнокультурную самобытность белорусов.

15 марта 2022 года в силу вступила новая Конституция Республики Беларусь, которая несет в себе множество изменений и дополнений, которые в некотором роде даже расширяют права и гарантии общества.

В результате всенародного обсуждения было предложено внести несколько десятков поправок в текст Конституции. Ключевыми, на наш взгляд, являются даже не столько изменения в области сроков правления президента, полномочий экс-президента и прочего, сколько изменения, коснувшиеся прав граждан, создание такой новой ветви власти как Всенародное белорусское собрание.

Коснулись ли изменения внутренней и внешней политики государства? Да, несомненно. Внешняя политика государства тесно связана с внешнеэкономической деятельностью, точнее сказать последнее является частью внешней политики государства. Так как реализация внешнеторговой (экономической) деятельности осуществляется в рамках единой внешней политики Республики Беларусь.

А внутренняя политика государства характеризуется тем, что совокупность экономических функций государства реализуется через механизм государственного регулирования, то есть непосредственно через вмешательство административных органов в предпринимательскую деятельность с помощью набора различных методов и инструментов.

Ранее государственное регулирование внешнеэкономической деятельности (а равно и внешней политики государства) осуществлялось Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь, Правительством Республики Беларусь и иными уполномоченными государственными органами.

В этой части Конституция Республики Беларусь закрепляет, что Президент гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями, а Правительство разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики и принимает меры по их реализации [1, с. 33].

Однако внесенные изменения в Конституцию Республики Беларусь коснулись и части внешнеэкономической политики государства, а именно появляется новый высший представительный орган – Всебелорусское народное собрание, в полномочия которого теперь также входит утверждение основных направлений внутренней и внешней политики.

Также, на наш взгляд, к вопросам внешней политики государства можно отнести такие изменения, включенные в Конституцию, как исключение военной агрессии в отношении других государств (ранее этот принцип был закреплен как определение Республики Беларусь как безъядерной и нейтральной страны). Данное изменение напрямую касается такого принципа как неприменения силы или угрозы силой, который так же направлен и на внешнюю политику государства, что позволяет давать государством гарантии на мировой арене, для построения дружественных отношений государств и беспрепятственного осуществления внешнеторговой деятельности государства.

Данные новеллы также повлекли за собой ряд изменений в законодательные акты, регулирующие внешнюю политику государства. Например, в Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 25 ноября 2004 г. № 347-З будут внесены изменения в части государственного регулирования внешнеторговой деятельности, так как часть полномочий Президента в этой области отходит Всебелорусскому народному собранию, что позволит

более точно и эффективно осуществлять регулирование внешнеторговой (внешнеэкономической) деятельности [2].

Также немаловажным для политики государства является еще одно изменение, касающееся атомной энергии, которое звучит как «Республика Беларусь развивает атомную энергетику в мирных целях, обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии» данный принцип является одновременно и гарантией граждан на благоприятную окружающую среду, и гарантией внешней политики государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь, имеют комплексный характер. Они направлены как на внутреннюю политику государства (в части сохранения исторической памяти, традиционных ценностей, новых гарантий для отдельных слоев населения, равенство всех форм собственности в интересах личности и общества, и так далее), так и внешнюю (регулирование экономических (торговых) отношений на мировой арене).

Также на наш взгляд создание Всенародного белорусского собрания и наделение его полномочиями в части внешней политики государства позволит повысить эффективность политических, правовых, внешнеэкономических и иных инструментов защиты государственного суверенитета Республики Беларусь и ее национальной экономики в условиях глобализации.

Следовательно, изменения в Конституцию фактически касаются всех сфер деятельности, позволят обеспечить достойную защиту прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь : принят Палатой представителей Нац. собр. Респ. Беларусь 29 октября 2004 года, одобрен Советом Республики Нац. собр. Респ. Беларусь 10 ноября 2004 года № 347-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск: 2022, URL:<https://etalonline.by/document/?regnum=h10400347> (дата обращения: 05.04.2022).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

(НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ)

Т. С. Масловская

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
maslovskayat@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются предлагаемые и завершённые в течение последних десяти лет конституционные реформы в Италии. Делается вывод о выделении новой тенденции конституционных преобразований, связанных с организацией и деятельностью парламента.

Ключевые слова: институциональная система; парламента; конституционная реформа; конституция; Италия.

Парламент выступает важнейшим государственным органом, необходимым элементом институциональной системы государства, основанной на принципе разделения властей. Анализ содержания конституционных реформ в европейских странах, осуществляемых в последнее десятилетие, демонстрирует их разновекторную направленность.

Одним из направлений новеллизации европейских конституций выступает совершенствование институциональной системы государства. Помимо трансформации конституционных предписаний, связанных с перераспределением полномочий между органами единой государственной власти, прежде всего, наблюдаемого усиления роли парламента, одной из ориентаций является усовершенствование организации и деятельности публичных органов власти, включая парламента. В целях настоящей статьи представляется необходимым подвергнуть анализу предлагаемые и реализованные за прошедшие десять лет конституционные реформы, связанные с организацией и функционированием Парламента Италии, с учетом достаточно длительного действия Конституции (в этом году отмечается 75-летие с момента ее принятия) и ее эволюционного развития. Итальянский опыт конституционного реформирования, безусловно, представляется полезным и для Республики Беларусь.

Вопросы реформирования организации и деятельности общегосударственного представительного и законодательного органа были в центре конституционных реформ в Италии в 2016 г., в 2020 г. и в 2021 г.

В целях преодоления правительственного (политического) кризиса в марте 2015 г. было начато реформирование итальянского парламента. Конституционный закон «Положения о преодолении паритетного бикамерализма, сокращении числа депутатов, ограничении расходов на функционирование институтов, упразднении Национального совета экономики и труда и пересмотре главы V части II Конституции» был одобрен в окончательной редакции Сенатом 20 января 2016 года, Палатой депутатов – 12 апреля 2016 года.

Одобренный парламентом Конституционный закон регламентировал множество разнородных вопросов: 1) изменение порядка формирования и полномочий Сената (статьи 1–5, 7–9, 17–20, 25–25); 2) взаимоотношения правительства, парламентского большинства и оппозиции, в том числе гарантии прав меньшинства (статья 6); 3) законодательный процесс и издание правительством декретов, обладающих силой закона (статьи 6, 12, 14, 16); 4) народная законодательная инициатива, референдум и другие формы консультаций с народом (статьи 11, 15); 5) выборы и полномочия Президента Республики (статьи 21–24); 6) принципы публичной администрации (статья 27); 7) упразднение Национального совета экономики и труда (статья 28); 8) ликвидация провинций (статья 29); 9) взаимоотношения между государством, областями и местными автономиями (статьи 30–36); 10) выборы судей Конституционного суда и введение предварительного контроля за избирательными законами (статьи 13 и 37); 11) переходные и заключительные положения разнородного содержания (статьи 38–41) [1, с. 94].

Центральной осью конституционной реформы, по нашему мнению, выступал блок изменений, относящихся к Парламенту, который предусматривал изменение существующей в стране модели равноправного (паритетного) бикемерализма, признанного источником политической нестабильности, поскольку, обладая тем же кругом полномочий, что и Палата депутатов, Сенат формировался на региональной основе, а не на национальной, что увеличивало риск иметь обе палаты с разным большинством голосов. Конституционная реформа предлагала уменьшение состава Сената с 315 сенаторов до 95 (90 представляют территориальные учреждения, пять назначаются Президентом Республики), изменение порядка его формирования и срока полномочий (отныне он совпадает со сроком полномочий органов территориальных учреждений, от которых они избраны, срок полномочий сенаторов по назначению составляет семь лет).

В результате предлагаемой конституционной реформы в Италии предусматривалось значительное ограничение законодательных полномочий Сената: если ранее законодательная функция осуществлялась совместно палатами Парламента, отныне – совместно в обязательном порядке только по определенным в ст. 70 Конституции Итальянской Республики вопросам (например, в отношении конституционных законов, законов о референдуме, избирательных законов и пр., перечень закрытый), другие законы – факультативно по требованию не менее 1/3 его членов. Сенат должен был утратить право разрешать объявление войны (теперь только Палата депутатов могла обладать таким правом), лишиться права путем издания законов разрешать ратификацию международных договоров (за исключением договоров, связанных с членством Италии в Европейском Союзе), права выражать вотум недоверия Правительству и оказывать ему доверие. С другой стороны, отныне Сенат не мог быть распущен

Президентом Республики (ст. 88 Конституции Италии). Такая возможность сохранялась только в отношении Палаты депутатов итальянского Парламента. Таким образом, данный конституционный закон имел целью в том числе обеспечение стабильности Правительства путем значительного уменьшения полномочий Сената – верхней палаты Парламента Италии.

В целом, предлагаемые конституционные изменения свидетельствовали о значительном уменьшении полномочий и роли Сената Италии в государственном механизме, делали его похожим на верхние палаты парламентов многих европейских государств, использующих модель неравноправного бикамерализма. Возможно, данные модификации и помогли бы укрепить исполнительную власть и обеспечить политическую стабильность в Италии, однако граждане на конституционном референдуме 4 декабря 2016 г. не поддержали предлагаемую конституционную реформу.

В период XVIII legislatury итальянского парламента (начиная с 2018 г.) были одобрены некоторые предложения, приведшие к конституционным изменениям, связанным с организацией и деятельностью данного органа государственной власти.

Во-первых, выдвигаемая, но отвергнутая ранее идея о сокращении численности парламентариев нашла свое логическое завершение: после принятия Парламентом конституционного закона, предписывающего сократить количество членов Палаты депутатов с 630 до 400 депутатов и с 315 до 200 избранных сенаторов, он был утвержден на конституционном референдуме, который проходил 20 и 21 сентября 2020 года в соответствии со ст. 138 Конституции Италии 1947 г. Также в два раза было уменьшено количество парламентариев, избираемых в зарубежном округе: 6 вместо 12 депутатов в Палату депутатов, а также 4 вместо 8 сенаторов для избрания в Сенат. Таким образом, вместо 945 парламентариев новый состав Парламента Италии включает в себя 600 человек, что отражает сокращение численности в целом на 345 человек, а каждой палаты Парламента на 36,5%, однако сохраняет соотношение депутатов и сенаторов два к одному. Отметим, что предложение о сокращении на более чем на 1/3 численности парламентариев было направлено на повышение эффективности деятельности Парламента и сокращение бюджетных расходов (примерно на 500 тыс. евро в год).

Конституционный закон от 19 октября 2020 г., № 1 «Поправки к статьям 56, 57 и 59 Конституции в части сокращения численности парламентариев» предусматривает, что новые конституционные положения, указанные в статьях 56 и 57, будут применены с момента первого роспуска или истечения полномочий палат Парламента относительно даты вступления в силу данного конституционного закона и, в любом случае, не ранее чем по истечении шестидесяти дней с момента вступления в силу закона. Определение возможных нормативных изменений, которые будут внесены в связи с новым составом палат

итальянского Парламента, проходит обсуждение в профильных внутренних органах палат Парламента по регламенту.

Во-вторых, определенной корректировке подверглась норма, закрепляющая право Президента Республики назначать сенаторами пожизненно пять граждан, прославивших Родину, за выдающиеся заслуги в социальной, художественной и научной сфере. Как справедливо отмечалось в юридической литературе, по этому вопросу не существовало единой точки зрения, как толковать эту норму Конституции: Президент Республики может назначать пять сенаторов пожизненно или же пожизненно назначаемых Президентом сенаторов может быть всего пять [2, с. 376].

В результате конституционной реформы 2020 г. данное конституционное положение было уточнено. Отныне общая численность сенаторов, назначенных Президентом Республики, не должна превышать пяти (ч. 1, ч. 2 ст. 59 Конституции Итальянской Республики 1947 г.). Таким образом, если ранее каждый Президент Итальянской Республики мог назначить до пяти пожизненных сенаторов, то в настоящее время общее количество сенаторов, назначенных Президентом (точнее Президентами в совокупности) не может превышать в Сенате пяти человек, что значительно снижает президентское представительство в данной палате Парламента.

В-третьих, в июле 2021 года Парламент Италии также одобрил повторно абсолютным большинством голосов в обеих палатах конституционную поправку, касающуюся возраста для получения активного избирательного права на выборах в Сенат (статья 58 Конституции). Таким образом, была отменена норма, закрепляющая необходимость достижения 25-летнего возраста для лиц, избирающих сенаторов. Отныне пассивным избирательным правом для избрания как депутатов, так и сенаторов обладают граждане Италии, достигшие 18 лет. Соответствующий Конституционный закон №1 от 18 октября 2021 года «Поправка к статье 58 Конституции, касающаяся избирателей на выборах в Сенат Республики» действует с 4 ноября 2021 года.

Подводя итог, следует отметить следующее. Опыт конституционного реформирования последних десяти лет в Италии дает основание для выделения возникающего перспективного, по нашему мнению, направления совершенствования организации и деятельности парламента – сокращение численности парламентариев. На сегодняшний день не существует какой-то усредненной обязательной цифры народного представительства в европейских странах, определяющей какое количество граждан может представлять один депутат. Практика соотношения численности парламентариев и количества избирателей достаточно разнообразна.

Однако в последнее время в отдельных европейских государствах в рамках реформирования государственных институтов все чаще

высказываются предложения об уменьшении количественного состава палат парламента (или парламента в целом), связанные с необходимостью повышения эффективности деятельности парламента. Так, на совместном заседании палат французского Парламента 3 июля 2017 г. Президент Франции Э. Макрон, обращаясь с посланием к Конгрессу, объявил о реформе государственных институтов, одним из направлений которой предложил сокращение количества депутатов и сенаторов на 1/3, подчеркнув, что менее многочисленный парламент лучше работает. Данное предложение было несколько скорректировано в рамках проекта конституционного и органического законов, представленных во французский Парламент в 2019 г.: предложено сократить численный состав палат Парламент на 25%, т.е. на 1/4. В Болгарии в проекте новой Конституции, предложенной группой парламентариев осенью 2020 г., предлагалось сократить численность состава Народного собрания – Парламента Болгарии – на 50 %, предусмотрев его численный состав – 120 депутатов (вместо 240).

В связи с этим теоретическому осмыслению подлежит ряд важнейших вопросов, связанных с одной стороны, с проблемой народного представительства, сохранения и укрепления связей между избирателями и их представителями, определение ряда факторов, которые конституционный законодатель должен принимать во внимание при определении числа парламентариев. С другой стороны – необходимостью модернизации таких отношений, обусловленных в том числе расширяющимися возможностями использования информационно-коммуникационных технологий, дальнейшей цифровизацией при отсутствии объективной необходимости наличия значительного корпуса парламентариев.

Данная выделенная нами тенденция – сокращение численности парламентариев, полагаем, будут развиваться в дальнейшем, спектр стран будет расширяться.

Список использованных источников

1. Васильева Т.А. Конституционные реформы в Италии: бесконечный поиск ускользающего результата / Т.А. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. - № 4 (125). – С. 85–99.
2. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Г.А. Василевич, Н.М. Кондратович, Л.А. Приходько; под общ. ред. Г.А. Василевича. – Минск: Книжный Дом, 2006. – 480 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СВОБОДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

С. А. Минич

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
младший научный сотрудник
ekabpils75@mail.ru

Аннотация. Научное творчество, как интеллектуальная деятельность человека, возможно только на основе свободы. Свобода является необходимым условием и предпосылкой научного творчества и выражается в проявлении воли личности или всего сообщества к активному и целенаправленному созиданию нового, еще неизвестного в науке. Свобода научного творчества лежит в основе научных достижений, прогресса науки и общества в целом. Однако эффективность реализации данной свободы зависит от всего комплекса прав и свобод человека, реализуемых в научной сфере, с учетом общепринятых критериев и индивидуальных установок.

Ключевые слова: свобода научного творчества; конституционные гарантии; права человека; гарантии; научное пространство.

Свобода представляет собой сложное явление, и включает внутренний и внешний аспект. Учет такой структуры свободы имеет существенное методологическое значение для анализа конституционно-правового регулирования научной деятельности.

Что касается самого творчества, то многогранность этого понятия достаточно полно раскрыта на страницах толковых словарей и энциклопедий. Например, в Большой советской энциклопедии под творчеством понимается деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Деятельность может выступать как творческая в любой сфере: научной, производственно-технической, художественной, политической и т. д. – там, где создается, открывается, изобретается нечто новое [1].

Научное творчество в понимании В. М. Грязнова, – это высшее проявление знаний, способностей ученого, его желание проникнуть вглубь, в сердцевину, в ядро, в саму сущность исследуемых явлений [2].

Как отмечает в своих работах В. Н. Кудрявцев, научное творчество направлено на расширение познания мира и достижение такого результата, критериями ценности которого принято считать его новизну, социальную или техническую значимость и совершенство исполнения [3].

Рассматривая свободу научного творчества, необходимо указать, что в отличие, к примеру, от художественного творчества, ей характерна большая степень нормативности, парадигмальность, общезначимость, а также конвенциональность научного знания. Из этого следует, что свобода научного творчества не безгранична. Она, в первую очередь, предоставляется и регламентируется государством. Следовательно, право на свободу научного творчества относительно и может быть подвергнуто определенным ограничениям, особенно в условиях современности, когда наблюдается рост агрессивных по отношению к человеку технологий.

Право на свободу научного творчества провозглашается в различных международных и внутригосударственных правовых актах, что говорит о

важности процесса формирования общего научного пространства и всемирного научного сообщества. По мнению В.Н. Кудрявцева «мировая наука едина, и игнорировать это факт – гибельно для любого специалиста» [3].

В зарубежной литературе данное право рассматривается в контексте международно признанного права каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения, предусмотренного п. в ч. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (далее – Международный пакт) [4].

Согласно чч. 2, 3 ст. 15 Международного пакта «государства обязуются уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности; принимать меры, необходимые для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры» [4].

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. предусматривает, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (ст. 27.1) [5].

В Декларации об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества, принятой резолюцией 3384 Генеральной Ассамблеи ООН в 1975 г., установлена обязанность всех государств принять эффективные меры, включая законодательные, в целях предотвращения и недопущения использования научно-технических достижений в ущерб правам и основным свободам и достоинству личности [6].

В Рекомендации ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» указывается, что государствам-членам в процессе выработки национальной политики в области научных исследований и разработок «следует полностью учитывать, что творческая деятельность научно-исследовательских работников должна поощряться национальной политикой в области науки на основе строгого соблюдения автономии и свободы исследований, необходимых для научного прогресса» [7].

В Венецианском заявлении ЮНЕСКО 2009 г. «О праве пользоваться благами научного прогресса и его применения» раскрыты более четкие контуры права человека на науку, в частности, в нем говорится о необходимости создания правовой основы, способствующей развитию и распространению научных знаний, обеспечению доступа к благам научного прогресса, защите от злоупотреблений и неблагоприятного воздействия науки и ее применения [8].

Наряду с международно-правовыми важное значение имеют конституционные гарантии свободы научного творчества и научных исследований. Свобода научного творчества закрепляется на конституционном уровне в большинстве стран мира. В ряде Основных

Законов таких стран предусматриваются государственные гарантии свободы научного творчества.

Так, в ст. 51 Конституции Республики Беларусь установлено, что государство гарантирует свободу научного творчества и содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов [9].

В ст. 44 Конституции Российской Федерации закреплено: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания.» [10].

В ст. 43 Конституции Республики Армения определено «Каждый обладает свободой литературного, художественного, научного и технического творчества.» [11].

В Основном Законе Республики Молдова гарантии свободы научного творчества содержатся в ст. 33 «Свобода художественного и научного творчества гарантируется. Творчество не подвергается цензуре.» [12].

В Конституции Республики Словения в ст. 59 (свобода науки и искусства) «Гарантируется свобода научного и художественного творчества» [13]. Схожую норму содержит Конституция Словацкой Республики: «Свобода научных исследований и искусства гарантируется. Права на результаты творческой и умственной деятельности охраняются законом» (ст. 43).

В ст. 47 Конституции Республики Македония закреплены следующие гарантии:

Гарантируется свобода науки, искусства и других видов творчества.

Гарантируются права, проистекающие от научной, творческой или другой интеллектуальной деятельности.

Республика Македония способствует, помогает и охраняет развитие науки, искусства и культуры.

Республика Македония способствует и помогает научному и технологическому развитию [14].

Схожие развернутые гарантии свободы научного творчества установлены в ст. 68 Конституции Республики Хорватии [15].

Кроме того, в национальном законодательстве многих стран свобода научных исследований выступает одним из ключевых принципов в сфере науки, технологий и инноваций, а также соответствующей государственной политики.

К примеру, в ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики» среди ключевых принципов формирования и реализации государственной научно-технической политики обозначено «обеспечение свободы научной и научно-технической деятельности, правовая защита интеллектуальной собственности» [16].

В ст. 5 Закона Республики Беларусь «О государственной

инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» установлено, что государственная инновационная политика формируется и осуществляется исходя из принципов, в число которых входит принцип свободы научного и технического творчества [17].

В Законе Республики Беларусь «О научной деятельности» в перечень основных принципов государственного регулирования научной деятельности включены: сочетание государственного регулирования с творческой инициативой субъектов научной деятельности и свободой научного поиска, а также свобода выбора ими направлений такой деятельности и методов проведения научных исследований (ст. 4) [18].

Исходя из рассмотренных положений отдельных нормативных правовых актов Республики Беларусь можно заключить, что свобода научной деятельности и научного творчества в национальном законодательстве нашей страны получила свое закрепление и развитие.

Кроме того, международно признанное право человека на свободу научных исследований отражено в ряде модельных законодательных актов государств-участников СНГ, среди которых отдельно выделим следующие модельные законы: «О научной и научно-технической деятельности», «О научно-технической информации», «О статусе ученого и научного работника», «О совместных исследованиях и кооперации в разработках и производстве инновационной продукции (услуг)» и др.

Таким образом, значимость свободы научного творчества признается не только на международном, но и на национальном уровне. Свобода научного творчества получила конституционно-правовое закрепление во многих странах мира. Это позволяет говорить о том, что конституционно-правовые гарантии свободы научного творчества являются абсолютно необходимыми и выступают неперменной ценностью национального и мирового научного сообщества. В законодательстве Республики Беларусь свобода научных исследований закрепляется также в качестве одного из базисных принципов государственной политики в научной, научно-технической и инновационной сфере, что способствует прогрессивному развитию науки и социально-экономическому развитию страны в целом.

Список использованных источников

1. Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/> Творчество. – Дата доступа: 09.04.2022.
2. Грязнов, В. М. Методология научного творчества : учеб. пособие / В. М. Грязнов ; М-во образования РФ. РУДН. – М., 2000. – 64 с.
3. Кудрявцев, В. Н. Свобода научного творчества / В. Н. Кудрявцев // Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 28–36.
4. Международные договоры. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Нью-Йорк, 19 дек. 1966 г.] // сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978. – Вып. XXXII. – С. 36–44.

5. Всеобщая декларация прав человека (официальный текст). – М. : Права человека, 1996. – 16 с.

6. Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества [Принята резолюцией 3384 (XXX) Генеральной Ассамблеи, 10 нояб. 1975 г.]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml. – Дата доступа: 09.04.2022.

7. О статусе научно-исследовательских работников [Электронный ресурс] : Рекомендация ЮНЕСКО [принята в г. Париже, 20.11.1974 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

8. Шугуров, М. В. Международно признанное право человека и народов на участие в научно-технологическом прогрессе и использование его результатов: проблемы эффективного осуществления / М. В. Шугуров // Право и образование. – 2011. – № 6. – С. 92–104.

9. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. : в ред. Решения респ. референдума от 04.03.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием, 12 дек. 1993 г. / с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования, от 01.07.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

11. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf. – Дата доступа: 09.04.2022.

12. Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/moldova.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2022.

13. Конституции Республики Словения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/slovenia.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2022.

14. Конституции Республики Македония [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/macedonia.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2022.

15. Конституции Республики Хорватии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/croatia.pdf>. – Дата доступа: – 09.04.2022.

16. Об основах государственной научно-технической политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 янв. 1993 г., № 2105-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

17. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля. 2012 г., № 708-ХІІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

18. О научной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 окт. 1996 г., № 425-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Н.С. Минько

Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», кандидат юридических наук, доцент
natallia.minko@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости дальнейшего комплексного осмысления аспектов интернационализации конституционного права, развития теории интеграционного конституционализма. Обосновано, что теория конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси в рамках концепции интеграционного конституционализма позволит идентифицировать конституционные тенденции по формированию интеграционных структур, процедур и функций институциональных единиц.

Ключевые слова: конституционализм; интеграционный конституционализм; многоуровневый конституционализм; интеграционное развитие; теория конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси.

Становление и развитие конституционализма – закономерный процесс всемирной истории цивилизации, связанный с изменением миропорядка и правопорядка. Конституционализм – категория всеобъемлющая, в ней можно выделять и страноведческие аспекты, несущие в себе специфику конституционно-правового развития страны или группы стран. Утвердившийся в юридической науке подход – связывать конституционное развитие государства лишь с принятием и сменой формальных конституций будет являться ошибочным, поскольку необходимо анализировать и учитывать становление (утверждение) конституционных идей и принципов, принятие актов конституционного характера высшими органами государственной власти, а также актов межгосударственного уровня, значительным образом влияющих на государствообразующие процессы и т. п.

По мнению А.Н. Пугачева, феномен конституционализма «мыслится своего рода развитием идеи нового права» [1, с. 3], «он включает в себя элементы, далеко выходящие за рамки права». Также автор отмечает, что «при проведении сравнительного анализа различных конституционных актов и их всесторонней оценке следует руководствоваться социально-политическими, экономическими и иными критериями» [1, с. 13].

А.Н. Медушевский характеризует конституционализацию как «процесс, в целом означающий интерпретацию части международных норм по аналогии с конституционными, с приданием им соответствующей степени защиты. Однако сохраняется неопределенность, что означает понятие конституционализации и как использовать его в теории и институциональной практике. Правомерны вопросы о том, каков смысл призыва к конституционализации, что именно должно быть конституировано, как управлять этим процессом и действительно ли формируется новый правовой порядок» [2, с. 99].

Следует учитывать, что интернационализация конституционного права делает более подвижным предмет и сферы правового регулирования. Интернационализация конституционализма и конституционного права как современная тенденция, охватывающая как национальные системы конституционного права различных государств, так и право интегрирующихся сообществ (интеграционное право), показывает объективные потребности расширения предмета конституционно-правового регулирования, изменения правовых форм взаимодействия конституционного и международного права, а также происходящие трансформации в соотношении конституции и отраслевого законодательства благодаря процессам конституционализации, активного влияния судебного конституционализма и формирования представлений о конституционных задачах и целях развития государства и общества [3, с. 134].

Традиционно в истории отечественного конституционализма выделяются три укрупненных периода: 1) досоветский (до октября 1917 г.); 2) советский (с октября 1917 г. до второй половины 1980-х гг.); 3) постсоветский. Представляется, что в современных условиях интеграционных тенденций можно ставить вопрос о возникновении нового этапа конституционного развития – формировании многоуровневого конституционализма (предполагающего выстраивание иерархии норм глобального, регионального и национального правового регулирования) в неразрывном единстве и синергетическом взаимодействии конституционной идеологии, конституционной теории и конституционной практики развития государственности.

Сегодня конституционализм как доктрина не может быть не включен в интеграционные процессы, при этом конституционно-правовые институты призваны оказывать значительное содействие, придавать векторность и упорядоченность процессу интеграции. Участие в

интеграционных процессах и объединениях – суверенный акт государства на том или ином этапе его государственного развития. Такое участие должно реализовываться в рамках и масштабах, установленных его Основным Законом.

С общефилософской точки зрения по своей сущности интеграция понимается как состояние объединения отдельных дифференцированных частей и функций системы в целое, а также процесс, осуществляющий такое соединение, означая, с одной стороны, процесс, динамику, а с другой стороны, – итог, результат, статику. Она рассматривается учеными как категория теории систем, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию.

Ретроспективно интеграция представляет собой процессы движения и развития определенной системы, в ходе которых число и интенсивность взаимодействий элементов этой системы растет, усиливается их взаимная связь и уменьшается относительная самостоятельность по отношению друг к другу. Динамическая устойчивость интеграционных процессов поддерживается благодаря циклической смене состояний. При этом могут проявляться новые формы взаимодействия, т. е. формы, которых не было в системе прежде. В основе взаимодействия лежит существенная необходимая связь. Здесь количественные изменения могут переходить в качественные, поскольку качественно изменяется состояние самой системы. В таких условиях целесообразно говорить о процессах интеграционного развития посредством осмысления понятий сложных, больших, самоорганизующихся, функциональных систем, синергизма явлений и др.

Всемирная экономическая интеграция, порожденная процессами транснационализации и глобализации (глобальная), обуславливает процессы традиционной региональной интеграции. Институциональный тип интеграции или интеграция государств предполагает взаимопроникновение, сращивание национальных воспроизводственных процессов, в результате чего сближаются социальные, политические, институциональные структуры объединяющихся государств.

В связи с указанным последовательность и структура интеграционного процесса (согласно теории неофункционализма) предполагает создание системы мощных центральных институтов и постепенную передачу государствами-участниками принадлежащего им суверенитета [4, с. 13].

Основные признаки интеграции, составляющие ее внутренние содержательные основы, как правило, предусматривают сознательную добровольную кооперацию, тесное сотрудничество, которая основана на согласовании цели, действий, экономическом интересе участников, на осознании ими либо необходимости, либо выгоды объединения. При этом важнейшим аспектом интеграции является управление. Главное в

интеграции – это внутренние механизмы и резервы саморазвития и эволюции экономических и иных институтов [4, с. 14].

Как утверждает О.Н. Мисько, «итоги интеграционных процессов выражаются в понятии интегрированности системы, для выражения которой иногда употребляются такие термины, как организованность, структурность, связанность и пр. Каждый из них подчеркивает определенные стороны системного состояния интегрированности. Процессы интеграции и дезинтеграции изменяют состояние системы, а значит, и состояние ее элементов. Интеграцию и дезинтеграцию можно понимать как формы проявления притяжения и отталкивания. Диалектика двух последних проявляется и в других формах, которые обладают отличительными свойствами, но вместе с тем тесно связаны с интеграцией и дезинтеграцией. Процессы адаптации, согласно этому критерию, могут привести и к ассимиляции, и к интеграции» [4, с. 16].

Установлено, что все интеграционные объединения для достижения интеграционной цели, как правило, формируют стратегию интеграционного сотрудничества (модель реализации интеграционного потенциала) [5, с. 2]. При этом интеграционный потенциал рассматривается как совокупность природных, производственных, трудовых, финансовых, интеллектуальных и т.д. ресурсов стран-участниц интеграционного объединения, совместное взаимовыгодное использование которых даст интеграционный эффект, выражающийся в дополнительных экономических выгодах и преимуществах для интегрирующихся стран, достижение которых невозможно (или менее эффективно) без интеграционного взаимодействия [5, с. 8].

Следует учитывать, что теория этапов интеграционного взаимодействия отражает только одну сторону интеграционного сотрудничества стран – степень либерализации и гармонизации законодательства, причем обеспечение определенной степени либерализации и гармонизации законодательства – это средство для достижения целей интеграционного сотрудничества [5, с. 3].

Возможности государств-наций контролировать свою судьбу и влиять решающим образом на мировое развитие стремительно уменьшаются, отдавая первенство межгосударственным интеграционным образованиям и складывающимся союзным государствам [6].

С учетом указанного в формировании доктрины и практики интеграционного конституционализма в целях дальнейшего развития функциональных и структурных правовых основ отечественного конституционализма с учетом учета вызовов и угроз интеграционных процессов видится целесообразной и актуальной разработка теории конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси (как системы знаний, описывающих и объясняющих определенную совокупность государствообразующих интеграционных

явлений Беларуси, дающую обоснование ряда выдвинутых положений и сводящую установленные в данной области законы к единому основанию):

1) с формулировкой предпосылок и обоснованием этапов конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси (их эволюции);

2) выработкой специфических дефиниций и юридических конструкций (понятийного аппарата);

3) определением круга субъектов и объектов – институциональных единиц и институциональной структуры конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси, а также возникающих в рамках данной структуры правоотношений;

4) разработкой методологии комплексной конституционно-правовой оценки евразийского интеграционного развития Беларуси, включающей систему принципов, совокупность критериев и индикаторов конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси;

5) выработкой методологического подхода к обоснованию направлений конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси;

б) формулировкой рекомендаций, реализация которых будет способствовать устойчивому комплексному конституционно-правовому евразийскому интеграционному развитию Беларуси.

Задачей государств является минимизация негативных последствий интеграционных процессов (например, неравномерное развитие регионов, издержки в социальной сфере) для того, чтобы положительные эффекты интеграции распределялись между странами по возможности равномерно. Поэтому наряду с рыночным механизмом управления интеграцией, важны скоординированные целенаправленные усилия национальных правительств и наднациональных интеграционных институтов в рамках интеграционных союзов. В связи с этим встает вопрос об особенностях правовых систем интеграционных образований, наличии у них организационного единства и консолидированного суверенитета. Участники интеграции могут быть объединены не исключительно общностью территории, а единой культурой, духовными ценностями (идеологией), экономическими интересами, обычаями, традициями и иными нормами. Таким образом, вопросы интеграционного развития неизбежно носят комплексный, междисциплинарный характер. В деятельности интеграционных союзов их участники используют достаточно разнообразные модели реализации своих интересов и стратегий, что обусловлено особенностями развития государства, историческими, экономическими предпосылками, имеющимися конкурентными преимуществами, а также конкретными целями, определенными в рамках участия в интеграционном образовании. Цели интеграционного развития в значительной мере обуславливают степень и

направления совершенствования права и законодательства с учетом его адаптивности (адаптационного потенциала).

Интеграционный конституционализм предполагает пересмотр традиционной версии конституционализма национальных государств. Кроме того, интеграционный конституционализм за пределами государственного суверенитета актуализирует возможности конвергенции правовых систем. Можно постулировать, что теория конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси в рамках концепции интеграционного конституционализма позволит идентифицировать конституционные тенденции по формированию интеграционных структур, процедур и функций институциональных единиц.

Список использованных источников

1. Пугачев, А. Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма: монография / А. Н. Пугачев. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 318 с.
2. Медушевский, А. Н. Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? / А. Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. – № 3. – 2020. – С. 96–115.
3. Кравец, И. А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации / И. А. Кравец. – Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96) ноябрь. – С. 131–147.
4. Мисько, О. Н. Международная экономическая интеграция / О. Н. Мисько. – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – 174 с.
5. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира. Евразийская Экономическая Комиссия. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7f/Analiz-integratsionnykh-obedineniy.pdf>. – Дата доступа: 20.03.2022.
6. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик [и др.]. – СПб., 2019. – С. 305–310.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ – КЛЮЧЕВОЙ ВЫЗОВ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Т. В. Наумович

заместитель начальника Центра образовательных инноваций юридического факультета Белорусского государственного университета, старший преподаватель
t_naumovich@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы устойчивого развития Республики Беларусь и демографическая ситуация как один из важнейших факторов устойчивого развития. Анализируются намеченные способы достижения ключевых целей деятельности Правительства Республики Беларусь, таких как создание условий, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие, рост благосостояния и уровня жизни населения.

Ключевые слова: устойчивое развитие; социальный компонент; благосостояние; институт семьи; семья; родительство; рождаемость; демография.

Для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) нужно в полной мере реализовать потенциал государства, общества и отдельно каждого человека. По мнению многих экспертов, достижение ЦУР возможно в том случае, когда объединяют свои усилия правительство, законодатели, гражданское общество, бизнес-сообщество.

Следует отметить, что одной из 17 ЦУР на период до 2030 года на Саммите ООН по устойчивому развитию (Нью-Йорк, 2015 год) провозглашено обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

В мировом рейтинге достижения 17 Целей устойчивого развития Республика Беларусь вышла на 18-ю позицию среди 166 стран мира.[1]

Учитывая прогресс, достигнутый в реализации Целей устойчивого развития Повестки дня ООН-2030 (далее – ЦУР), дальнейшее развитие Беларуси потребует построения экономики и общества, основанных на макроэкономической стабильности и эффективном экономическом управлении, инновациях, эффективном использовании природных ресурсов, продовольственной безопасности, способности использовать выгодное географическое расположение страны и климат, надлежащем государственном управлении, обеспечении непрерывных инвестиций в развитие человеческого капитала и доступе к высококачественному образованию, здравоохранению и услугам социальной защиты.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года (НСУР-2035) (Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3) – это долгосрочная стратегия, определяющая цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. Она призвана устранить имеющиеся дисбалансы и создать прочный фундамент для дальнейшего устойчивого развития на основе модернизации системы экономических отношений и эффективного

управления на всех уровнях с целью обеспечения равновесия между социальным, экономическим и экологобезопасным развитием страны.[2]

Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) – это документ, определяющий направления стабильного развития трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов:

человека как личности и генератора новых идей –

конкурентоспособной экономики –

качества окружающей среды в условиях внутренних и внешних угроз и вызовов долгосрочного развития.

Трансформация перспективной модели национальной экономики будет направлена на переход от преимущественно административного к индикативному механизму планирования, достижение равного вклада государственной и частной собственности в создание валового внутреннего продукта страны, внедрение принципов «зеленой экономики» в производство, формирование высокотехнологичного сектора и опережающее развитие сферы услуг, предоставление максимальных возможностей для реализации личностного потенциала человека.

Достигнутый прогресс на пути к устойчивому развитию в контексте трех его компонентов предопределяет стартовые позиции реализации стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г.

Социальный компонент

Беларусь вышла на 50 позицию в рейтинге 189 государств по индексу человеческого развития и входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития. При этом ожидаемая продолжительность жизни – наиболее значимая составляющая индекса человеческого развития – возросла с 70,4 в 2010 г. до 74,5 лет в 2018 г. По индексу уровня образования республика сопоставима с развитыми странами Европы.

Коэффициент материнской смертности колеблется в пределах одного-двух случаев на 100 тысяч детей, рожденных живыми.

Вместе с тем в последние два года наметились тенденции снижения общего уровня рождаемости: после устойчивого роста с 11,4 в 2010 г. до 12,5 промилле, в 2015 г. он уменьшился до 9,9 промилле в 2018 г.

В настоящее время численность населения страны составляет 9,5 млн. человек.

Однако усиливающийся процесс старения населения и ухудшение динамики воспроизводства, высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте, наблюдаемый отток молодежи из страны и ряд других факторов свидетельствуют, что отмеченные демографические проблемы представляют ключевой вызов для устойчивого развития страны.

Согласно Закону Республики Беларусь от 5 мая 1998 года «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь», НСУР выступает системообразующим документом для разработки прогнозов и программ

социально-экономического развития страны на средне- и краткосрочную перспективы.

На Конференции ООН по устойчивому развитию (г. Рио-де-Жанейро, 2012 год) отмечен достигнутый прогресс на пути к устойчивому развитию. Вместе с тем требуются совместные усилия международного сообщества для противостояния новым возникающим вызовам. Мир быстро движется вперед и общемировые проблемы, такие как старение населения, истощение природных ресурсов, экологические угрозы, национальные конфликты, порождают риск замедления прогресса в устойчивом развитии и обеспечении достойных условий жизни человека. Для того, чтобы выйти на траекторию устойчивого развития, каждой стране необходимо ориентироваться на общесистемные принципы, реализовать определенные императивы и соблюдать критерии, обеспечивающие гармоничное развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды в их взаимодействии.

Воспроизводство населения и укрепление института семьи

Главной составляющей устойчивого социально-экономического развития страны является улучшение режима воспроизводства населения, определяющего возобновление и качество человеческого капитала. Стратегической целью демографического развития является создание условий для стабилизации на уровне 9,4-9,5 млн. чел. и последующего роста численности населения, увеличение продолжительности его здоровой жизни. В качестве основного критерия устойчивости демографического развития выступает приближение ожидаемой продолжительности жизни населения к уровню развитых европейских государств, где она увеличивается в среднем на 2-3 года каждые десять лет. Главной проблемой остается нарастающий процесс старения населения и, как следствие, увеличение демографической нагрузки (с 727 на начало 2016 года до 907 в 2030 году).

Достижение поставленных целей предусматривает:

- стимулирование рождаемости и развитие потенциала семьи;
- сокращение уровня смертности, прежде всего, в трудоспособном возрасте и увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 77,0 лет;
- оптимизацию внутренних и внешних миграционных процессов и стимулирование притока в страну высококвалифицированных кадров.

В среднесрочной перспективе (2016-2020 годы) основной целью является стабилизация численности населения республики и увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Приоритетными направлениями в области стимулирования рождаемости станут:

- развитие и укрепление семейных ценностей, повышение престижа родительского труда по воспитанию нескольких детей;
- создание дружественных семье условий для сочетания трудовой деятельности с семейными обязанностями;

□ совершенствование форм социальной защиты семей с детьми в направлении усиления ее адресности.[2]

В целях усиления экономической поддержки семей с детьми предусматривается:

□ совершенствование системы государственных пособий семьям, воспитывающим детей;

□ реализация программы экономической поддержки семьи при рождении, усыновлении (удочерении) третьего и последующих детей – «семейного капитала»;

□ усиление государственной поддержки семей с двумя и более детьми при строительстве жилья;

□ предоставление «семейного абонеента» на посещение культурно-зрелищных, спортивно-оздоровительных мероприятий.

В целях создания благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности родителей с выполнением семейных обязанностей предусматривается: разработка программ переобучения и повышения квалификации лиц, имеющих двух и более детей и выходящих (или вновь устраивающихся) на работу после перерыва в трудовой деятельности, связанного с нахождением в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет; создание банка вакансий гибких форм занятости для лиц, длительное время не работавших в связи с уходом за ребенком; развитие новых форм предоставления услуг по уходу и воспитанию детей в зависимости от их возраста (няни, сиделки, домашние ясельные группы и т.д.). Важными являются задачи укрепления института семьи, возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений путем повышения престижа родительства, значимости стабильного зарегистрированного брака и семьи с двумя и более детьми.

Укрепление здоровья и снижение смертности населения предполагает: □ переориентацию медицинской помощи на здоровье здорового человека;

□ формирование у населения самосохранительного поведения, предотвращение смертности от внешних причин;

□ пропаганду здорового образа жизни.

Регулирование внешних миграционных процессов предусматривает: содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в республику; использование механизма, основанного на избирательном подходе к привлечению иммигрантов, с учетом их профессионально-квалификационного уровня; организацию рационального расселения иммигрантов исходя из потребностей развития регионов; разработку мер по адаптации и интеграции иммигрантов в белорусское общество.

В 2021-2030 годах демографическая политика будет нацелена на создание условий для роста численности населения страны и рождение желаемого числа детей, долгой и здоровой жизни, свободного выбора

места жительства. В этот период предстоит осуществить переход от мало-к среднедетной семье. Жизненной нормой должна стать полноценная семья с тремя детьми. Активная пропаганда здорового образа жизни, широкое информирование населения о факторах риска, угрожающих здоровью, позволит снизить смертность населения. Будет преодолена негативная тенденция высокой смертности граждан трудоспособного возраста.

Список использованных источников

1. О человеческом развитии «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости» [Электронный ресурс]: Доклад ООН за 2014 год // - Режим доступа: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>. – Дата доступа: 15.03.22г.
2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]: Сайт Министерства экономики Республики Беларусь // - Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf> – Дата доступа: 15.03.22г.

СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Е.И. Орловская

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
Mr.rubis@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления судебной системы в Великом княжестве Литовском в XVI в. на основе Статутов 1529 и 1566 гг.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Статут 1529 г.; Статут 1566 г.; суд; судебная система; шляхта; сойм.

Система судебных органов Великого княжества Литовского складывалась постепенно, но в завершённом виде сформировалась в XVI в. С образованием Великого княжества Литовского вопросы развития писаного права, а также судебной защиты стали приобретать большое значение. Великий князь Сигизмунд в 1522 г. издал специальный указ о введении в действие письменного кодекса законов. Однако, на заседании сейма был принят не весь проект представленного Статута. Текст Статута дорабатывался и только в 1528–1529 гг. был окончательно принят на Виленском сейме [1, с. 180].

Статут 1529 г. стал писанным кодексом права Великого княжества Литовского. Анализ его положений позволяет сделать вывод, что уже в тот

период придавалось огромное значение судебной защите, рассмотрению дел судом на основании закона. Вместе с тем в нем еще не было четкого разделения судебной и исполнительной власти, хотя судебной власти придавалось большое значение.

До издания Статута 1529 года в Великом княжестве Литовском не существовало инстанционного порядка рассмотрения дел, каждый шляхтич мог обращаться непосредственно в великокняжеский суд. Дела в нём рассматривали великий князь и паны-рада. Статутами и постановлениями сеймов 1542 и 1551 годов великокняжеский суд был определён высшей инстанцией. По первой инстанции он рассматривал дела по обвинению в заговоре и государственной измене, о преступлениях и злоупотреблениях должностных лиц, о самовольном захвате государственных имений, земель и прибылей, дела о принадлежности к шляхетскому сословию. Как апелляционная инстанция он рассматривал жалобы на постановления замковых, земских, подкоморских и войтовских судов.

Создатели Статута 1529 г решали несколько основных задач: создание системы правовых норм в зависимости от их содержания и значимости, а также была сделана важная попытка создания единой системы права с преобладанием норм писаного права. В Статуте провозглашалось правило, по которому все жители государства, как “убогія, так і багатія” должны были судиться по статутным нормам. Таким образом упорядочивалось судопроизводство, судьи постепенно перестают ориентироваться на нормы обычного права и все чаще, хотя и в самом общем виде, начинают ссылаться на нормы Статута. В постановлениях судов говорилось, что решения выносятся “водлуг обычая права и Статута земского”, а в сложных случаях при отсутствии правовых норм судьи обращались “за наукай да гаспадара або часам і да мясцовай улады” (в основном к Виленскому и Трокскому воеводам) [2, ст.20,21].

Существенные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в середине XVI в., вызвали необходимость внесения изменений в законодательство. В 1551 г. создается комиссия для подготовки проекта нового Статута. К 1561 г. проект был подготовлен и внесен на обсуждение. На Бельском сейме 1564 г. проект Статута был одобрен, и предполагалось ввести его в действие с 11 ноября 1564 г. Однако лишь в марте 1566 г. он был введен в действие с приложениями к нему общеземских привилеев 1563, 1564, 1565 гг.

В состав статутной комиссии входили известные представители шляхты, знатоки права и судебной системы, “дактакры праў чужаземскіх”: Павел Астравіцкі, Марцін Валадковіч, Станіслаў Нажускі, Аўгусцін Ратондус, Петр Раізій і др.. Большое внимание при подготовке Статута обращалось на вопросы реформирования судебной системы. Представители шляхты постоянно выступали с просьбами и требованиями к Великому князю, панам-рада, сойму. Так, на Берестейском сейме 1544 г. шляхта требовала, чтобы в каждом повете были избранные шляхтой судьи

и писарь, с которыми бы воеводы, старосты, должностные лица могли судить каждого князя, пана и священника в своем повете [3, с.9].

На вальном сейме 1551 г. шляхта требовала, чтобы паны-рада обращались с уважением к шляхте в судах и других местах, чтобы они не судили своих шляхтичей по делам, которые касаются только шляхетской чести [4, с. 27].

Именно Статут 1566 г. стал тем водоразделом, который разделил право Великого княжества Литовского на период средневекового партикуляризма и период нового систематизированного законодательства.

Следует отметить, что положения данного Статута стали новым шагом в развитии и совершенствовании отношений, которые складывались между государством и гражданами при разрешении различного рода конфликтов.

В нормах Статута проявилась тенденция разделения исполнительной и судебной власти, об этом говорилось на Бельском сейме 1564 г. Была сделана попытка регламентировать деятельность подкоморских и земских судов, которые отделялись от администрации и впервые становились выборными. Шляхта на поветовых сеймиках избирала судей, который должны были отвечать ряду требований («особ годных, богобойных, цнотливых прав и звычаев оного панства Великого княжества Литовского», т.е. людей добропорядочных, знающих права и обычаи).

Статут определял порядок занятия должностей судьями земского суда, была закреплена присяга судей, которую они должны были приносить на первой судебной сессии при вступлении в должность судьи. В ней говорилось, что судьи должны действовать только в рамках закона, судить честно и справедливо, не бояться мести и угроз, не обращать внимания на титулы, должности, богатство тех или иных лиц, “посулы і дары” и др. Судебный писарь, который являлся членом земского суда, приносил особую присягу, в которой давал обязательство добросовестно записывать показания сторон и иных участников судебного процесса, ничего не дополняя и не исключая.

В разделе четвертом Статута подробно говорится о гарантиях независимости судей. Так, например, запрещалось избирать в земские суды представителей духовенства и должностных лиц местной администрации, запрещалось входить в зал судебного заседания лицам, имеющим оружие (за исключением холодного оружия, которое было у каждого шляхтича) (разд. 4, ст.38).

Статутом 1566 г. было закреплено право на защиту в судебном процессе с помощью адвоката. Особо подчеркивалось, что каждый может потребовать от суда назначить адвоката, а бедным, сиротам и вдовам адвокаты назначались бесплатно (разд. 4, ст. 33).

Таким образом, прогрессивными чертами новой судебной системы были: всесословность некоторых судов (Главный суд, замковый суд), отделение судов от администрации (земский, подкоморский суды),

выборность большинства членов судов (Главного, земского, подкоморского, магистратского), особые требования морального и профессионального характера к кандидатам на должности судей, разделение судов на инстанции, преобладание коллегиальности при рассмотрении дел, публичность рассмотрения дел.

Список использованных источников

1. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад рэд. А. Ф. Вішнеўскага. – Мінск: Акадэмія МУС, 1998. – 311 с.
2. Метрика Великого Княжества Литовского. Книга 6 (1528-1547). - Вильнюс: Lietuvos istorijos institutas, 1995. - 170 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Том третий. 1544-1587. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. - 444 с.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. 1506-1544. - СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. - 363 с.

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

И. А. Поздеев

Белорусский государственный университет
Pozdeev.law@yandex.by

Аннотация. В настоящее время, в эпоху кризиса, по всем явным тенденциям формирующегося сегодня в мире, отдельный вопрос стоит уделить защите прав граждан и их достойному уровню жизни, в том числе посредством регулирования процедуры несостоятельности физического лица.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность физических лиц, банкротство граждан, кредитор, должник.

15 марта 2022 года в Республике Беларусь вступила в силу обновленная Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция). Как и ранее, ст. 21 Конституции декларирует, что каждый гражданин имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий [1].

В свою очередь новеллы внесенные обновленной Конституцией расширяющие полномочия Конституционного суда и судебной системы в

целом, что может благоприятно содействовать имплементации в законодательную систему Республики Беларусь механизма несостоятельности (неплатежеспособности) физических лиц (далее – несостоятельность).

Эффективный и хорошо разработанный режим несостоятельности физических лиц решает ряд важнейших вопросов. В частности содействует достойному уровню жизни гражданина и его месту в обществе. В мировой практике существует множество областей права, в которых общий режим несостоятельности обеспечивает подходящее решение проблем личной несостоятельности. Однако проблемы, возникающие в связи с особенностями банкротства физических лиц, требуют рассмотрения различных подходов к общей структуре режима несостоятельности, его институциональной структуре, применению официальной несостоятельности, участию кредиторов, решению проблем несостоятельности и погашению задолженности.

С целью выявления действующего состояния банкротства в Республике Беларусь следует проанализировать действующее законодательство на предмет его соответствия Конституции, а также обратиться к практике несостоятельности физических лиц на предмет тождественных норм и возможности имплементации несостоятельности в нашу правовую систему.

Основополагающие правовые вопросы законодательства о несостоятельности касаются прав и обязанностей кредиторов и должников как в отношении должников и их кредиторов, так и среди кредиторов в целом. Это права и обязанности, которые во всех системах в конечном счете рассматриваются и исполняются судами. Обращение в суды защищено документами по правам человека, которые подтверждают право на доступ к судам при определении гражданских прав и обязанностей человека. Кроме того, в большинстве документов по правам человека право на собственность признается в качестве основополагающего права, даже несмотря на то, что при осуществлении этого права необходимо учитывать уважение прав других людей и общества. Традиционно считалось, что регулированию ситуаций несостоятельности не препятствуют требования конституционных прав, и сегодня эта доктрина подтверждается некоторыми органами по правам человека — при условии, что законодательство о несостоятельности не посягает на имущественные права кредиторов больше, чем это необходимо. Необходимо иметь в виду, что законодательство о несостоятельности редко лишает кредиторов каких-либо существенных требований, которые они могли бы реализовать вне рамок официальной процедуры несостоятельности, учитывая, что право на принудительное исполнение требования в отношении безнадежно

неплатежеспособного должника имеет мало или вообще не имеет практической ценности. Вместе с тем право на имущество может оказывать особое воздействие на регулирование прав обеспеченных кредиторов в соответствии с законодательством о несостоятельности физических лиц [2].

В дополнение к имущественным правам, право на труд и справедливое вознаграждение и другие социальные права также рассматриваются в законодательстве о несостоятельности физических лиц. Даже если социальные права не признаются в качестве прав, подлежащих исполнению во всех частях мира, они должны иметь место при разработке правовых рамок.

Кроме того, во всех документах по правам человека признается право на справедливое судебное разбирательство. Содержание этого права подробно регулируется национальными законами. Одним из важных аспектов этого права является право быть услышанным в вопросах, касающихся чьих-либо прав. Даже если право быть заслушанным может регулироваться в рамках процедуры несостоятельности в формах, отличающихся от обычной гражданской процедуры, важно подчеркнуть, что документы по правам человека не допускают ограничений права на справедливое судебное разбирательство.

Традиционное обязательственное право, а также конституционные доктрины и доктрины в области прав человека привели к тому, что режимы несостоятельности в определенной степени затрагивают суды. Однако существуют несколько различные мнения о том, насколько необходимо участие суда. Помимо соображений, касающихся гражданских прав и прав человека, при рассмотрении вопроса об участии суда имеет значение ряд вопросов, связанных с несостоятельностью [2].

В значительном числе стран производство по делу о несостоятельности физических лиц было введено только с 1990 года, например в Европе и США, и поэтому в них отсутствует давняя традиция решения проблем, связанных с этим конкретным видом производства. Это отсутствие традиций привело к инновационным процедурным решениям, которые варьируются от страны к стране. Некоторые страны подчеркивают социальные и административные аспекты, в то время как другие подчеркивают права сторон, что приводит к различным процедурным конструкциям. Один из ключевых вопросов заключается в том, должен ли системный фактор законодательства о несостоятельности физических лиц содержаться либо в конкретном законе, либо в общем законодательстве о несостоятельности [2].

С 2015 года данный институт присутствует и в России, внесен изменениями в закон о несостоятельности (банкротстве) 26.10.2002 №127-

ФЗ. В Казахстане в феврале 2022 года приступили к обсуждению проекта закона о банкротстве [3].

Законодательство о несостоятельности физических лиц имеет много общего с общим законодательством о несостоятельности, разработанным в первую очередь для коммерческих должников, но первые отличаются более выраженной заинтересованностью в реабилитации должника и в социальном благе. В зависимости от правовой культуры и традиций соответствующих стран подчеркивается либо систематическое сходство, либо различия между неплатежеспособностью в бизнесе и личной неплатежеспособностью. Эти различные подходы в некоторой степени отражены в выборе включения законов о несостоятельности физических лиц либо в общее законодательство о несостоятельности (предпринимательское) (Кодекс о банкротстве или несостоятельности), либо в отдельный закон.

В свою очередь данные положения отразились в Конституции, следует обратить внимание на ст. 22 Конституции декларирующую равные права на защиту. Статью 44, декларирующую право на собственность, не допускающую отчуждение имущества без мотивированной общественной необходимости или законного решения, в определенных случаях.

Исторически несостоятельность физических лиц развивалась как часть общего законодательства о несостоятельности, главным образом в нескольких англо-американских системах. Поскольку должникам предоставлялась помощь в этих системах, некоторые положения, специально разработанные для физических лиц, были разработаны в рамках более широкого законодательства о несостоятельности. До сих пор многие страны включили процедуры несостоятельности физических лиц в свои общие кодексы и законы о несостоятельности. Даже если несостоятельность физических лиц включена в кодекс о несостоятельности, обычно это краткое и довольно простое судебное разбирательство, отличное от более сложных процедур, применяемых в коммерческих делах.

Несколько стран, которые приняли законы о несостоятельности физических лиц в течение последних двух десятилетий, создали для этого отдельный закон. Эти законы часто не называются законами о несостоятельности, а тем более законами о банкротстве. Скорее, названия этих законов относятся к перераспределению или урегулированию долгов. Многие страны используют производное от слова «санация» («реабилитация»), проводя параллель между индивидуальной несостоятельностью и реорганизацией бизнеса.

В свою очередь, обращаясь к действующему Закону «Об исполнительном производстве» от 24.10.2016 № 439-З, применительно к

гражданам существует специальный перечень имущества граждан, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. Данный перечень включает в себя в том числе недвижимое имущество, являющееся для гражданина единственным [4].

Следует отметить, что Конституция дает субъектам всем форм собственности равные права и обязанности, однако гражданин в случае его неплатежеспособности является более защищенным, поскольку Конституция является основополагающим документом гарантирующим права гражданина. [1]

Вопрос необходимости внедрения института банкротства физических лиц в Беларуси обсуждается уже 10 лет. Так, в 2012 году председатель Высшего хозяйственного суда Виктор Сергеевич Каменков заявил о разработке проекта нового закона, который бы предоставил гражданам возможность заявлять о своей неплатежеспособности.

В свою очередь, в принятом в 2012 году законе «об экономической несостоятельности (банкротстве)», возможности заявления несостоятельности физическим лицам предоставлено не было.

И несмотря на существующий потенциал правовой базы, институт несостоятельности физических лиц в Республике Беларусь отсутствует. На сегодня в Беларуси банкротами могут признать юридическое лицо или индивидуального предпринимателя. И даже учредители или собственники компании не могут стать таковыми. Их могут привлечь к субсидиарной ответственности, как и руководителей компаний, главных бухгалтеров, но только при наличии доказательств их виновных и сознательных действий, которые повлекли банкротство. В настоящее время субсидиарная ответственность явление редкое, для которого необходимо собрать обширную доказательную базу [5].

Обобщая изложенное, можно говорить о потенциальной возможности введения в Республике Беларусь возможности признания физического лица несостоятельным, в тоже время Республика Беларусь, учитывая существующую базу может пойти несколькими путям:

К первому пути следует отнести путь Российской Федерации, внося изменения в Закон «об экономической несостоятельности (банкротстве)», таким образом закрепив возможность граждан обращаться в суды с целью защиты своих прав, а государству реализовывать свои полномочия гаранта.

Ко второму пути следует отнести путь Англии, Франции, Германии, где существует эффективная система распределения активов и защиты кредитного обращения, а также реализован механизм реструктуризации долгов для защиты как кредитора, так и должника [6]. Тем не менее данный путь характерен для капиталистической модели общества, в полной мере не позволяющей защитить все социальные и экономические права граждан, которые гарантированы как Всеобщей декларацией прав

человека, так и Конституциями, тождественными актами, перечисленных государств.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 64 с.
2. Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons [Electronic resource] // Eur-lex. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/17606> License: CC BY 3.0 IGO..PDF. – Date of access: 03.04.2022.
3. О внесении изменений в Федеральный закон « О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Фед. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : с изм. и доп. : в ред. Фед. Закона РФ от 02.07.2021 г. // КонсультантПлюс. РФ / Правовой Сервер КонсультантПлюс, Электронное периодическое издание. – РФ, 2022.
4. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Республики Беларусь от 06.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022.
5. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Республики Беларусь от 15.11.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022.
6. Каменков, В.С. Понятие законодательства о банкротстве, его основные термины, цели и задачи. / В. С. Каменков // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. - 2009. - № 11

НОВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. Г. Полешук

Белорусский государственный университет, доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук
dmpklaw@gmail.com

Аннотация. Отражением развития общественных отношений в информационной сфере выступают новые конституционные нормы, устанавливающие гарантии защиты

персональных данных в Республике Беларусь. В публикации раскрывается содержание создаваемых государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании на современном этапе, рассматриваются перспективы работы по данному направлению в контексте последних конституционных изменений.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; персональные данные; законодательство; уполномоченный орган.

Конституция Республики Беларусь в статье 28 закрепляет важнейшее конституционное право – право каждого на защиту

от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе

от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Указанное конституционное право в широком смысле направлено и на обеспечение защиты персональных данных граждан от произвольного, незаконного обращения с ними.

В то же время изменениями и дополнениями Конституции Республики Беларусь, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., с 15 марта текущего года указанной статьей дополнительно устанавливается, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании.

В настоящее время круг использования персональных данных как любой информации, относящейся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано, не всегда тождественной информации о частной жизни [1], достаточно широк и охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека.

Новое конституционное положение стало отражением процессов становления информационного общества и осознания того, что персональная информация нуждается в дополнительной защите со стороны государства.

Кроме того, целесообразно подчеркнуть и такую характеристику сложившейся ситуации, как непонимание ценности и значения персональных данных самими гражданами, которые все чаще делают доступной личную информацию в сети Интернет, не учитывая потенциальные риски.

В комплексе указанных предпосылок определение правовых рамок работы с персональными данными становится насущной необходимостью, диктуемой самой жизнью, хотя и создающей в отдельных случаях сложности для работы организаций в условиях переходного периода становления нового законодательства и практики его применения.

В этой связи возникают закономерные вопросы, каким образом реализуются соответствующие конституционные гарантии защиты персональных данных на современном этапе развития белорусского государства и каковы перспективы их дальнейшей реализации?

Отмечая складывающиеся условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании, следует выделить два основных направления проведенной в государстве работы:

- 1) формирование нового для республики законодательства о персональных данных и норм об ответственности за его нарушение;
- 2) создание независимого уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных и реализация возложенных на него задач и функций.

В Республике Беларусь долгое время отсутствовал комплексный нормативный правовой акт по вопросу порядка обращения с персональными данными, создавая правовую неопределенность и многочисленные затруднения на практике, особенно в IT-сфере. При этом законы о персональных данных приняты во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, Казахстан, Грузию, Молдову, Польшу, Украину, Финляндию, Эстонию и другие.

На сегодняшний день ситуация изменилась и правовое регулирование защиты персональных данных в Республике Беларусь включает два законодательных акта – комплексный Закон от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», Указ Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» (им утверждено Положение о Национальном центре защиты персональных данных), основные положения которых вступили в силу 15 ноября 2021 г., а также принятые в их развитие приказы Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и директора Национального центра защиты персональных данных.

Закон № 99-З впервые определил понятийный аппарат в сфере обращения с персональными данными, сферу действия законодательства о персональных данных, общие принципы их обработки с учетом международных подходов, требования к согласию субъекта персональных данных и возможность получения его не только в письменной, но и в электронной форме, порядок трансграничной передачи персональных данных, права субъектов персональных данных и механизм их реализации, обязанности операторов (уполномоченных лиц), меры по обеспечению защиты персональных данных, правовой статус независимого уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных и гражданско-правовую ответственность в виде возмещения морального вреда, причиненного субъекту персональных данных вследствие нарушения его прав.

В целях предупреждения незаконных действий с персональными данными и связанных с ними негативных социальных последствий в Республике Беларусь также введена дисциплинарная (п. 10 ч. 1 ст. 47 Трудового кодекса), административная (ст. 23.7 Кодекса Республики

Беларусь об административных правонарушениях) и уголовная (ст. 2031 и 2032 Уголовного кодекса) ответственность за их совершение с учетом характера и степени причиненного вреда.

Основная идея формирования законодательства о персональных данных заключается не в ограничении обработки персональных данных и доступа к ним, а в обеспечении законного и прозрачного характера каких-либо действий с персональными данными, опосредованного наделением граждан определенными правами в этой сфере с учетом расширения использования информационных технологий (права на отзыв согласия, на получение информации, касающейся обработки персональных данных, требовать прекращения обработки персональных данных и (или) их удаления или блокирования («право быть забытым») и др.).

Однако следует отметить, что эффективную практику применения новых норм следует еще сформировать. Так, оценивая право на забвение (право быть забытым) Э.В. Талапина указывает на явный конфликт требований по защите персональных данных и фактической невозможности их соблюдения при попадании таких сведений в Интернет [2], а В.Д. Ипатов и Н.А. Саванович обращают внимание на проблему защиты персональных данных при использовании технологии блокчейн [3, с. 64–65].

Одним из сложных для нашей правовой системы практических вопросов выступает отнесение определенной информации к персональным данным в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств (например, фамилия, номер паспорта), а также формирование у граждан и специалистов, связанных с обработкой персональных данных, верного представления о том, что персональные данные не имеют под собой закрытый перечень и не связаны только с регистром населения в смысле Закона от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения».

Заметим, что в базовом для информационной сферы Законе от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» в ст. 18 все еще сохраняется указание на необходимость получения исключительно письменного согласия физического на действия с персональными данными и информацией о частной жизни, если иное не установлено законодательными актами. Полагаем, это не должно никого вводить в заблуждение, поскольку в отношении персональных данных уже есть специальный закон (при этом установление особенностей правового регулирования информационных отношений, связанных с персональными данными прямо допускается ч. 2 ст. 2 Закона «Об информации, информатизации и защите информации»), а информация о частной жизни выступает самостоятельной категорией информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. В этой связи, полагаем, имеется необходимость пересмотра неактуальных норм с учетом положений нового законодательства.

Также, вопреки имеющему место в обществе стереотипу, важно обратить внимание, что согласие на обработку персональных данных не является единственным правовым основанием совершения каких-либо действий с ними. В частности, одними из востребованных на практике оснований обработки персональных данных без необходимости получения согласия физического лица усматриваются получение персональных данных оператором на основании договора, заключенного (заключаемого) с субъектом персональных данных, в целях совершения действий, установленных этим договором (абз. 15 ст. 6 Закона № 99-3) и случаи, когда обработка персональных данных является необходимой для выполнения обязанностей (полномочий), предусмотренных законодательными актами (абз. 20 ст. 6 и абз. 16 п. 2 ст. 8 Закона № 99-3, например, при запросе и предоставлении служебной характеристики). Вместе с тем и при получении согласия физического лица, и при обработке персональных данных без такого согласия не исключается действие общих требований к обработке персональных данных, предусмотренных ст. 4 Закона № 99-3 (конкретность и обоснованность целей обработки персональных данных, исключение избыточной обработки и др.).

Существенную роль в правильном применении законодательства о персональных данных и его последующем совершенствовании призван сыграть независимый уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, – Национальный центр защиты персональных данных, образованный 15 ноября 2021 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422.

Создание специального органа, отвечающего за обеспечение соблюдения требований законодательства в сфере работы с персональными данными, является одной из наиболее важных мер по защите персональных данных в государстве. Такие органы, действующие с учетом принципов независимости и беспристрастности на основании обновленной редакции Конвенции Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных от 28 января 1981 г. № 108 [4], выступают ключевым элементом эффективного механизма организации защиты персональных данных и в других государствах, а именно: в Армении – Агентство по защите персональных данных Министерства юстиции; Грузии – Офис Государственного инспектора по защите персональных данных; Литве – Государственная инспекция по защите данных; Польше и Чехии – Офис по защите персональных данных; Эстонии – Инспекция по защите данных.

Независимость Национального центра защиты персональных данных в республике обеспечивается в том числе нормой п. 2 ст. 18 Закона № 99-3, не допускающей возложение на уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных функций, которые несовместимы с функциями по защите прав субъектов персональных данных, за

исключением обработки персональных данных при осуществлении возложенных на него полномочий.

Согласно п. 6 Положения о Национальном центре защиты персональных данных, утвержденного Указом № 422, задачами уполномоченного органа являются:

1) принятие мер по защите прав субъектов персональных данных при обработке их персональных данных (включает функцию по осуществлению контроля за обработкой персональных данных операторами (уполномоченными лицами) посредством проведения плановых, внеплановых и камеральных проверок);

2) организация обучения по вопросам защиты персональных данных (для отдельных категорий специалистов, определенных приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, такое обучение в нем является обязательным).

Следствием начала проводимой национальным уполномоченным органом разъяснительной работы стало издание первых рекомендаций по вопросам применения законодательства о персональных данных (по составлению документа, определяющего политику оператора (уполномоченного лица) в отношении обработки персональных данных от 3 декабря 2021 г. и по обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью от 18 января 2022 г.).

Тем не менее, в силу широкого перечня сфер и субъектов, использующих персональные данные, наряду с реализацией контрольных полномочий, именно активизация работы уполномоченного органа по данному направлению может значительно повысить уровень цифровой грамотности населения, предупредить возможные правонарушения и преступления, а также обеспечить единообразное применение законодательства о персональных данных.

На основании изложенного можно констатировать, что государством уже созданы определенные условия для защиты персональных данных

с учетом международных подходов, зарубежного опыта и национальных особенностей, однако эффективность реализации конституционных норм в этой части требует постоянного анализа, оценки и совершенствования результатов проводимой работы по обеспечению законного, прозрачного и безопасного их использования по мере становления соответствующей правоприменительной практики, развития общественных отношений и появления новых угроз в информационной сфере.

Список использованных источников

1. Рузанова, В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных / В. Д. Рузанова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 9. – С. 17–22.

2. Талапина, Э. В. Правовое регулирование цифрового правительства в России: возможности учета требований ОЭСР /

Э. В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 3. – С. 20–25.

3. Ипатов, В. Д. Проблемы применения законодательства о персональных данных в свете развития информационных технологий / В. Д. Ипатов, Н. А. Саванович // Право.by. – 2021. – № 5. – С. 60–65.

4. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ СОВЕТОМ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. П. Пустовая

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Natali71174@mail.ru

В том или ином виде, Конституция любого государства является его главным правовым актом. Конституция является правовой базой для организации и функционирования всех ветвей власти, в ней заложены ценности и ориентиры, на которых базируется все действующее законодательство. Как известно, первые писанные конституции в современном понимании были приняты в США в 1787 году, во Франции и Польше в 1791 году. Цель принятия Конституции заключалась в том, чтобы установить пределы государственной власти, ограничить ее определенными рамками, не допустить нарушений при ее осуществлении в отношении человека [1, с.56].

Конституция Республики Беларусь обладает высшей юридической силой. Отраслевое законодательство развивается в строгом соответствии с ее нормами. Исходя из формального и содержательного аспектов понимания Конституции, в законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018г., № 130-З сказано, что Конституция Республики Беларусь – это Основной Закон Республики Беларусь, имеющий высшую юридическую силу и закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений. Исходя из определения Конституция регулирует важнейшие общественные отношения в

государстве. Поэтому Конституция как основа благополучия граждан государства нуждается в особой правовой охране.

В доктрине понятие правовая охрана Конституции традиционно определяется как совокупность юридических средств, посредством применения которых достигается выполнение норм Основного закона и строгое соблюдение режима конституционной законности [2, с.307]. Важнейшее юридическое свойство Конституции - верховенство по отношению ко всем иным правовым актам обеспечивает стабильность государства и общества.

В статье 7 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года в редакции закона Республики Беларусь от 12 октября 2021г., № 124-З, закреплено положение, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права, то есть государство и его органы, должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. От каждого гражданина, должностного лица, требуется уважать конституционные права всех граждан, подчиняться правовым актам органов власти и вошедшим в законную силу судебным решениям и приговорам. Эти требования законопослушания необходимы для жизнеспособности любой Конституции.

В узком смысле под правовой охраной Конституции понимают конституционный контроль и конституционный надзор. Данные направления деятельности заключаются в выявлении несоответствия законодательства положениям Основного закона и проведения соответствующей проверки. В этом задействована вся система государственных органов.

В широком смысле правовая охрана представляет собой создание соответствующих условий, гарантий верховенства Конституции, которые находят свое закрепление в соответствующих статьях Конституции Республики Беларусь, совершенствование механизма применения конституционно-правовых норм.

Большое значение в обеспечении Конституции призван играть институт конституционного контроля - Конституционный Суд. Согласно, статьи 116 Конституции Республики Беларусь он осуществляет конституционный контроль. Общие суды в рамках ст. 112 Конституции Республики Беларусь осуществляя правосудие, также стоят на защите конституционных положений. Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу что соответствующий правовой акт не соответствует Конституции Республики Беларусь, он ставит вопрос в установленном законом порядке о признании данного акта неконституционным.

Вместе с тем институт конституционного контроля хотя и очень важный, но далеко не единственный институциональный элемент механизма правовой охраны конституции. Многие ученые на основе

анализа соответствующих положений Конституции, законов и других нормативно-правовых актов считают, что охрана и защита Конституции – это задача и обязанность всех государственных структур и должностных лиц.

В Республике Беларусь важнейшее место в сфере правовой охраны Конституции занимает Правительство – Совет Министров Республики Беларусь. Данный центральный коллегиальный орган государственного управления, руководит системой подчиненных ему республиканских органов государственного управления, иных государственных организации, местных исполнительных и распорядительных органов, осуществляет исполнительную власть в Республике Беларусь, также обеспечивает охрану конституционных норм. Отнести к институциональным элементам правовой охраны Конституции Правительство позволяют его конституционные полномочия, закрепленные статьей 107 Основного закона. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Глава пятая действующей Конституции Республики Беларусь, включающая статьи 106, 107 и 108, устанавливает конституционно-правовой статус Правительства - Совета Министров Республики Беларусь. В статье 107 Конституции устанавливаются полномочия Совета Министров, важнейшим из которых является обеспечение исполнения Конституции, законов и декретов, указов и распоряжений Президента. Более детально полномочия Правительства определяются законом "О Совете Министров Республики Беларусь» от 23 июля 2008 года № 424-З в редакции закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 132-З, в котором данному вопросу посвящено 12 статей. Из них 11 определяют компетенцию Совета Министров в соответствующих сферах и областях жизнедеятельности государства: в экономической сфере, в сфере финансов, в области науки и образования, в области культуры и архивного дела, в области здравоохранения, области социального обеспечения, охраны и оплаты труда, в области охраны окружающей среды, в области гидрометеорологической деятельностью, в области обеспечения законности и правопорядка, в области обеспечения национальной безопасности и обороноспособности государства, в области внутренней и внешней политики, в области кадровой политики. При этом перечень полномочий Совета Министров, указанных в той или иной сфере, не является исчерпывающим, поскольку в конце каждой из 11 указанных статей закона отмечается, что Совет Министров кроме полномочий, определенных в соответствующей статье, осуществляет и иные полномочия согласно Конституции, законам и актам Президента Республики Беларусь.

Важнейшим полномочием Правительства является обеспечение разработки и реализации государственного прогноза социально-экономического развития Республики Беларусь, государственных

программ в социально-экономической сфере. Так, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы утверждена указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 № 292 (далее – Программа), разработана Правительством совместно с облисполкомами и Минским горисполкомом при участии Национальной академии наук Беларуси и Национального банка, представителей научного и бизнес-сообщества в соответствии с Законом Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь». Программа подготовлена исходя из преемственности целей и задач Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, директив Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства», от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» и других правовых актов. В Программе определены цель, задачи и приоритетные направления социально-экономического развития страны, ключевые меры по их реализации, отражены ожидаемые результаты и целевые индикаторы развития отраслей, сфер экономики и регионов. Программа направлена на создание предпосылок для роста благосостояния граждан, обеспечение комфортного проживания в каждом регионе страны, развитие человеческого потенциала. Базовое условие – устойчивый качественный рост экономики.

Достижение поставленных в Программе задач будет обеспечиваться посредством создания регуляторной среды в рамках реализации Программы деятельности Правительства на период до 2025 года и выполнения конкретных мероприятий при реализации государственных, отраслевых и региональных программ, Национального инфраструктурного плана Республики Беларусь на 2021–2025 годы.

Во исполнение своих полномочий Совет Министров издает постановления, имеющие обязательную силу на всей территории Республики Беларусь.

В законе «О Совете Министров Республики Беларусь» (статья 3) также сказано, что Совет Министров Республики Беларусь в пределах своей компетенции обеспечивает исполнение Конституции Республики Беларусь, законов Республики Беларусь, актов Президента Республики Беларусь, осуществляет контроль за их исполнением подчиненными ему республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, а также местными исполнительными и распорядительными органами, физическими лицами и организациями [6]. Совет Министров как сказано в статье 1 закона «О Совете Министров Республики Беларусь» осуществляет исполнительную власть в Республике Беларусь и возглавляет исполнительную ветвь власти.

В этой связи, а именно рассматривая Правительство как государственный орган, осуществляющий руководство системой подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, а также местных исполнительных и распорядительных органов и контроль за исполнением Конституции и национального законодательства этими органами, важно определить функции Правительства по руководству подчиненными ему республиканскими органами государственного управления.

В соответствии со статьей 25 закона «О Совете Министров Республики Беларусь» Совет Министров: руководит деятельностью министерств и других центральных органов государственного управления, координирует, направляет и контролирует их работу; принимает меры по обеспечению реализации республиканскими органами государственного управления, предоставленных им полномочий в целях выполнения возложенных на них задач и функций; утверждает положения о республиканских органах государственного управления, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; определяет структуру республиканских органов государственного управления, количество их территориальных органов и перечень подчиненных им государственных организаций, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; утверждает положения о департаментах республиканских органов государственного управления, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; утверждает состав коллегий республиканских органов государственного управления, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; передает при необходимости решение отдельных входящих в его компетенцию вопросов государственного управления республиканским органам государственного управления, за исключением вопросов, решение которых относится к исключительной компетенции Совета Министров, либо принимает к решению вопросы, входящие в компетенцию республиканских органов государственного управления, за исключением случаев, когда компетенция указанных органов определена Президентом Республики Беларусь; отменяет правовые акты республиканских органов государственного управления, если они противоречат Конституции Республики Беларусь, законам Республики Беларусь, актам Президента Республики Беларусь, постановлениям Совета Министров Республики Беларусь, распоряжениям Премьер-министра Республики Беларусь, за исключением решений, которые могут быть отменены только Президентом Республики Беларусь; налагает на руководителей республиканских органов государственного управления и их заместителей, а также руководителей департаментов республиканских органов государственного управления, дисциплинарные взыскания, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

Так, Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, является республиканским органом государственного

управления, проводящим государственную политику, осуществляющим управление в области труда и охраны труда, занятости населения, социальной защиты, демографической безопасности, альтернативной службы, координирующим деятельность по этим направлениям других республиканских органов государственного управления, а также осуществляющим организационно-техническое и информационное обеспечение деятельности Национального комитета по народонаселению при Совете Министров Республики Беларусь и Национального совета по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь.

Как сказано в пункте втором постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 года №1589 «Вопросы Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь» в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 9 ноября 2021 года №637 в своей деятельности Министерство труда и социальной защиты руководствуется Конституцией Республики Беларусь, иными актами законодательства, Положением о Министерстве и осуществляет ее во взаимодействии с республиканскими органами государственного управления, местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, общественными организациями (объединениями) и международными организациями [2].

Основными задачами данного Министерства являются: разработка предложений и реализация основных направлений и приоритетов государственной политики по вопросам содействия занятости населения, оплаты, условий и охраны труда, государственного социального страхования и пенсионного обеспечения, демографической безопасности, социального партнерства, урегулирования коллективных трудовых споров, социального обслуживания и социальной помощи, альтернативной службы, улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи, обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, социальных гарантий населению; совершенствование законодательства о труде, занятости и социальной защите населения, об опеке и попечительстве в отношении совершеннолетних лиц, которые признаны недееспособными или ограниченно дееспособными; осуществление контроля за соблюдением законодательства о государственном социальном страховании, надзора за соблюдением законодательства о труде и об охране труда; осуществление международного сотрудничества в данных областях деятельности.

Министерство труда и социальной защиты в соответствии с возложенными на него задачами и в пределах компетенции осуществляет функции, установленные пунктом шестым вышеназванного постановления. Это 72 функции и их перечень не исчерпывающий.

Изучая функции, задачи, права и обязанности Министерства труда и социальной защиты, можно прийти к выводу о том, что Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь обеспечивает

реализацию права граждан на труд, на здоровые и безопасные условия труда, на справедливую долю вознаграждения в экономических результатах труда, которое предусмотрено Конституцией (статьи 41 и 42 Конституции Республики Беларусь).

Таким же образом охране конституционных норм, а именно норм-обязанности граждан принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты налогов, пошлин и иных платежей в бюджет (статья 56 Конституции Республики Беларусь), служит Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь.

Таким образом, за конкретным министерством закрепляются полномочия по охране конституционных норм, связанных с направлением деятельности, основными функциями и задачами соответствующего министерства.

Кроме того, существуют конституционные нормы, полномочия по охране которых закрепляются сразу за несколькими республиканскими органами государственного управления. Так Министерство обороны Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности, Государственный пограничный комитет, исполняя возложенные на них функциональные обязанности, также способствуют охране конституционных норм, в частности, способствуют защите независимости и территориальной целостности Республики Беларусь.

Полномочия Правительства по руководству подчиненными ему государственными организациями урегулированы статьей 27 закона «О Совете Министров Республики Беларусь». Так, Совет Министров: принимает меры по обеспечению реализации в полном объеме государственными организациями, предоставленных им полномочий в целях выполнения возложенных на них задач и функций, самостоятельного решения отнесенных к их компетенции вопросов; утверждает уставы государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; налагает на руководителей государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, а также на их заместителей дисциплинарные взыскания, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

В сфере взаимодействия с местными органами управления Совет Министров Республики Беларусь в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, актами Президента Республики Беларусь: руководит деятельностью местных исполнительных и распорядительных органов по вопросам, входящим в компетенцию Совета Министров; организует контроль за исполнением местными исполнительными и распорядительными органами Конституции Республики Беларусь, законов, актов Президента, постановлений Совета Министров, распоряжений Премьер-министра, получает информацию и заслушивает по этим вопросам их отчеты, принимает соответствующие

решения; создает условия для подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов местных исполнительных и распорядительных органов; содействует местным исполнительным и распорядительным органам в организации их деятельности; регулирует вопросы взаимодействия между местными исполнительными и распорядительными органами и подчиненными Совету Министров республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, определяет порядок и степень их участия в выполнении государственных и региональных программ, мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, регулирует вопросы выделения им финансовых и материальных средств; передает при необходимости свои отдельные полномочия местным исполнительным и распорядительным органам; реализует полномочия, которые в установленном порядке могут передавать Совету Министров местные исполнительные и распорядительные органы.

Также, существуют конституционные нормы, полномочия по охране которых закрепляются за всеми государственными органами. Так, человек, гарантии реализации его прав и свобод являются высшей ценностью для всего государства; в Республике Беларусь закреплён принцип верховенства права; все имеют право на равную защиту прав и законных интересов; граждане Республики Беларусь имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах.

Подводя итог вышесказанному и как уже отмечалось, охрана конституционных норм имеет большое значение для развития государства в целом. Поэтому изучение всех институтов, посредством которых осуществляется охрана конституционных норм, может быть использовано для их дальнейшего совершенствования в этой сфере.

Список использованных источников:

1. Курак, А.И. Конституционное право : учеб. пособие / А.И. Курак ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 496 с.
2. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич – 2-изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 407 с.

О ВЛИЯНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье анализируется влияние на цивилистический процесс изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. Показано, что дальнейшее развитие гражданского и хозяйственного судопроизводства будет зависеть не только от новых положений Конституции, но и от тех предписаний, которые в ней решением республиканского референдума сохранены.

Ключевые слова: Конституция, цивилистический процесс; гражданское судопроизводство; хозяйственное судопроизводство; судебная защита.

На республиканском референдуме, который состоялся 27 февраля 2022 г., были приняты масштабные изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, которые затронули правовые основы самых различных сфер государственной и общественной жизни страны и которые смело можно назвать конституционной реформой. В связи с этим любопытно обратить внимание на то, какое влияние отмеченные преобразования оказывают на цивилистический процесс, т.е. на гражданское и хозяйственное судопроизводство.

Следует подчеркнуть, что решение указанного республиканского референдума имеет двойное значение. С одной стороны, это решение вводит в ткань конституционно-правового регулирования множество совершенно новых положений. С другой стороны, оставляя без изменений немалое число «старых» норм Основного Закона страны, данное решение фактически выносит им вотум доверия, демонстрирует, что эти нормы успешно прошли апробацию временем и могут продолжать служить фундаментом для поддержания и дальнейшего эффективного развития институтов государства и общества. Поэтому при оценке влияния конституционных преобразований на цивилистический процесс мы будем принимать во внимание не только новые нормы Конституции Республики Беларусь, но и те правовые предписания, которые в ней сохранены.

Нужно сказать, что правоположения, касающиеся гражданского и хозяйственного судопроизводства, присутствуют не только в специальном структурном элементе Основного Закона страны, который посвящен отдельным видам органов государственной власти, – разделе IV «Президент, Всебелорусское народное собрание, Парламент, Правительство, суд», они имеются также в преамбуле, разделе I «Основы конституционного строя» и разделе II «Личность, общество, государство». При этом некоторые из данных правоположений непосредственно указывают на цивилистический процесс (те или иные его признаки, элементы, атрибуты), другие же правоположения делают это в имплицитной форме, всем своим содержанием подразумевая наличие (функционирование) в стране эффективной системы гражданского и хозяйственного судопроизводства, поскольку декларирование закрепленных в соответствующих правоположениях идей (ценностей) немислимо без обеспечения последних институтами правосудия.

К конституционным правоположениям второго рода необходимо отнести следующие:

народ Беларуси утверждает права и свободы человека и гражданина, устои правового государства (абз.6 преамбулы к Конституции). Характерно, что в прежней редакции преамбулы говорилось только о стремлении утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь (абз.6) и лишь о желании обеспечить незыблемые устои правового государства (абз.7);

Республика Беларусь обеспечивает законность и правопорядок (ч.3 ст. 1 Конституции);

человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ч.1 ст. 2 Конституции);

Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь (ч.2 ст. 7 Конституции). Данное правоположение является новым в Основном Законе страны и ориентирует в том числе на то, чтобы суды в ходе своей деятельности непосредственно применяли нормы Конституции при отсутствии более конкретных предписаний отраслевого законодательства, а в случае применения отраслевых норм – оценивали их на предмет соответствия конституционным предписаниям (с последствиями, о которых говорит новая норма ч.2 ст. 112 Конституции);

правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы (ч.4 ст. 7 Конституции). Эта норма должна служить импульсом для дальнейшего развития в цивилистическом процессе института пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (в частности, по такому основанию, как признание нормативного правового акта, примененного судом в конкретном деле, противоречащим Конституции);

обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (ч.1 ст. 21 Конституции);

государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (ч.4 ст. 21 Конституции)

все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22 Конституции);

граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов (ч.3 ст. 41 Конституции);

государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления предусмотренных Конституцией прав и свобод граждан Республики Беларусь (ч.1 ст. 59 Конституции);

государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (ч.2 ст. 59 Конституции).

К конституционным правоположениям первого рода – непосредственно указывающим на цивилистический процесс (его признаки, элементы, атрибуты) – относятся такие:

государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную; государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга (ст. 6 Конституции);

никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников; доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы (ст. 27 Конституции);

дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если родители или другие лица, их заменяющие, не выполняют своих обязанностей (ч.5 ст. 32 Конституции);

принудительный труд запрещается, кроме работы или службы на основании судебного постановления либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях (ч.4 ст. 41 Конституции). Решением республиканского референдума норма была модифицирована: если раньше содержащаяся в ней оговорка гласила «кроме работы или службы, определяемой приговором суда или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении», то теперь – «кроме работы или службы на основании судебного постановления либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях». Термин «судебное постановление» является более широким по смыслу, нежели «приговор суда», и позволяет распространить действие указанной оговорки также на выносимые в порядке гражданского судопроизводства решения суда и определения о судебном приказе, которые предусматривают трудоустройство лиц, обязанных возмещать расходы на содержание их детей, помещенных на государственное обеспечение. Данная разновидность обязательного труда была введена Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях»;

принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно судебному постановлению (ч.5 ст. 44 Конституции). В данной норме произошло лишь терминологическое уточнение – слова «постановлению

суда» заменены на «судебному постановлению». Заметим, что оставление в Конституции отмеченной нормы продолжает сохранять на повестке дня вопрос о допустимости отчуждения имущества (на безвозвратной основе и в отсутствие мотивов общественной необходимости) на основании несудебных решений и актов, в частности, в соответствии исполнительной надписью нотариуса, применение которой согласно Указу Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. №366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» сейчас очень распространено;

каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом; решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суд (ч.1 ст. 60 Конституции). Решением референдума первое предложение ч.1 ст. 60 Конституции дополнено указанием на еще один атрибут судебной защиты: права и свободы защищаются судом в порядке, определенном законом. Такое дополнение очень важно, поскольку суды в цивилистическом процессе действуют не произвольно, а в строгом соответствии с ГПК и ХПК. Во-вторых, совершенно новым является второе предложение ч.1 ст. 60 Основного закона, предусматривающее возможность судебного обжалования решений, действий и бездействия государственных органов и должностных лиц. Вообще стоит сказать, что с точки зрения логического объема норма второго предложения ч.1 ст. 60 Конституции охватывается нормой ее первого предложения. Вероятно, норма второго предложения была отдельно закреплена для того, чтобы развеять все сомнения относительно предмета судебного обжалования: таковым могут выступать любые акты (решения, действия или бездействие) любых наделенных властными полномочиями субъектов (государственных органов и должностных лиц). В соответствии с данным предписанием должно развиваться и отраслевое законодательство: из него предстоит исключить еще немало число норм, ограничивающих право физических и юридических лиц на судебное обжалование тех или иных действий (решений). Кроме того, в контексте нынешней редакции ч.1 ст. 60 Конституции стоит задуматься о целесообразности сохранения другой нормы Основного Закона, содержащейся в ч.4 ст. 122: «Решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, ограничивающие или нарушающие права, свободы и законные интересы граждан, а также в иных предусмотренных законодательством случаях могут быть обжалованы в судебном порядке»;

с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда (ч.2 ст. 60 Конституции);

каждый имеет право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде (ч.1 ст. 62 Конституции).

В главе 6 «Суд» раздела IV Конституции в основном сохранились (в отдельных случаях – с незначительным уточнением их текстуальной редакции) все те правовые положения, которые присутствовали там ранее и имели отношение к гражданскому и хозяйственному судопроизводству, а именно (сугубо судеустройственные нормы мы здесь не затрагиваем):

судебная власть в Республике Беларусь осуществляется судами (ч.1 ст. 109 Конституции);

система судов строится на принципах территориальности и специализации (ч.2 ст. 109 Конституции);

судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону; какое-либо вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону (ст. 110 Конституции);

суды осуществляют правосудие на основании Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов (ч.1 ст. 112 Конституции);

дела в судах рассматриваются судьями единолично, а в предусмотренных законом случаях – коллегиально (ст. 113 Конституции).

разбирательство дел во всех судах открытое; слушание дел в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, определенных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства (ст. 114 Конституции);

правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон в процессе (ч.1 ст. 115 Конституции);

судебные постановления являются обязательными для всех государственных органов, других организаций, должностных лиц и граждан (ч.2 ст. 115 Конституции). В контексте данного правового положения стоит обратить внимание на новую норму ч.2 ст. 89-5 Конституции, которая особым образом подчеркивает общеобязательность судебных постановлений: «Решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов»;

стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений (ч.3 ст. 115 Конституции).

Особо нужно упомянуть про трансформацию нормы ч.2 ст. 112 Основного Закона. Ранее в ней говорилось, что «если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным». Теперь же норма гласит: «Если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения в

конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению, суд до вынесения судебного постановления ставит в установленном законом порядке перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности данного нормативного правового акта». Новая редакция обозначенного правоположения представляется нам более оптимальной, поскольку далеко не у каждого судьи хватит решимости отказаться от применения конкретной нормы отраслевого акта законодательства в пользу разрешения дела на основе «абстрактного» предписания Конституции, тем более что попытка поставить вопрос о признании данного акта законодательства неконституционным может не увенчаться успехом.

Референдум сохранил в ч.2 ст. 125 Конституции полномочие прокуратуры осуществлять надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам, однако об экономических (хозяйственных) делах там по-прежнему не упоминается. Не названо прямо хозяйственное (экономическое) судопроизводство и при перечислении форм судопроизводства (посредством которых Верховный Суд осуществляет правосудие) в новой ст. 112-1 Конституции. Обусловлено это, очевидно, планами по замене ГПК и ХПК единым кодексом гражданского судопроизводства, в котором для хозяйственного (экономического) судопроизводства наверняка уже не останется места.

Вполне закономерно из текста Конституции (ст. 83, 84, 98, 116) были изъяты все упоминания про Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь, который фактически прекратил свое существование еще в результате принятия Главой государства 29 ноября 2013 г. Декрета №6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь».

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В АДМИНИСТРАТИВНО- ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ

О. Я. Сливко

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
olgaslivko@yandex.ru

Аннотация. В данной статье исследованы особенности защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в административно-деликтном праве. Рассмотрены нормы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина. Выделены пробелы в законодательстве и предложены пути их решения.

Ключевые слова: права и свободы; административно-деликтное право; профилактические меры воздействия; административное взыскание.

Определение прав и свобод человека в основном законе государства, придает особую важность и значимость данному правовому институту. Все современные государства в той или иной форме в конституции или иных конституционных законодательных актах устанавливают права и свободы человека и гражданина.

В Конституции Республики Беларусь закрепляется, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Принятие изменений и дополнений к Конституции Республики Беларусь 27 февраля 2022 г. и осуществление конституционной реформы, придает теме особую актуальность.

В настоящее время существует система гарантий и защиты прав и свобод человека и гражданина. Она включает совокупность отраслей права, деятельность органов государственной власти и специализированных структур. В той или иной степени все законодательство направлено на урегулирование общественных отношений, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина. При совершении противоправных деяний в отношении личности применяются нормы, имеющие правоохранный характер. В том числе и нормы административно-деликтного права.

Административно-деликтное право направлено на реализацию защиты конституционных прав человека и гражданина от противоправных посягательств. В ст. 1.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - КоАП) провозглашаются основные задачи кодекса: защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов физических лиц, интересов общества и государства, прав и законных интересов юридических лиц, а также предупреждение административных правонарушений.

В Особенной части КоАП глава 10 закрепляет ответственность за правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина. В новой редакции название главы имеет более широкую, но точную формулировку по сравнению с предыдущей редакцией.

Обозначение в качестве родового объекта 10 главы КоАП именно прав и свобод человека и гражданина не означает, что нормы других глав КоАП не устанавливают ответственность за их нарушение. Например, 11 глава КоАП посвящена защите такого конституционного права как права собственности. Однако, именно на примере 10 главы КоАП можно проследить соотношение конституционных норм и административной ответственности за их нарушение.

Статьи раздела II Конституции Республики Беларусь «Личность, общество, государство» расположены в определенной последовательности. Сначала закреплены личные права и свободы, далее политические права и затем социально-экономические права человека и гражданина. Конечно,

такое закрепление условно и отдельные права можно отнести к личным и политическим (свобода мнений) или к личным и экономическим (право частной собственности).

В такой же последовательности расположены и нормы 10 главы КоАП, которые устанавливают административную ответственность за посягательства на закреплённые в Конституции Республики Беларусь права и свободы человека и гражданина. В 10 главе КоАП – 21 статья и условно, все составы правонарушений можно разделить на три группы: правонарушения против личных прав и свобод, правонарушения против политических прав и свобод, правонарушения против экономических, социальных, культурных прав и свобод.

Однако, при детальном изучении можно заметить, что часть правонарушений против различных видов прав и свобод находятся не в логической последовательности, а в разных частях главы 10 КоАП.

Так, например, к правонарушениям против личных прав и свобод можно отнести ст. 10.1. «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение запретного предписания»; ст. 10.2. «Оскорбление»; ст. 10.3. «Невыполнение обязанностей по воспитанию детей»; ст. 10.4. «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей»; ст. 10.8. «Нарушение законодательства о свободе вероисповеданий и религиозных организациях»; ст. 10.16. «Нарушение законодательства о языках». Как мы видим, эти статьи расположены в главе не строго друг за другом, а в разных частях.

Целесообразней нормы главы 10 КоАП расположить именно в логической последовательности в зависимости от того, к какой группе конституционных прав и свобод относится объект посягательства. Это упорядочит структуру кодекса и обеспечит эффективное использование норм.

Правонарушения, установленные в 10 главе КоАП, имеют ряд особенностей, связанных с теми общественными отношениями, на которые они посягают. Основными объектами являются жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, его личные, политические и социально-экономические права и свободы. Все эти элементы – составная часть конституционного статуса человека и гражданина. Именно реализация их в повседневной жизни дает человеку возможность спокойно жить и работать, участвовать в общественной и политической жизни, осуществлять экономические и социальные права. А государство, закрепив административную ответственность за нарушение таких прав, берет на себя обязательства по защите конституционных прав и свобод.

Субъектами главы 10 КоАП являются физические лица, достигшие 16-летнего возраста. Однако, ст.10.1 «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания» предусматривает ответственность с 14-летнего возраста. В данном случае понижение возраста ответственности связано с особой

значимостью объекта посягательства – физического и психического здоровья человека. В отдельных статьях указаны специальные субъекты ответственности. Так, например, ст. 10.3 КоАП закрепляет ответственность родителей или лиц их заменяющих, ст. 10.5 КоАП – должностных лиц.

Индивидуальные предприниматели и юридические лица также могут нести ответственность в соответствии с отдельными статьями 10 главы КоАП. Чаще всего это указано в санкции конкретной статьи. Например, ст. 10.4. «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей», ст.10.11 «Нарушение законодательства о занятости населения», ст. 10.15 «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности», ст. 10.21 «Незаконное проведение опросов общественного мнения».

В целях реализации принципа справедливости, гуманизации ответственности при привлечении к административной ответственности по статьям 10 главы КоАП возможно освобождение от ответственности с применением к лицу профилактических мер воздействия.

При этом следует учитывать категорию административных правонарушений, степень общественной опасности, личность правонарушителя и отсутствия привлечения к ответственности в течение года до совершения правонарушения. Так, например, невыполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 10.3 КоАП) относится к категории административных проступков. И должностное лицо, ведущее административный процесс имеет право в силу малозначительности правонарушения применить к лицу устное замечание как профилактическую меру воздействия.

Законодательство устанавливает нормы, которые в зависимости от условий, закрепленных в ст. 8.3 КоАП обязывают или предоставляют право должностному лицу, ведущему административный процесс применять профилактические меры воздействия. В случае, если лицо совершило административный проступок и соблюдены условия ч. 1 ст. 8.3 КоАП речь идет об обязанности освобождения лица и вынесением предупреждения. Если же совершено значительное административное правонарушение, то у должностного лица есть право, но не обязанность применять профилактические меры воздействия.

Стоит учитывать, что глава 10 КоАП содержит ряд составов правонарушений, по которым предусмотрено привлечение к ответственности лишь при наличии требования потерпевшего либо законного представителя. В соответствии со ст. 4.5 КоАП к таким составам относятся правонарушения по статьям 10.1, 10.2, 10.5, 10.7, 10.15, 10.18.

С одной стороны процесс только по требованию потерпевшего снимает нагрузку с органов, ведущих административный процесс. Но с другой стороны количество латентных правонарушений остается высоким. В некоторых случаях непривлечение лица к административной

ответственности может повлечь в будущем совершение более общественно опасного деяния - уголовного преступления.

В тоже время в 10 главе КоАП закреплены составы, за повторное совершение которых грозит уголовная ответственность. Здесь речь идет о применении административной преюдиции. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей (ст. 177-1 УК); за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности (ч. 2 ст. 201 УК) возможно привлечение лица к уголовной ответственности при повторности совершения деяний в течение одного года после наложения мер административного взыскания.

Одной из проблем защиты конституционных прав при привлечении к административной ответственности является правильный выбор той или иной меры административного взыскания. Ч. 3 ст. 6.2 КоАП устанавливает, что административное взыскание в виде административного ареста налагаются только судом. Единственным исключением из этой нормы является положение ч. 4 ст. 6.2 КоАП, которое допускает наложение административного ареста за правонарушение, предусмотренного ст. 10.20 КоАП «Уклонение родителей от трудоустройства по судебному постановлению либо работы» органами внутренних дел. В данном случае, гражданин не в полной мере может реализовать право на справедливое судебное разбирательство, на защиту своих законных прав и свобод. Поэтому, считаем целесообразным исключить ч. 4 ст. 6.2 КоАП установить единую норму о возможности наложения административного ареста только судом.

Таким образом, защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в случае противоправного посягательства на них, возможно в рамках административно-деликтного законодательства.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ ЭМБРИОНА И ПЛОДА ЧЕЛОВЕКА

М.С. Стрижак

Учреждения образования

«БИП – Университет права и социально-информационных технологий»,

кандидат юридических наук, доцент

Marina.Strizhak@inbox.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о закреплении правового статуса эмбриона и плода человека с момента возникновения жизни и о запрете абортов на законодательном уровне. Анализируются различные подходы к вопросу определения начала охраны человеческой жизни в законодательном порядке.

Ключевые слова: эмбрион человека; плод человека; право на жизнь; аборт; репродуктивные технологии; суррогатное материнство.

Право на жизнь является конституционным неотъемлемым правом человека, что налагает на государства обязанность защищать это право, обеспечивать его охрану путем запрета намеренного лишения жизни. Уголовное право защищает право на жизнь как человеческую ценность. В последнее время вопрос о моменте возникновения «права на жизнь» и его охраны стал актуален в связи с научными и медицинскими достижениями и вмешательством человека в жизненный процесс в таких формах, как аборт, медикаментозное продолжение рода, исследование эмбрионов, клонирование и т.п. По мнению правозащитных юристов аборт – это не легализованный «выбор свободы», а нарушение фундаментального права другого человека и отказ в защите законного права на жизнь самым беспомощным согражданам, что влечет за собой разрушение семьи, а также в будущем страны в целом [1, с. 68]. Противники убийства эмбриона и плода человека выступают за то, чтобы исключить аборт из системы медицинского страхования и принять соответствующий закон, регулирующий охрану жизни [2].

В дореволюционной России за аборт, как за убийство, женщину, совершившую преступление, и врача-пособника ссылали в Сибирь с лишением всех прав. Аборты были узаконены Лениным совместным постановлением Народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщины» от 18 ноября 1920 года. Так, допускалось бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц [2].

В настоящее время в мире сложилось три подхода к вопросу определения начала охраны человеческой жизни в законодательном порядке: абсолютистский, либеральный и умеренный. Сторонники абсолютистской позиции рассматривают эмбрион как человеческое существо. Вопрос о возвращении жизни нерожденным детям права на жизнь и запрет абортов является одним из приоритетных для христиан. Еще в Ветхом Завете признается существование человека с момента зачатия (напр., Быт. 25:22). Иные конфессии также квалифицируют аборт как детоубийство [3, с. 17].

Приверженцы либеральной позиции основывают свои доводы на положении, согласно которому человеческий эмбрион имеет незначительную ценность или даже лишен ее, поэтому не нуждается в какой-то особой защите и не наделяется правом на жизнь [5]. Ученые, придерживающиеся умеренной (градуалистической) позиции, считают, что эмбрион имеет право на жизнь при достижении определенного уровня развития либо при достижении жизнеспособности. При этом единого мнения у последователей данной теории нет [5].

Мы придерживаемся абсолютистской теории и полагаем, что действующее законодательство должно охранять жизнь человека не только от рождения. Эмбрион и плод являются человеком. В связи с этим им

принадлежит ряд прав, которые необходимо отстаивать: *право на человеческую идентичность, право на жизнь и право на развитие* [4]. Считаем, что фундаментальные права эмбриона и плода как человеческой личности должны быть закреплены в законодательстве. *Право на человеческую идентичность предполагает, что эмбрион и плод имеют право называться человеком.* Институты общества должны обеспечивать и защищать это право. *Право на жизнь означает, что никто не должен отнимать у эмбриона и плода основополагающее право на свою собственную жизнь.* Недопустимы научные эксперименты с эмбрионом и плодом, а также их замораживание. Тот факт, что для эмбриона и плода возможность развития и жизни заменяется экспериментами и смертью, подрывает достоинство человека и нарушает право на жизнь [4]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь запрещено, в частности, использовать для биомедицинских клеточных продуктов эмбриональные клетки человека как пересадочный материал (ч. 1 ст. 18³ Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении»). *Право на развитие закрепляет, что каждый человек имеет право развиваться и раскрывать себя как личность от зачатия до естественной смерти* [4].

Соответственно мы согласны с мнением ученых, которые утверждают, что в доктрине назревает потребность в разработке концепции нового субъекта правоотношений (гражданских, семейных, здравоохранительных и иных) – неродившегося ребенка [3, с. 17]. Эту необходимость подтверждает и стремительное развитие медицинской, генетической и иных наук требует признания правом и законодательством неродившегося ребенка (эмбриона и плода человека) субъектом правоотношений. В частности, это защита права на жизнь эмбриона и плода человека требуется в следующих случаях:

1. При использовании фетальных клеток, органов, тканей в научных, медицинских, образовательных и иных целях.

2. Для установления границ возможного применения новейших и перспективных разработок (геномики, искусственного интеллекта и др.) в отношении неродившегося ребенка. Самостоятельной проблемой для общества и правоведов могут стать биокомплексы, биороботы и подобные им образования, созданные на основе эмбриональных органов и тканей как с внесенными в их генетическую программу изменениями, так и без них [3, с. 17].

3. При разрешении легальных аборт, которые является серьезным препятствием для закрепления права на жизнь в законодательстве. Так, право на искусственное прерывание беременности закреплено в ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении». Так, согласно части первой данной статьи женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. К этой ситуации приравниваются различные практики и технологии ответственного материнства, недопущения нежелательной беременности.

4. При использовании репродуктивных технологий. Противники экстракорпорального оплодотворения выдвигают три серьезных возражения: этичность вмешательства в процесс деторождения, гуманность процедуры редукции эмбрионов и последующего их использование в исследованиях, а также более низкий уровень защиты потенциала к развитию эмбриона и плода человека, чем это делает «природа» [6].

В среде ученых возникли три основных теории, порожденные новыми технологиями в области деторождения. Одни полагают, что человеческий эмбрион и плод не имеют какой-либо ценности, до рождения ребенок является чем-то абстрактным и потому может быть произвольно лишен жизни в любой момент до появления на свет [6]. Сторонники данного мнения относят эмбрион и плода человека к объекту гражданских прав (вещи), обосновывая это реалиями современного мира, а именно: эмбрион является предметом спора между супругами при использовании репродуктивных технологий, он выступает в качестве предмета договора о суррогатном материнстве [7, с. 22]. Однако мы солидарны с мнением правоведов, которые утверждают, что, если бы эмбрион и плод человека выступал в качестве объекта гражданско-правовых отношений, то мог бы выступать предметом различных договоров, например, купли-продажи, с целью приобретения выгоды. Однако это противоречит ст. 21 Конвенции о правах человека в биомедицине 1997, согласно которой тело человека и его части не должны быть источником финансовой выгоды [8, с. 66].

Другие видят взаимосвязь возникновения у эмбриона права на жизнь с его имплантацией в матку [6]. До этого момента он представляет собой лишь набор малого количества клеток в первые пять суток культивирования после оплодотворения и до замораживания [9, с. 20]. Отдельные ученые считают, что эмбрион и плод человека являются частью организма матери и приравниваются к органам. Такая же позиция закреплена в Конституции Швейцарии, где указывается на то, что эмбрионы являются лишь генетическими и зачаточными средствами человека [8, с. 66]. Мы согласны с теми учеными, которые полагают, что на всем протяжении внутриутробного развития новый человеческий организм не может считаться частью тела матери. Эмбрион принадлежит своим родителям в том смысле, что они ответственны за его развитие и защиту. Аборт на любом сроке беременности является убийством человека [4].

Третьи утверждают, что право на жизнь у эмбриона появляется при достижении определенного уровня развития, на определенном гестационном сроке или же при достижении жизнеспособности, даже если она поддерживается с помощью оборудования для жизнеобеспечения» [6].

Среди ученых есть и те, кто считает, что эмбрион – самостоятельный субъект права, который с момента зачатия обладает определенными правами, в том числе правом на жизнь [8, с. 66]. На наш взгляд охрана

жизни эмбриона и плода человека со стороны государства должна осуществляться именно с момента зачатия, подтверждением чего является регистрация медицинским работником беременности после обращения к нему беременной женщины. В связи с чем, предлагаем запретить производство абортов и закрепить право эмбриона на рождение, и внести соответствующие изменения в ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении».

Список использованных источников

1. Рутман, Е. Я. Проблемы реализации права на жизнь нерожденного ребенка / Е. Я. Рутман // Весн. дзярж. экан. ун-та. – 2005. – № 6. – С. 68-72.
2. В 1920 году Ленин разрешил аборт, и весь 20-ый век страна переживала проклятие. – Протоиерей Всеволод Чаплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoz.ru/2015/06/26/v-1920-godu-lenin-razreshil-aborty-i-ves-20-yj-vek-strana-perezhivala-proklyatie-protoierej-vsevolod-chaplin/>. – Дата доступа: 23.02.2022.
3. Мохов, А.А. Неродившийся ребенок – субъект правоотношений? / А.А. Мохов // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
4. **Проект документа «О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5459449.html> – Дата доступа: 10.04.2022.
5. Машко, Н. Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского суда по правам человека // Н. Машко / журнал международного права и международных отношений – 2008 – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/19060> – Дата доступа: 10.04.2022.
6. Этико-правовые проблемы статуса эмбриона человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/111-/16808e6322> – Дата доступа: 23.02.2022.
7. Голович В.И. Эмбрион как объект гражданского права / В.И. Голович // ХХІ Респ. научно-практ. конференция молодых ученых, Брест, 10 мая 2019г.: сб. материалов : в 2 ч. / Министерство образования Респ. Беларусь, Брест. госуд. университет им. А.С.Пушкина; под общ. ред. А.Е.Будько. – Брест: БрГУ, 2019. – Ч.2. – С. 21-22.
8. Лагаева, А, Симаченко, А. Правовое регулирование защиты эмбрионов в Европейском союзе / А.Лагаева, А. Симаченко // Актуальные проблемы европейского и интеграционного права: правовые аспекты отношений России и ЕС. Contemporary issues of European and integration law: legal aspects of EU-Russia relations : материалы научно-практ. конференции / под ред. П.А.Калиниченко, В.Ю.Слепака. – Москва: Проспект, 2017. – С. 64-69.
9. Сухарева, Е.Р. Эмбрион человека – субъект или объект права? / Е.Р. Сухарева // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 17-22.

ИНСТИТУТ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. А. Тиковенко

Белорусский государственный университет, аспирант кафедры конституционного права
olga.tikovenko@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сути народного представительства, этапов становления и развития института народного представительства, отличия прямой демократии от представительной, а также анализу обновленной Конституции Республики Беларусь в части нового представительного государственного органа – Всебелорусского народного собрания. Автором высказано мнение о возможном употреблении в будущих конституционных положениях прилагательного «народный» в словосочетании со словом «депутат», являющимся представителем народа.

Ключевые слова: институт народного представительства; представительные органы; государственная власть; прямая демократия; представительная демократия; Всебелорусское народное собрание.

Исследование института народного представительства приобретает все большую актуальность в связи с принятием на республиканском референдуме, состоявшемся 27 февраля 2022 г., отдельных изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), речь о которых пойдет далее.

Суть представительства заключается в поручении физическому или юридическому лицу или взятии им на себя миссии по представлению интересов гражданина, юридического лица, органа публичной власти, какой-то формализованной или безграничной общности людей, части территории страны либо всего государства [1, с. 9]. Ученые полагают, что в основу теории народного представительства легла концепция народного суверенитета, которая провозглашает народ единственным источником и носителем власти в государстве.

Институт народного представительства прошел длительную историю своего развития. Еще на самых ранних этапах развития человечества важнейшие вопросы рода и племени решались узким кругом приближенных к вождям лиц, и этим формированиям были присущи важнейшие черты народного представительства – выборность и коллегиальность. Выделяют две основные причины возникновения сословно-представительных учреждений. Во-первых, образование более крупных государственных территорий сделало невозможным на практике появление всего народа на вече. Во-вторых, раннее средневековье было эпохой социальной феодализации, характеризующейся, помимо прочего, уменьшением числа свободных людей в результате вступления в зависимые отношения с более богатыми и сильными. Формирование и функционирование сословно-представительных органов исследователи считают этапом становления народного представительства. В дальнейшем

образцом преобразования средневековых сословно-представительных учреждений в орган народного представительства стал парламент Англии, по типу которого формировались представительные учреждения в других странах. К XVIII в. в европейских странах произошло развитие народного представительства и его сущностных элементов [2, с. 123].

В научной литературе представительную систему характеризуют как совокупность норм, регулирующих деятельность законодательных выборных коллегиальных органов, характеризующихся единством функций: осуществлением наиболее важных юридически значимых действий от имени и в интересах народа на внутригосударственном и международном уровнях [3, с. 79].

Как известно, ч. 1 ст. 3 Конституции провозглашает народ в качестве единственного источника государственной власти и носителя суверенитета в Республике Беларусь. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией.

Так, народ либо прямо реализует государственную власть, выражая свою волю на референдуме, выборах, либо осуществляет государственную власть опосредованно, пользуясь системой государственных органов. Непосредственную реализацию власти народом называют прямой демократией, которая в первую очередь проявляется в форме референдума, выборов, отзыва депутатов. Важно отметить, что исторически на территории Беларуси широкое распространение получила именно вечевая или прямая «демократия», характерным для которой являлось распределение властных полномочий между правителем (князем) и вече, возникшим, в свою очередь, на основе традиций племенных сходов и выполнявшим важную государственную и политическую функцию [4, с. 48].

Опосредованное осуществление народовластия принято считать косвенной или представительной демократией, которая выражается в деятельности системы государственных органов народного представительства. В свою очередь представительные органы призваны представлять интересы народа, делегировавшего свою власть данным органам путем их избрания. Применительно к Республике Беларусь можно говорить о трех этапах института народного представительства: досоветском, советском и постсоветском. Вызывает особый интерес преобразование института народного представительства на постсоветском этапе, а именно в рамках обновленной Конституции.

До недавнего времени в Республике Беларусь круг представительных органов народовластия ограничивался Парламентом, именуемым Национальным собранием Республики Беларусь и состоящим из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики, и местными представительными органами – местными Советами депутатов.

Особо значимым результатом прошедшего референдума стало возникновение нового представительного государственного органа – Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС). ВНС согласно положениям Конституции признано высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Делегатами ВНС являются Президент Республики Беларусь, Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки, представители законодательной, исполнительной и судебной власти, представители местных Советов депутатов, представители гражданского общества.

ВНС в соответствии со ст. 89-3 Конституции получило обширную компетенцию. Данный представительный орган: утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программы социально-экономического развития Республики Беларусь; заслушивает Премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития Республики Беларусь; предлагает изменения и дополнения в Конституцию, проведение республиканских референдумов; вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов; принимает решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления; вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам.

Также ВНС принимает участие в избрании на государственные должности высших должностных лиц, а именно по предложению Президента, предварительно согласованному с его Президиумом: избирает Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда, Председателя, заместителей Председателя и судей Верховного Суда, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии и освобождает их от должности по основаниям, предусмотренным законом. Кроме того, ВНС: по предложению Президента принимает решение о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности; устанавливает государственные праздники и праздничные дни; награждает Президента государственными наградами, предлагает лиц для награждения государственными наградами; дает обязательные для исполнения поручения государственным органам и должностным лицам, получает

информацию от государственных органов и должностных лиц, а также осуществляет иные конституционные полномочия.

Решения ВНС являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов.

В то же время очевидно, что необходимо принятие Закона о ВНС, где получат развитие и уточнение конституционный статус данного государственного органа, порядок реализации его полномочий, формирования, проведения заседаний и принятия решений.

Так, институт народного представительства, несомненно, важен для реализации народовластия и воплощения демократических идей в государстве, а ВНС, в свою очередь, как высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, призвано способствовать этому.

Осуществленная республиканским референдумом децентрация государственной власти в результате предоставления ВНС конституционного статуса вместе с существенными полномочиями создала условия для надлежащего функционирования ее органов на основе принципа разделения властей, что будет способствовать обеспечению их легитимности.

Поскольку согласно положениям обновленной Конституции народ является единственным источником государственной власти, а ВНС – высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, было бы целесообразно, на наш взгляд, употреблять в Конституции прилагательное «народный» со словом «депутат». Словосочетание «народный депутат» применялось в положениях Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 г., и конституциях союзных республик. Таким образом, использование прилагательного «народный» в словосочетании «народный депутат» будет легитимировать принадлежность власти народу, что отвечает сущности народовластия и основной функции депутата как народного представителя.

Список использованных источников

1. Авакьян С. А. Актуальные проблемы теории представительства в конституционном праве // Теория народного представительства: научное наследие профессора В. С. Основина и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 29 марта 2018 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова, Т. М. Бялкиной ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. 174 с. (Юбилеи, конференции, форумы. Вып. 11). С. 8–18.

2. Садовникова Г. Д. Эволюция института народного представительства: основные этапы и особенности становления // Право и государство: теория и практика. 2010. № 8(68). С. 122–126.

3. Коврякова Е. В. Концепции представительных систем и их практическое воплощение в государственном механизме // Lex Russica. Сравнительное правоведение. 2016. № 11(120). С. 77–90.

4. Кунец А. Г., Мисуно Е. И. Всебелорусское народное собрание: национальные перспективы через призму зарубежного опыта формирования органов народного представительства // Право.by. 2021. № 5(73). С. 42–51.

КОНСТИТУЦИОННАЯ НОВЕЛЛА ОБ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Трипузова

ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», заведующий
сектором правового обеспечения социально-экономического развития центра
государственного строительства и права
antonina.ttt@mail.ru

Аннотация. В статье автор подчеркнул значимость конституционной новеллы – ст. 4 Конституции Республики Беларусь об идеологии белорусского государства для устойчивого развития государства и общества, а также взаимосвязь идеологии и национальной безопасности. Внесены, с приведением конкретных формулировок, предложения по модернизации Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, в том числе введение понятия «идеологическая безопасность».

Ключевые слова: идеология белорусского государства; идеологическая безопасность; идеологическая угроза; конституционная норма; концепция национальной безопасности; национальные интересы.

Конституция Республики Беларусь является основным законом и главным идеологическим документом, определяющим основные цели и векторы развития нашего государства и общества.

В конституционных нормах формируется система взглядов и идей, национальных интересов, закрепляются фундаментальные постулаты и ценности, образующие политическую, экономическую и социогуманитарную составляющие идеологии белорусского государства.

Идеология белорусского государства – это учение о нормах жизни, идеалах и ценностях белорусского народа, об идеологической политике и идеологических процессах, характеризующих цели и особенности белорусского пути общественного развития [1]. Базовыми принципами идеологии белорусского государства выступают единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность.

В условиях «информационно-мировоззренческой войны коллективного Запада», развернутой против нашей страны, определяющее

значение имеет духовная готовность белорусского общества, отдельного человека противостоять вызовам и угрозам национальной безопасности, а соответственно возрастает и роль идеологии.

Идеология – атрибутивный признак государства. При этом основным субъектом ее формирования и ее носителем является народ [2].

Учитывая данные обстоятельства, а также современные политические, социально-экономические и идеологические вызовы, особенно важно, что по многочисленным инициативным предложениям граждан и организаций в рамках конституционной реформы и народного обсуждения проекта Конституции Республики Беларусь из ст. 4 исключено указание на многообразие идеологий с дополнением фразой о том, что демократия в Беларуси «осуществляется на основе идеологии белорусского государства...».

Конституционное закрепление данной новеллы – одна из самых отличительных черт Основного Закона Республики Беларусь от конституций других стран. Социальный запрос в обществе на укрепление белорусской государственности знаменует новый этап национально-государственного самоопределения Беларуси, развития современной идеологии белорусской государственности.

В новых геополитических условиях идеологическое многообразие создает угрозу не только существующим в государстве политическим, но и экономическим отношениям, так как приводит к размыванию системы единых ценностей, идей, целей, взглядов, определяющих экономическую самодостаточность страны, развитие белорусской экономики и государственности в целом.

Исторические примеры, в том числе «августовские события» 2020 года в нашей стране, демонстрируют, что ослабление внимания государственных органов к идеологическим аспектам жизнедеятельности общества способно привести к расколу общества, манипулированию массовым сознанием со стороны зарубежных политтехнологов «цветных революций» и гибридных войн, эрозии традиционных ценностей и (или) к их вытеснению идеями и представлениями, отвечающими интересам узких групп населения [3, с. 265] .

На VI Всебелорусском собрании 2021 г. отмечена важная роль в жизни страны идеологии как системы фундаментальных идей, которые отражают глубинные ценности народа, являются ориентиром для государства и общества. Глава государства подчеркнул: «Мы наблюдаем конкуренцию мировоззрений, несовпадение позиций по многим вопросам жизнеустройства – от экономики до воспитания детей. И нам жизненно необходимо, в первую очередь, опираясь на мудрость и опыт тех, кто старше, найти решения возникших противоречий. Нам нельзя допустить разрыва поколений, как это произошло в годы распада Советского Союза.».

Консолидирующей идеологией может быть только государственная. Именно государственная идеология включает в себя представления власти об основных направлениях развития государства и всего общества и определяет основные приоритеты государственной политики [2].

Без государственной идеологии невозможно обеспечить эффективно и национальную безопасность. Государственная идеология и национальная безопасность неразрывно связаны через понятие «национальные интересы». Идеология отражает национальные интересы, являющиеся объектом национальной безопасности, следовательно, национальная безопасность способствует сохранению идеологических начал в государстве.

При этом идеология – это изменяющаяся система, направленность которой зависит от интересов государства и общества, она постоянно совершенствуется, как и система национальной безопасности.

Выбор белорусского народа, которые он сделал на референдуме 27 февраля 2022 года, требует надежной конституционно-правовой защиты и определяет вектор модернизации Концепции национальной безопасности Республики Беларусь как комплексного документа стратегического характера, в котором методологически обосновываются ключевые цели и задачи идеологической работы. Данный документ, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, закрепляет систему официальных взглядов на обеспечение безопасности и баланса интересов личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности, их защите от внутренних и внешних угроз.

Юридический вес конституционной нормы предопределяет обязанность привести и названный акт в соответствие с конституцией.

В действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркнута значимость духовно-нравственного воспитания граждан, в том числе «путем развития идеологии белорусского государства, основанной на традиционных ценностях нашего общества».

Однако в настоящих реалиях и с учетом изменений, внесенных в ст. 4 Конституции Республики Беларусь, назрела необходимость актуализации некоторых положений Концепции национальной безопасности.

Так, в современных условиях экспансии деструктивной западной идеологии «псевдоценностей и псевдодемократии» одной из главных угроз становится идеологическая, а в числе основных вызовов – идейно-мировоззренческий.

В этой связи полагаем необходимым в перечне основных угроз национальной безопасности указать «идеологическую угрозу».

В литературе отмечается, что «идеологическая угроза» отличается от других угроз специфической целью, которая заключается в деструктивном идеологическом воздействии на определенные страны и сообщества, в том числе идеологическом ослаблении и овладении сознанием молодежи, подчинении своему мировоззрению [4].

В свою очередь, эти угроза и вызов требуют в качестве ответной реакции укрепление духовно-нравственных оснований, выработанных историей, а также обретение и сохранение собственной национальной идеи, которая лежит в основе идеологии и способна консолидировать большинство белорусского общества.

Основным содержанием белорусской национальной идеи являются общечеловеческие христианские ценности, национально-государственное самосознание, гражданственность, патриотизм.

Государственная идеология, опираясь на совокупность духовных ценностей, призвана выполнять, прежде всего, охранительную функцию по отношению к устоям государства, формировать мировоззренческое единство народа и власти, способствовать интеллектуальной и духовной консолидации всех слоев белорусского общества, выражать совокупность духовных ценностей, отражающих социокультурное состояние общества.

В связи с изложенным представляется важным к числу национальных интересов отнести в качестве самостоятельной категории «формирование и развитие идеологии белорусского государства, обеспечивающей консолидацию общества и народное единство». Современная государственная идеология должна быть не многообразна, а «многомерна»: учитывать и отражать весь спектр национальных интересов.

В настоящее время особенно актуально звучит и образное сравнение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, высказанное еще в 2003 г.: «Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма. Если иммунитет ослабевает, любая, даже самая незначительная инфекция становится смертельной. Точно также и с государством: когда разрушается идеологическая основа общества, его гибель становится только делом времени, каким бы внешне государство ни казалось сильным и грозным.» [5].

Основным средством защиты и безопасности государства в идеологическом плане являются его собственная идеологическая состоятельность и безопасность. В информационно-мировой войне «за три силы души: чувства, умы и стремления» важно обеспечить идеологическую безопасность, что будет способствовать повышению уровня гражданско-политической зрелости нашего народа, его духовного состояния и развития.

В связи с этим представляется необходимым отдельно выделить «идеологическую безопасность» в качестве важной составляющей и самостоятельного вида национальной безопасности.

Предлагается нормативное закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь понятия «идеологической безопасности» как состояния защищенности системы фундаментальных идей, национальных ценностей и интересов, обеспечивающих

формирование и развитие идеологии белорусского государства, консолидацию белорусского общества и народное единство.

Концептуальное понимание сущности идеологической безопасности основывается на ее понимании как части политической безопасности.

Обеспечение идеологической безопасности предполагает формирование идеологии государственной власти, идеологической политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов (например, усиление роли Всенародного белорусского собрания согласно обновленной Конституции), устраняющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость политической системы государства, в том числе воспитание патриотизма, сохранение исторической памяти.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Учитывая современные вызовы и угрозы, а также в развитие внесенных изменений в ст. 4 Конституции Республики Беларусь – исключение указания на многообразие идеологий с дополнением фразой о том, что демократия «осуществляется на основе идеологии белорусского государства», и в целях реализации данной конституционной нормы в законодательстве и на практике представляется необходимым:

в перечне основных угроз национальной безопасности указать «идеологическую угрозу»;

отнести к числу национальных интересов в политической сфере в качестве самостоятельной категории «формирование и развитие идеологии белорусского государства, обеспечивающей консолидацию общества и народное единство»;

отдельно выделить «идеологическую безопасность» в качестве самостоятельного вида национальной безопасности, дать определение и раскрыть сущность данного понятия.

Список использованных источников

1. Основы идеологии белорусского государства: Учеб. для вузов / под. ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2004. – 690 с.

2. Ксенофонтов, В. А. Идеология как важнейший атрибут белорусского государства в контексте обеспечения национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Научная мысль. – 2020. – Т. 14. – № 4–1 (38). – С. 69–79.

3. Трипузова, А. А. Основные направления идеологической работы в Республике Беларусь в контексте обеспечения национальной безопасности в информационной сфере / А. А. Трипузова // Обеспечение безопасности жизнедеятельности: проблемы и перспективы : сб. материалов XV межд. науч.-практ. конф. молодых ученых : в 2-х томах. – Т. 2. – Минск : УГЗ, 2021. – С. 264–267.

4. Рафикова, Г. В. Понятие об идеологических угрозах и их конкретные особенности / Г. В. Рафикова. – // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 750–752.

5. Лукашенко, А. Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию / А. Г. Лукашенко // О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов, Минск, 27–28 марта 2003 г. / Администрация Президента Респ. Беларусь. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 79 с.

ОСОБАЯ ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК НОВЕЛЛА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Ю. Чешко

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
vladimir_cheshko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные новеллы в части придания особой защиты персональным данным в Республике Беларусь. Проводится сопоставление данных изменений с правом на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. Рассматриваются особенности защиты персональных данных при привлечении лиц к административной ответственности.

Ключевые слова: конституция; персональные данные; административное правонарушение; административная ответственность.

Развитие общества обуславливает совершенствование различных механизмов его деятельности, в том числе и правовых. Информатизация всех процессов жизни общества вызывает ряд серьезных рисков, среди которых одним из основных является защита персональных данных. Конечно же, защита персональных данных не может быть делом только государства без заинтересованности всех членов общества, но именно государство должно выступать основой для внедрения современного правового регулирования по защите персональных данных и контроля за его соблюдением.

В Республике Беларусь системное регулирование защита персональных данных приобрела с принятием Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных). В этом нормативном правовом акте закреплён ряд основополагающих терминов в данной сфере, порядок обработки персональных данных, права и обязанности субъектов, а также уполномоченный орган и механизм защиты персональных данных [1].

С принятием изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) особый порядок защиты персональных

данных нашел отражение в ст. 28 [2]. В целом поддерживая данную новеллу не можем не отметить, что имеет место некоторая неоднозначность и смешение понятий в этом направлении. Так, часть первая данной статьи в предыдущей редакции Конституции звучала следующим образом: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». В новой редакции Конституции слово «личную» заменили словом «частную», а также дополнили статью следующей частью: «Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании».

На наш взгляд, дополнение указанной частью вызывает излишнюю зарегулированность данного механизма, что продемонстрируем в дальнейшем, но также можно обозначить, что нововведение подчеркивает особую значимость защиты персональных данных и выделяет их в отдельное направление вместе с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни.

Представляется, что последнее понятие гораздо шире, чем концепт персональных данных и включает их в свое содержание. В подтверждение этому в части первой содержатся такие направления обеспечения неприкосновенности частной жизни, как защита тайны его корреспонденции, телефонных и иных сообщений. По нашему мнению, данная новелла не в полной мере учитывает особенности национальной правовой системы и внедрена, несмотря на неполное правовое развитие механизма защиты частной жизни. Представляется очевидным, что одним из направлений обеспечения защиты «частной жизни» выступают персональные данные, поскольку с их помощью осуществляется незаконное или без получения соответствующего разрешения вмешательство в частную жизнь.

Особый интерес вызывает именно термин «персональные данные». Под ним понимается «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано» [1, ст. 1]. Исходя из содержания данного термина можно утверждать, что под персональными данными могут пониматься абсолютно любые данные, с помощью которых можно идентифицировать какое-либо физическое лицо.

При этом законодатель установил порядок обработки персональных данных:

соразмерность содержания и объема персональных данных целям обработки;

получение согласия субъекта;

обеспечение сохранности персональных данных [1, ст. 4].

Следует отметить, что при обработке персональных данных не всегда необходимо получать согласие субъекта. Законодатель в ст. 6

Закона о защите персональных данных закрепил соответствующие случаи [1]. К ним, в частности, относятся случаи ведения уголовного и административного процесса, проведения мероприятий оперативно-розыскной деятельности, при реализации законодательства о национальной безопасности, при назначении пенсий и пособий, при оформлении трудовых отношений и др.

Сам дух данного нормативного правового акта не учитывает особенности нашей правовой системы, и, скорее, ориентирован на прецедентное право, поскольку пределы применения мер защиты персональных данных можно определить только при правоприменении. Указание случаев, когда согласие не получается зачастую не влияют на порядок обработки персональных данных, поскольку нанимателям и должностным лицам в условиях правовой неопределенности и невозможности четкого осознания правовых пределов гораздо проще получать согласие всегда, чем выделять иные случаи.

Далее посмотрим каким именно образом данная правовая неопределенность существенно влияет на порядок ведения административного процесса и обеспечения права на защиту.

В новом Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП) механизм защиты персональных данных закрепили в ч. 1 ст. 11.5, а именно: «Персональные данные участников административного процесса могут быть преданы гласности только с согласия таких лиц» [3].

При этом надлежащей правовой оценки рисков данной новеллы, на наш взгляд, не проводилось. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 11.26 ПИК_оАП лицо, в отношении которого ведется административный процесс, лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено, потерпевший, их законные представители или представители и защитник имеют право ознакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении в день окончания подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, заявив об этом ходатайство.

При сопоставлении данных норм получается противоречие права на ознакомление со всеми материалами дела об административных правонарушениях и защитой персональных данных. На практике такое ознакомление проводится с ограничением доступа к некоторым данным (ИС «Паспорт», сведения из ЕГБДП), что может существенно ограничивать право на защиту лица, в отношении которого ведется административный процесс, особенно с учетом неопределенности самого термина персональных данных. Данные сведения при определенных обстоятельства могут непосредственно влиять на обоснованность и справедливость рассмотрения дела об административном правонарушении (например, потерпевший может иметь медицинские документы с указанием на признаки состояния алкогольного опьянения, что

непосредственно будет ставить под сомнение его возможность осознания объективной реальности в определенный момент времени).

На наш взгляд, законодателю или Пленуму Верховного Суда следует определить порядок и объем ознакомления с такими данными (например, сведения о персональных данных могут быть только прочитаны). Кроме того, нужно обратить внимание, что именно с разрешения судьи или должностного лица органа, ведущего административный процесс, сведения об административном правонарушении могут быть преданы гласности, а в случае, если такие сведения затрагивают личную жизнь потерпевшего, с разрешения потерпевшего и в том объеме, в каком он признает это возможным.

Проблема заключается в смешении понятия «гласность» и «ознакомление с материалами». По нашему мнению, участники процесса могут ознакомиться с материалами дела об административном правонарушении в части, необходимой им для обеспечения права на защиту.

Таким образом, изменения законодательства безусловно должны сопровождать развитие общества и государства, однако при интеграции каких-либо правовых концепций следует избегать этого без учета особенностей национальной правовой системы и соответствующей правовой экспертизы.

Список использованных источников

1. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г и 27 фев. 2022 г. – Минск : НЦПИ, 2022. – 80 с.
3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

А.С. Шавцов,

*Сообщество открытого программного обеспечения, специалист по
информационным технологиям
22by@kesmail.me*

Аннотация: В данной статье рассматриваются теоретические возможные парадигмы технологического развития информационных обществ и государств, и рассматриваются гипотетические теоретико-практические опции благоприятствующие развитию локальных социумов.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, шестой технологический уклад, информационные технологии и общество, цифровизация, импортозамещение.

Мы живём в эпоху перехода на шестой технологический уклад (см. Саймон Кузнец) и Индустрии 4.0. [1] В наш обиход сегодня всё больше проникают Искусственный Интеллект (далее ИИ), беспилотные транспортные средства, аугментация реальности, метавселенные. Метамодернизм приходит на смену постмодернизму. Затраты на некоторые производственные процессы падают, некоторые товары дешевеют. В то же время циклично происходят экономические кризисы и конфликты в мировой экономике. Страны как экономические объекты глобального рынка усиливают свою исторически сложившуюся роль и в некоторых его сегментах конкурируют с глобальными транснациональными корпорациями. В текущем экономическом кризисе 2022 года и рецессии, которую мы сейчас переживаем, всё больше людей задаётся вопросом: "Как обеспечить экономический рост в будущем, как обеспечить рост продуктивности, производительности и эффективности труда?". Особенно это актуально, когда сегодня внедрение ИИ заменяет рабочие места. К примеру, машиниста в беспилотном электропоезде, как когда-то, более 100 лет назад, автотранспорт начал приходить на смену повозкам.

Вопросы, затрагиваемые шестым технологическим укладом довольно обширны, и по каждому из вопросов уже написаны десятки книг и будут написаны ещё сотни. В этом эссе, позволим себе сосредоточиться на двух трендах, предлагающих по нашему мнению решения к вчерашним и завтрашним вопросам.

Используя консервативный традиционный анализ, очевидно, выражена нехватка чипов для вычислительных систем в мировой экономике и рынке. Это особо стало ярко заметно в период пандемии 2020 года, когда мировые торговые цепочки и пути были нарушены. Рост цен на графические ускорители, к примеру, вырос на 300%. Впрочем как и на некоторые другие товары высокого спроса. Отчасти эта проблема была следствием корпоративной монополизации сегмента. Сегодня, в эпоху, когда правительства стран и государств стараются вернуть себе доминирующую роль в мировой экономике, конкурируя с корпорациями, у них есть шанс, на создание открытых платформ вычислительных систем, разделяемых между группами стран, что удовлетворяло бы спрос локального рынка и конечных потребителей, граждан этих стран. Роль общества и государства в новой экономике только возрастает, и у государств, как доминирующих глобальных игроков в мире, есть сегодня

окно возможностей, для создания общественных институтов для управления этими новыми рынками. Особенно это актуально сегодня, в эпоху, когда цифровые права и свободы пользователей попораны и незащищены перед лицом ТНК. Говоря об регулятивных и сертификационных институтах, их можно было бы базово разделить на hardware и software.

Так как в сфере hardware уже имеется и спрос и дефицит, странам заинтересованным в экономическом росте, и создании новых рабочих мест, а так же экономическим союзам стран, стоило бы рассмотреть децентрализацию производства вычислительных систем, создавая свои предприятия для удовлетворения внутреннего спроса. Это могло бы быть возможным благодаря частично плановой, частично смешанной экономической модели, а так же инвестированию во внутренний рынок. Не обязательно hi-tech производства создавать с нуля, так как государства уже доминируют в макроэкономической сфере и экономической иерархии над коммерческими компаниями, давайте рассмотрим возможность приобретения странами уже существующих игроков на рынке. Так, например, страна с годовым ВВП 60 млрд. долларов, в теории могла бы приобрести корпорацию ARM, стоимость которой была оценена в 40 млрд. долларов корпорацией NVIDIA. Вариантами финансирования данной сделки могли бы быть, как и отложенные на один год вперед платежи по ВВП, так и реструктурированные платежи несколькими траншами, а также займ и прочие другие. Возможен так же вариант с покупкой контрольного пакета акций в 51%, что снизило бы стоимость затрат.

Инвестиция подобного уровня в создание собственного производства и рабочих мест, обеспечила бы доминирующее положение на рынке информационных и мобильных технологий, на десятилетия вперед. Для страны с годовым ВВП в 1690 млрд. долларов это бы составило около 3 % от годового ВВП. Впрочем такой стране было бы целесообразней приобрести компанию класса ASML, рыночная стоимость которой оценивается в 350 млрд. долларов для создания производственной цепи процессоров. Возможно также предложить внешним игрокам создать внутренние производства, как это делается с внешними брендами в индустрии питания, где создаются локальные предприятия.

На рынке программного обеспечения экономическим институтам так же предстоит определить как простимулировать внутренний спрос и производство, особенно в сегодняшних условиях, когда импорт ограничивается извне самими импортёрами.

Сегодня все взгляды направлены на экономики Южной Азии. Средней уровень зарплат во многих городах Китая превышает условно 1000 долларов в месяц на человека, в то время как многие города Восточной Европы не достигают этого показателя. В этом контексте целесообразно было бы заняться экономическим развитием именно

Восточной Европы, с учётом того, что стоимость труда ниже чем в развитых регионах Южной Азии.

До этого момента мы обсуждали уже устоявшиеся и состоявшиеся технологии и рынки, производства. Теперь мы вкратце обсудим технологические тренды, которые сегодня в стадии своего зарождения занимают небольшую нишу, но в будущем будут расти экспоненциально. Основой открытого капиталистического (впрочем, как и планового) рынка, как известно, является спрос. Спрос диктуется исходя из потребностей потребителей, которые в свою очередь вычисляются когнитивными функциями. Именно когнитивные системы стали основой одной из экспозиций на выставке Dubai EXPO - 2020. Когнитивные технологии позволяют нам заглянуть внутрь самих себя, понять свои потребности лучше, и становятся наиважнейшим трендом нового технологического уклада. Это технологии, которые помогут человечеству решить внутренние и внешние конфликты, и обеспечат стабильное развитие мира на десятилетия вперёд.

Когнитивные технологии - довольно обширная сфера, подразделяющаяся на множество секторов и отраслей. Среди них есть такие отрасли как wetware, где используются нейронные сети из донорской культуры живых нейронов, присоединённых к цифровой вычислительной системе, а также медицинское нейропротезирование. Характеристика входных \ выходных параметров нормальной функции ткани может помочь созданию протеза биологических синоптических сигналов. Математическое моделирование этих сигналов это комплексная задача в связи с нелинейной динамикой клеточных \ молекулярных механизмов нейронов и их синоптических связей. При математическом моделировании входящих \ исходящих параметров может быть создан нейропротез, который отражает функцию сигналов нормальной биологической ткани.

Подводя итоги можно сделать вывод, что мы живём в эпоху не конца времён, а перед восходом бурного экономического роста. Такой отрезок времени можно характеризовать как «сумеречный», правильно сориентироваться в нём, расставить приоритеты – задача по обеспечению выживания в будущем.

Список использованной литературы

1. Patrick Dallasega Guido Orzes Joseph Sarkisc. Industry 4.0 technologies assessment: A sustainability perspective. // Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0925527320301559>. - Дата доступа: 06.11.2022.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Шавцова

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
varfoloalla@gmail.com

Аннотация. Государственная политика в области государственной, национальной и общественной безопасности обуславливает правовую природу нормативного правового акта, регулирующего данную сферу общественных отношений. Действующий в Республике Беларусь Закон «О нормативных правовых актах» не дает четкого определения понятиям «концепция» и «стратегия» и прямо не устанавливает их юридическую силу. Анализ правовой природы этих дефиниций посвящено проводимое исследование.

Ключевые слова: государственный суверенитет; концепция; стратегия; государственная безопасность; национальная безопасность; правовая природа; юридическая сила.

Важнейшим компонентом государственного суверенитета любого государства является обеспечение государственной, национальной и общественной безопасности. На урегулирование данной области проведения государственной политики в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан направлены отличные по своей политико-правовой природе, содержанию и юридической силе нормативные правовые акты.

Высокая степень государственной и общественной значимости различных аспектов безопасности обуславливают необходимость внимательного и всестороннего анализа, мониторинга как самих общественных отношений, потенциальных угроз и рисков, так и практики реализации, характера влияния и его эффективности со стороны регулирующих правовых норм. В рамках теоретико-правовых исследований следует обратить внимание в первую очередь на правовую природу Указа Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» и сама Концепция [1], в Российской Федерации - Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2], в Республике Казахстан – Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021-2025 годы» от 21.06.2021г. [3].

Если оценивать правовую природу Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, то следует определить ее юридическую силу и ее место в системе нормативных правовых актов. В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 17 июля 2018 г. № 130-З с многочисленными последующими изменениями и дополнениями «концепция» как самостоятельный нормативный правовой

акт прямо не определена. Вместе с тем, следуя сложившейся практике, она утверждается Указом Президента Республики Беларусь, то есть обладает обязательной юридической силой и носит подзаконный характер. Так, в соответствии с п.7 статьи 2 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: «Указ Президента Республики Беларусь – нормативный правовой акт Главы государства, издаваемый в целях реализации для реализации своих полномочий»[4], а согласно прежней редакции: «...и *устанавливающий* (изменяющий, отменяющий) *определенные правовые нормы*» (курсив авт.). Учитывая возможность расширительного толкования данной части нормы (удаленной из закона), можно сделать вывод с одной стороны, о допустимости утверждения такого документа как Концепция, с другой стороны – придание обязательной юридической силы путем утверждения ее (Концепции) указом допустимо, если признать ее нормы правовыми, как это требует закон, однако вызывает сомнение - являются ли они таковыми до утверждения.

Теоретико-правовой анализ понятия «концепция» показал фактически полное совпадение мнений ученых о его природе и содержании: под концепцией, как правило, понимают систему взглядов, выражающую определенный способ видения («точку зрения»), понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентующую ведущую идею или (и) конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике.

Таким образом, анализ приведенных и иных точек зрения на понятие «концепция» позволяет сделать вывод о доминанте научной, теоретической составляющей в ее содержании. В Концепции Республики Беларусь содержатся теоретически обоснованные и обобщенные научные идеи, возведенные в ранг официальных, государственных, а также цели, направления, действия. В отличие от российского и казахского аналогичных документов, в ней прямо не устанавливается в качестве обязательного компонента система мер, способов ее реализации, проведение реформ, проектов, но они допускаются и предполагаются исходя из анализа содержания.

Белорусская модель правового регулирования вопросов безопасности государства, общества и личности в качестве концепции выбрана не случайно. Она основана на научном обосновании такого правового воздействия, его целесообразности, эффективности и необходимости. Так, важно не только правовое, но и политическое значение придания данной Концепции научного характера: концептуальный, обобщенный подход к регулированию вопросов безопасности исключает строго определенные рамки ее применения,

ограничительный характер предмета регулирования, позволяет гибко применять ее на практике путем коррекции диапазона общественных отношений, характера и средств воздействия. Такой подход позволяет оценивать состояние внешнеполитических и внутренних источников угроз, способы их нейтрализации и проводимую в этой связи государственную политику в известной степени условно, а констатируя возрастание количества, степени и уровня источников угроз, возможно толкование, например, основных направлений обеспечения безопасности, субъектного состава и компетенции государственных органов, входящих в круг субъектов, путем развития положений Концепции, их уточнения, конкретизации и расширения.

В практике правового регулирования вопросов обеспечения безопасности иными государствами встречаются отличные от белорусской модели подходы. Это различие обусловлено разницей в подходах к обозначению предмета и пределов обеспечения безопасности, а не только ее методов и способов, а также состоит в выборе иных по правовой форме актов для урегулирования различных аспектов безопасности.

Более определенным по своей юридической силе представляется ранее действовавший Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года № 527-IV. Такая форма нормативного правового акта четко устанавливает его местоположение в общей системе нормативных правовых актов, его правовую природу и юридическую силу. Выбор казахским законодателем высшей формы нормативного правового акта в виде закона как наиболее целесообразной для урегулирования вопросов обеспечения национальной безопасности означает факт признания данной сферы государственных и общественных отношений как важнейшей для построения правового государства. Более того, регулируемая сфера, являясь политически наиболее уязвимой и подвижной, динамичной, подпадает в этом случае под нормы прямого действия. Наконец, не менее важно, что закону, как вполне определенному по юридической силе нормативному правовому акту должна корреспондироваться такая же четко установленная ответственность за его нарушение, это выгодно отличало ранее казахскую модель правовой регламентации национальной безопасности от белорусской и российской, в которых концепция и стратегия не являясь сами по себе нормативными правовыми актами с четко определенной юридической силой, зависят от юридической силы нормативного правового акта, утверждающего их.

Сравнительно-правовой анализ также позволяет сделать вывод о том, что если в соответствии с Разделом 1 «Основные положения» белорусской Концепции она «закрепляет *совокупность официальных взглядов* на

сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз», то Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, носит более определенный с правовой точки зрения характер в аналогичном разделе «I. Общие положения» пункте 2: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу». Положения ранее действовавшей Стратегии по нашему мнению указывали на практический, конструктивный характер данного документа, в частности, содержащееся в пункте 4: «Настоящая Стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности».

Исходя из анализа текстов ранее действовавшего российского и действующего в настоящее время белорусского документов следует, что понятие «концепция» имеет в большей степени научное значение, более широкий контекст, «стратегия» носит более определенный, практический характер, предполагает некое руководство к действию. Об этом свидетельствовали и указанные сроки реализации российской стратегии – до 2020 года, в то время как в настоящее время конкретные временные рамки или этапы не обозначены. Белорусскому законодателю следовало указать, на какой период рассчитана концепция национальной безопасности, даже если учесть, что это только *концепция*, а не четкий план действий, поскольку актуальность и значение обозначенных в ней внутренних и внешних угроз с течением времени может меняться. Безусловно, целесообразно было бы определить и этапы ее реализации, так как не все направления нуждаются в одновременном выполнении.

Необходимо отметить, что в сравниваемых документах Беларуси, России и Казахстана отсутствует градация интересов безопасности по степени важности, выделение среди всех обозначенных направлений и задач, являющихся приоритетными при обеспечении безопасности личности, общества и государства. Целесообразно включить в рассматриваемые документы критерии определения степени важности обеспечения безопасности тех или иных ее сфер, либо их четкую градацию, а также диапазон возможных и допустимых мер и средств воздействия в пределах каждой категории (личности, нации, общества и

государства), в зависимости от степени угрозы - ограничить пределы применения наиболее радикальных форм и методов.

В настоящее время на этапе подготовки нового проекта Концепции национальной безопасности Республики Беларусь представляются весьма актуальными научно-правовые исследования в данной области, в том числе основанные на проведении сравнительно-правового анализа аналогичных документов в других государствах. Обеспечение государственной безопасности является одним из наиболее важных направлений государственной политики, и потому определение юридической силы и содержания регулирующего данную сферу нормативного правового акта нам представляется стратегически значимым в законодательной деятельности.

Список использованных источников:

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 09.11. 2010 г. № 575// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. - № 1/12080.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации, 02.06.2021 г. № 400 //Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792> / Дата доступа: 10.03.2022
3. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021-2025 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 21.06.2021 г. // Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354> / Дата доступа: 10.03.2022
4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 130-3//Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130/> Датадоступа:10.03.2022

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПЛАТНОСТИ ПРАВА ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

И. С. Шахрай

Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
shakhrai@bsu.by

Аннотация. Принцип платности специального природопользования рассматривается в статье в контексте согласования экономических, экологических и социальных интересов. На основе анализа лесного законодательства Республики Беларусь обоснована дальнейшая разработка норм, обеспечивающих последовательную реализацию принципа платности права лесопользования, в частности, упорядочения предоставляемых льгот, уточнения критериев отпуска древесины на корню по таксовой стоимости, согласования обязанностей по уплате арендной платы и платы за лесопользование.

Ключевые слова: устойчивое развитие; право лесопользования; платность; плата за лесопользование; таксовая стоимость; арендная плата.

Исходя из понимания устойчивого развития, сформулированного в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию [1], в правовой доктрине выделяется три основных элемента устойчивости: экономический, экологический и социальный. В сфере природопользования указанные аспекты приобретают значительную специфику, обусловленную экономическим, потребительским значением природных ресурсов, являющихся в то же время составной частью окружающей среды. Закрепление в законодательстве гарантий доступа к природным ресурсам является важнейшим проявлением устойчивости [2, с. 207-209]; при этом государство как собственник таких ресурсов определяет условия доступа к ним (в том числе, устанавливает размер и правила внесения платы за природопользование) с учетом ограниченности природных ресурсов, их востребованности, необходимости обеспечения формально равных условий для различных субъектов, то есть совокупности факторов, имеющих экономическое, экологическое и социальное значение.

Платность специального природопользования провозглашается в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З в качестве одного из принципов охраны окружающей среды, который находит развитие в природоресурсном законодательстве, в том числе, в ст. 8 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. (далее – ЛК), где формулируется как принцип «платности лесопользования, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами». Исторически развитие принципа платности специального природопользования было связано с осуществлением экономических и правовых преобразований, начатых в 1990-х годах, однако право лесопользования, предоставляемое в разрешительном порядке, за редкими исключениями было платным на протяжении всего советского периода [3, с. 63-64].

Необходимо отметить, что платность традиционно рассматривается в доктрине в качестве одного из признаков права специального природопользования, однако данный признак не является основным [4, с. 34-35], что связано с закреплением законодательством случаев бесплатного осуществления специального пользования природными

ресурсами. При этом ЛК не предусматривает деление права лесопользования на общее и специальное (несмотря на то, что возможность такой классификации фактически следует из его положений и подтверждается аналогичным делением права природопользования в соответствии со ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды»). Исходя из этого, платность как принцип распространён ЛК на право лесопользования в целом. При этом на наличие исключений указывается непосредственно при формулировании соответствующего принципа в ст. 8 ЛК, однако, по нашему мнению, принцип как основополагающее начало должен иметь лаконичную конструкцию, а исключения из общего правила следует определять в иных нормах – в рамках механизма реализации данного принципа.

В частности, согласно ЛК бесплатным является: а) осуществление гражданами тех видов пользования, которые исходя из доктринальных подходов можно отнести к общему лесопользованию (сбор дикорастущих ягод, грибов, плодов, орехов, лесной подстилки, опавших листьев, заготовка древесных соков, бересты и веток деревьев, дикорастущих растений и их частей, мха для собственных нужд без разрешительных документов; участие в проводимых на территории лесного фонда культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и (или) спортивно-массовых, физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятиях – ч. 1 п. 1 ст. 44); б) размещение гражданами ульев и пасек, сенокосение, пастьба скота на участках лесного фонда на основании лесного билета (ч. 4 п. 1 ст. 44); в) заготовка древесины при проведении лесохозяйственных мероприятий, побочное лесопользование, осуществляемые юридическими лицами, ведущими лесное хозяйство (п. 5 ст. 102). Данный перечень, таким образом, сформирован с учетом социальных факторов (обеспечение бесплатного доступа к ряду лесных ресурсов граждан), а также общественной значимости деятельности по ведению лесного хозяйства.

Относительно последнего случая следует заметить, что юридические лица, ведущие лесное хозяйство, являясь особым субъектом лесных отношений, осуществляют право лесопользования как в целях выполнения задач по ведению лесного хозяйства, так и в иных случаях [5]. Так, например, осуществление побочного лесопользования является согласно п.п. 1.9, 1.10 ст. 21 ЛК правом, а не обязанностью юридических лиц, ведущих лесное хозяйство; при этом заготовку, сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, шишек, семян, изъятие путем выкапывания дикорастущих растений для использования при воспроизводстве лесов указанные юридические лица осуществляют без разрешительных документов, а в иных случаях побочного лесопользования оформляют лесной билет на общих основаниях. Вызывает сомнения обоснованность освобождения лесохозяйственных организаций от платы за лесопользование, не связанное с ведением лесного хозяйства и

лесовосстановлением, поскольку это создает необоснованные преимущества указанным юридическим лицам (формулируя данный вывод, мы оставим за рамками рассмотрения проблему разделения управленческих и пользовательских функций юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, которая до сих пор не решена в Республике Беларусь [6]).

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что лесопользование в научно-исследовательских и образовательных целях не называется в ст. 103 или иных нормах ЛК в числе исключений, что означает распространение на субъектов указанного права общего требования о внесении платежей. Такая ситуация представляется спорной с учетом общественной значимости указанных целей пользования (даже несмотря на то, что установленная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 ноября 2016 г. № 927 таксовая стоимость за данный вид лесопользования не высока). Вместе с тем, применительно к иным видам природопользования в законодательстве реализован противоположный подход: например, бесплатно осуществляется пользование дикими животными в научных и культурных целях и пользование объектами растительного мира в научно-исследовательских и учебно-опытных целях, в том числе, с изъятием их из среды их обитания и произрастания соответственно (ст. 30 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире», ст. 48 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире»); Налоговый кодекс Республики Беларусь в редакции от 30 декабря 2018 г. устанавливает ряд льгот в виде освобождения от земельного налога земельных участков, используемых в научных и образовательных целях – плательщиками такого налога не признаются бюджетные организации (ст. 237), освобождаются от его уплаты земельные участки организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования (получающих субсидии из бюджета, а также принадлежащих Федерации профсоюзов Беларуси) (ст. 239). Сказанное подтверждает необходимость выработки согласованного подхода к установлению льгот и освобождению от внесения платежей за природопользование и за лесопользование в частности.

Механизм реализации принципа платности права лесопользования обеспечивается закреплением в ЛК обязанности лесопользователей своевременно вносить платежи (ст. 57), неисполнение которой влечет ограничение (приостановление) права лесопользования (ст. 52), а систематическое (два раза и более в календарном году) несоблюдение сроков внесения платежей – прекращение такого права (ст. 53).

На основании анализа ЛК можно выделить следующие формы платежей: 1) плата за лесопользование (ее внесение является обязательным условием выдачи разрешительных документов – лесорубочного билета, ордера, лесного билета (п. 4 ст. 42, ст. 103), тогда как применительно к

видам лесопользования, предоставляемым без выдачи перечисленных документов, подобного указания в ЛК нет); 2) арендная плата за пользование участком лесного фонда, которая вносится в течение всего срока аренды ежемесячно равными частями (п. 7 ст. 47 ЛК), что не освобождает арендатора от платы за лесопользование (п. 4 ст. 103 ЛК).

Согласно ст. 45 ЛК в аренду могут предоставляться участки лесного фонда для заготовки древесины – юридическим лицам, производящим продукцию деревообработки и реализующим инвестиционные проекты, отвечающие установленным Советом Министров Республики Беларусь критериям; для заготовки живицы, второстепенных лесных ресурсов, побочного лесопользования и лесопользования в целях проведения культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и (или) спортивно-массовых, физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий – любым юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Большинство перечисленных видов лесопользования (заготовка древесины, живицы, второстепенных лесных ресурсов, побочное лесопользование) может предоставляться и без заключения договора аренды. Следовательно, по сравнению с лесопользователями, которым данное право предоставлено по внедоговорным основаниям, арендаторы ставятся в худшие условия в части внесения платежей, поскольку в течение всего срока пользования должны вносить и арендную плату (исчисляемую ежегодно исходя из таксовой стоимости и ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь), и плату за лесопользование (определяемую исходя из таксовой стоимости либо по результатам лесных аукционов) – ст.ст. 47, 103 ЛК. Такую ситуацию нельзя назвать обоснованной.

Следует отметить, что подобное дублирование не наблюдается при регулировании предоставления иных природных ресурсов в аренду, а также в концессию (правда, несмотря на то, что исходя из положений законодательства Республики Беларусь, участки лесного фонда могут являться объектами концессии, такая практика на сегодняшний день отсутствует). Так, Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» предусмотрено внесение разового платежа, уплачиваемого концессионером за право владения и пользования объектом концессии (то есть по сути это – плата за предоставление такого объекта), а обязанность внесения платы за лесопользование реализуется в соответствии с ЛК.

Как отмечено выше, размер платы за лесопользование может быть определен по таксовой стоимости либо по результатам торгов (очевидно, что в последнем случае размер платы может оказаться значительно выше, в связи с чем важно четкое разграничение сферы применения административных и конкурентных оснований предоставления права лесопользования). Так, ст. 50 ЛК предусматривает проведение лесных аукционов, предметом которых является право заготовки живицы, второстепенных лесных ресурсов, побочного лесопользования, и

биржевых торгов, на которых реализуется древесина на корню и в заготовленном виде.

Анализ лесного законодательства позволяет отметить, что применительно ко всем перечисленным видам лесопользования, кроме заготовки древесины, административный порядок предоставления права пользования является основным (лесные аукционы проводятся только в случае, если на право осуществления одного и того же вида лесопользования на одном и том же участке лесного фонда претендуют два и более юридических лица и (или) индивидуальных предпринимателя, и при этом второе заявление о предоставлении данного права подано не позднее 15 дней со дня поступления первого заявления – Положение о порядке проведения лесных аукционов, утверждённое постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2016 г. № 907).

Что касается заготовки древесины, то здесь реализован иной подход: древесина на корню реализуется вне биржевых торгов по таксовой стоимости лишь субъектам, перечисленным в п. 8 Правил реализации древесины, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь 23 ноября 2020 г. № 437 – юридическим лицам, ведущим лесное хозяйство (в целях последующей реализацией древесины в заготовленном виде на биржевых торгах, заготовки древесины на труднодоступных участках лесного фонда, при проведении прочих рубок), а также иным юридическим лицам и гражданам по заявкам облисполкомов, преимущественно для собственного производства и (или) потребления либо реализации в заготовленном виде. Учет потребностей в древесине на корню, реализуемой вне биржевых торгов, осуществляется на основании поданных юридическими лицами и гражданами в районные исполнительные комитеты заявок, которые обобщаются областными исполкомами и направляются ими в Министерство лесного хозяйства Республики Беларусь (п. 18-21 Правил реализации древесины), однако критерии выбора поданных заявок фактически не определены, а значит с учетом ограниченных объемов (по данному основанию заготовка древесины возможна в объеме не более пятнадцати процентов от расчетной лесосеки в лесах, находящихся в ведении Министерства лесного хозяйства) областные исполкомы могут произвольно отдавать предпочтение тем или иным субъектам. Кроме того, не содержится четкого ответа на вопрос, возможен ли отпуск древесины на корню вне биржевых торгов по таксовой стоимости иным лицам, помимо указанных в п. 8 названных Правил; не предусматривается механизм проверки критерия «для собственного производства и (или) потребления», с наличием которого в ряде случаев связывается возможность реализации древесины на корню (абзац седьмой п. 8.2, п.п. 8.3, 8.4). Полагаем, что закрепление недостаточно четких требований к субъектам, которым право на заготовку древесины может предоставляться по таксовой стоимости, не обеспечивает

равные условия, следовательно, создает коррупционные риски и противоречит принципам устойчивого развития.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего развития норм, обеспечивающих последовательную реализацию принципа платности права лесопользования, в частности, упорядочения предоставляемых льгот, уточнения критериев отпуска древесины на корню по таксовой стоимости, согласования обязанностей по уплате арендной платы и платы за лесопользование.

Список использованных источников

1. Декларация по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.) // Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека: учеб. пособие / С.А. Балашенко, Т.И. Макарова– Минск: World Wide Printing, 1999. – С. 143-148.

2. Шахрай, И. С. Экологизация правового регулирования: на пути к устойчивому развитию / И. С. Шахрай // Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / Д.В. Шаблинская [и др.]; под ред. В.К. Ладутько, М.Н. Сатолиной. – Минск, Белорусская наука, 2020. – 278 с. – С. 207-223.

3. Шахрай И. С. Право специального лесопользования / И. С. Шахрай. – Минск : Белорусская наука, 2006. – 214 с.

4. Шингель Н. А. Природоресурсное право: учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 399 с.

5. Шахрай, И. С. Правовые формы лесопользования в процессе ведения лесного хозяйства: проблемы правового закрепления / И. С. Шахрай // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенов (гл.ред.) [и др.]. – Минск : Белпринт, 2014. – Вып. 9. – С. 429–234.

6. Шахрай, И.С. Проблемы правового регулирования лесных правоотношений в антикоррупционном контексте / И. Шахрай // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 290-299.

ТЕХНИЧЕСКОЕ НОРМИРОВАНИЕ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ДОКТРИНЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е.С. Щербак

Белорусский государственный университет, студент-магистр
egorlangepas@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается отражение в законодательстве о техническом нормировании и стандартизации основных конституционных правовых принципов, гарантирующих права человека, охрану жизни и здоровья. Отражение в новой редакции Конституции Республики Беларусь норм, гарантирующих выполнение, оказание, производство безопасных и качественных работ, услуг, продукции, что даёт подспорье для развития и построения индустриального европейского государства.

Ключевые слова: техническое нормирование и стандартизация; технический уклад; технический регламент; атомная энергетика; безопасность и качество; технический регулирование; индустриальное государство.

В современном мире конституции распространяют своё действие на все ключевые сферы жизни общества. Ведущий нормативный правовой акт государства обеспечивает принципы правового регулирования, которые носят основополагающий характер для всех отраслей права. В иных областях системы права эти принципы находят детальное воплощение, но их ведущая, основополагающая дефиниция отражена в Конституции.

Конституция Республики Беларусь не является исключением и также распространяет своё действие на все сферы жизни общества. Интерпретация ключевых сфер находит своё отражение и в иных нормативных правовых актах [1]. Так, по мнению Василевича Г.А.: «Стандартизация проявляется в экономической жизни (в частности, в сфере производства и потребления), социальной (в формировании однородной социальной структуры среднего класса), духовной (в формировании массовой культуры)» [2, с. 57]. Также ученый отмечает, что стандартизация в праве отображает стандартизацию всей социальной действительности, репрезентативной для индустриальной цивилизации.

Республика Беларусь является среднеразвитым индустриальным европейским государством. В настоящее время ведётся активная деятельность по переходу из аграрной модели устройства к построению полноценного индустриально развитого государства. Данная цель достигается, в том числе, за счёт открытой экспортно ориентированной экономики. Официальная статистика, представленная Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, констатирует о том, что доля экспорта по отношению к ВВП в 2021 году составила 72 процента, что вдвое больше среднего общемирового показателя [3].

Такой высокий показатель экспорта показывает уровень доверия к продукции, произведенной в Республике Беларусь, что в свою очередь свидетельствует об эффективном правовом механизме в области технического нормирования и стандартизации, который затрагивает качество производимой продукции, оказываемых услуг, работ.

Республика Беларусь, не располагающая внушительными невозобновляемыми природными ресурсами, избрала путь

инновационного развития. Невзирая на это, на современном этапе в Республике Беларусь: четверть используемых технологий соответствуют I – III технологическим укладам, чуть более 2/3 – IV технологическому укладу и менее 10 процентов – V – VI технологическому укладу [4, с. 473].

В настоящее время в мире существует тенденция по переходу к V и VI технологическому укладу, который предполагает перехода к так называемым «новым источникам энергии». К «новыми» относят почти любые энергоисточники — от газа до «зелёной энергетики». Что касается атомной энергетики, то её часто приписывают к IV технологическому укладу, что на наш взгляд неверно, так как для данного технологического уклада большой упор сделан на таком полезном ископаемом как «нефть» и «двигателе внутреннего сгорания».

Для выявления четкой позиции по данному вопросу следует обратиться к Методическим рекомендациям по отнесению технологий к V и VI технологическим укладам, утвержденных Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь [5]. Так, данный Приказ относит к V технологическому укладу «технологии в области атомной энергетики и возобновляемых источников энергии». В этой связи интересно отметить изменение, касающиеся добавления в статью 46 Конституции Республики Беларусь нормы о развитии атомной энергетики в мирных целях.

Развитие атомной энергетики в мирных целях, обеспечение безопасности при производстве и использовании атомной энергии находится в поле деятельности государства. В связи с этим можно утверждать, что эксплуатация Белорусской атомной электростанции (далее – АЭС) находится под тщательным контролем. Еще до начала эксплуатации был принят Закон «Об использовании атомной энергии», позже Закон «О радиационной безопасности». Что касается законодательства о техническом нормировании и стандартизации, то оно также затрагивает данную проблематику. Ст. 2 Закона «О техническом нормировании и стандартизации» упоминает, что одной из основной сфер действий данного нормативного правового акта является «сфера защиты государственных секретов и иной информации, в области использования атомной энергии, обеспечения ядерной и радиационной безопасности, электросвязи устанавливаются актами законодательства»[6].

Исходя из вышесказанного, следует, что в технологическом укладе возрастает значение технического нормирования, нормы которого находят отражения во всех сферах жизни общества. Закрепление в обновленной Конституции Республики Беларусь развития атомной энергетики в мирных целях констатирует намерение государства далее идти по пути построения индустриально развитого государства. Но, тем не менее, память о катастрофе на Чернобыльской АЭС в 1986 году, которая непосредственно затронула территорию современной Республики Беларусь, еще долгие

годы будет актуальной в срезе сравнения с ныне эксплуатируемой, уже на территории самой Беларуси атомной электростанции.

Конституция Республики Беларусь в ст. 2 закрепляет, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Отражение данного принципа находит своё место в вышеупомянутом нормативном правовом акте, таком как Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» №262-З (далее – Закон). Данный Закон направлен на регулирование отношений, возникающих при разработке, установлении и применении технических требований к продукции, иным объектам технического нормирования и объектам стандартизации, других связанных с ними отношений, а также на определение правовых и организационных основ технического нормирования и стандартизации, единой государственной политики в этой области.

Данный Закон в первую очередь ориентирован на обеспечение базисных конституционных прав, при которой граждане, приобретая продукцию, работу, услуги имеют все основания рассчитывать. Первостепенно на надлежащее качество и безопасность, на то, что такая продукция, работы, услуги не причинят вреда их жизни, здоровью, имуществу и соответствуют своему назначению. Исходя из этого, следует, что Закон ориентирован в первую очередь на потребителей (граждан).

Стоит обратить внимание на обновленную ст. 7 Конституции. Речь о расширении перечня субъектов, которые, по мнению национального законодателя, действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней законодательных актов. Согласно новой редакции помимо государства, всех его органов и должностных лиц, в дополнение были представлены организации и граждане. По нашему мнению, данная новелла является необходимой, так как в ряде нормативных правовых актов именно физические лица являются первостепенными выгодоприобретателями от действия того или иного акта законодательства и именно на них направлен нормативный правовой акт. В Законе «О техническом нормировании», а именно ст. 3, субъектами технического нормирования помимо Президента, специализированных органов, отдельно обособлены физические лица, которые непосредственно затронуты в этой области. Можно утверждать о том, что перечень субъектов в конкретном Законе стал соответствовать обновленной Конституции ещё до момента внесения изменений в неё соответствующих правок.

Данный Закон, как упоминалось ранее, направлен на регулирование, установление и применение технических требований к продукции, работам, услугам, конечным звеном которых становится гражданин, и ему важно, чтобы продукция, работа, услуги были качественными и безопасными. Исходя из этого, можно сделать вывод, что дополнительный акцент в Конституции на «гражданах», которые действуют в пределах

высшего нормативного правового акта и принятых в соответствии с ним иных актов законодательства, носит исключительно положительный характер.

Анализируя Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» интересно провести параллель со схожим нормативным правовым актом, действующим в Российской Федерации. Речь о Федеральном законе «О техническом регулировании» (далее – Федеральный закон)[7].

Национальный российский законодатель в п. 1 ст. 7 Федерального закона констатирует, что технические регламенты вместо требований к качеству продукции определяют не более чем минимально необходимые требования к безопасности. В то же время технический регламент не обязан охватывать требования к исполнению продукции, за исключением случаев, когда из-за их отсутствия не обеспечиваются требования к безопасности (п. 4 ст. 7 Федерального Закона).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «обязательное подтверждение соответствия проводится только в случаях, установленных соответствующим техническим регламентом, и исключительно на соответствие требованиям технического регламента». Иначе говоря, речь снова идёт о минимально необходимых требованиях к безопасности.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 7 устанавливает, что труд и здоровье людей находятся под охраной государства. В то же время ч. 1 ст. 41 констатирует, что каждый имеет право на охрану здоровья, а согласно ч. 1 ст. 45 гарантируется государственная защита прав человека. В целях предотвращения возможных нарушения указанных конституционных норм в ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации указано, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»[8].

Одновременно с этим в Федеральном законе не предусмотрены условия и критерии обязательности подтверждения соответствия, а также установлены лишь минимально необходимые требования к безопасности. Допустимость добровольного его подтверждения, а также указанная выше проблематика «минимального требования» нарушают положения Конституции Российской Федерации о гарантированности государственной защиты прав человека, к которым относится и право на охрану здоровья.

Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» не содержит такой трактовки как «минимальные требования» и его правовое значение ориентирована на качество в комплексе с безопасностью. В соответствии с этим, можно сделать вывод, что в Российской Федерации требования к качеству продуктов, работ, услуг эскамотированы требованиями к их безопасности. В этой связи нужно констатировать, что Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» в большей степени соотноситься с

положениями национальной Конституции, гарантирующей права человека, право на охрану жизни и здоровья.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 1996, 2004 и 2022 г., – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.
2. Василевич, Г.А. Конституция. Человек. Государство: Книга 7. Серия: «ПРАВО». / Г.А. Василевич. – Минск: «Право и экономика», 2010. – 261 с.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/vvp-rasschitannyi-metodom-ispolzovaniya-dohodov/2021-god/ – Дата доступа: 14.03.2022.
4. Кунцевич, А.Д. Барьеры выхода на VI технологический уклад в Республике Беларусь / А. Д. Кунцевич // 71-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов : тезисы докладов, 20-25 апреля 2019 г., Минск : в 4 ч. Ч. 3. - Минск : БГТУ, 2020. - С. 472-474.
5. Методические рекомендации по отнесению технологий к V и VI технологическим укладам [Электронный ресурс] : Приказ Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, 06 июня 2017 г., №166 // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. – Режим доступа: http://gknt.gov.by/upload/iblock/Prikaz_-166.pdf – Дата доступа: 14.03.2022.
6. О техническом нормировании и стандартизации: Закон Республики Беларусь , 5 янв. 2004г., № 262-3 // Эталон – Беларусь Электронный ресурс / Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022.
7. О техническом регулировании [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 27 дек. 2002 г., №184-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. Россия / СПС - «Консультант Плюс». – М., 2022.
8. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 14 мар. 2020 г. – М. : Юрист, 2020.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абламейко М. С., Шакель Н. В. Цифровые права в условиях информационного общества	3
Анциферова Э. Ю. Информационный суверенитет: проблемы понимания	8
В. В. Астапова Конституционно-правовые основы антимонопольной политики Республики Беларусь	11
Буйко О.Ю. О проблемах укрепления финансово-экономической основы местного самоуправления	17
Валевко А. С. Административно-предупредительные меры, применяемые для предотвращения актов недобросовестной конкуренции	21
Дятко М. Д., Соловей М. М. Соматические права: аборт, суррогатное материнство в Республике Беларусь	24
Илюкевич В. В. Правовой статус иностранцев во Франции	27
Карамышев А. В. Территориальное общественное самоуправление в Беларуси: трудный поиск концептуальной модели	30
Киселёва Т. М. Закрепление принципа гендерного равенства на конституционном уровне в Республике Беларусь: история и современность	37
Кондратович Н. М. К вопросу гендерного равенства в избирательном законодательстве зарубежных странах	40
Кудрявцев С. В. Пути совершенствования реализации права на образование военнослужащими, проходящими военную службу по контракту	44
Кузьменкова Т. Н. Информационная безопасность как гарантия обеспечения права на образование	47
Кузьменкова Т. Н. Информационная безопасность как гарантия обеспечения права на образование	52
Лукашов А. А. Разделы i и ii Конституции Республики Беларусь: содержание и смысловое наполнение	54
Мамчиц Т. В. Теоретико-правовые аспекты ограничения реорганизации и ликвидации юридического лица в контексте реализации конституционного принципа свободы хозяйственной деятельности	59
Маслова К. В. Влияние новелл конституции на внешнюю политику государства как категорию, определяющую содержание внешнеэкономического регулирования	69

Масловская Т. С. Совершенствование организации и деятельности парламента как направление конституционных реформ в европейских государствах (на примере Италии)	71
Минич С. А. Конституционно-правовое закрепление свободы научного творчества	76
Минько Н.С. Актуальные вопросы формирования теории конституционно-правового евразийского интеграционного развития Беларуси	82
Наумович Т. В. Демографические проблемы – ключевой вызов для устойчивого развития Беларуси	87
Орловская Е.И. Статуты Великого княжества литовского и реформирование судебной системы	92
Поздеев И. А. К вопросу о внедрении института несостоятельности (неплатежеспособности) физических лиц	95
Полещук Д. Г. Новые конституционные гарантии защиты персональных данных и их реализация на современном этапе	100
Пустовая Н. П. Правовая охрана конституционных положений, осуществляемая советом министров Республики Беларусь	106
Скобелев В. П. О влиянии конституционных преобразований на цивилистический процесс	113
Сливко О. Я. К вопросу о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина в административно-деликтном праве	119
Стрижак М. С. Право на жизнь эмбриона и плода человека	123
Тиковенко О. А. Институт народного представительства в условиях обновленной Конституции Республики Беларусь	128
Трипузова А. А. Конституционная новелла об идеологии белорусского государства в контексте модернизации концепции национальной безопасности Республики Беларусь	132
Чешко В. Ю. Особая защита персональных данных как новелла в Конституции Республики Беларусь	137
Шавцов А. С. Вопросы развития технологий в эпоху нового технологического уклада	140
Шавцова А. В. Сравнительно-правовой анализ правовой природы Концепции национальной безопасности Республике Беларусь и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации	143
Шахрай И. С. Некоторые проблемы реализации принципа платности права лесопользования в контексте устойчивого развития	148

Щербак Е. С. Техническое нормирование и стандартизация как фактор устойчивого развития в доктрине конституционных изменений	154
Оглавление	160